

Министерство образования и науки РФ
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
филиал ФГБОУ ВПО «УдГУ» в городе Можге

Т. М. Кибардина

Средства выражения модальности
в удмуртском языке

Можга 2012

УДК 811.511.131'373

ББК 81.664.1 – 3

К 381

Научный редактор

И. В. Тараканов, доктор филологических наук, профессор кафедры удмуртского языка и методики его преподавания

Рецензенты:

доктор филологических наук, доцент Н. В. Кондратьева,
кандидат филологических наук Л. Е. Кириллова

Кибардина Т. М.

К 381 Средства выражения модальности в удмуртском языке. Монография.
Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. – 208 с.

ISBN 978-5-4312-0163-9

Монография посвящена изучению категории модальности и средств ее выражения в современном удмуртском языке. В данной книге впервые выражение категории модальности рассматривается через формы глагольных наклонений, глаголов с модальным значением, модально-предикативных слов, модальных слов, словосочетаний. Материалом для исследования послужили произведения классиков удмуртской литературы и современных авторов, образцы удмуртской речи.

Монография адресована широкому кругу читателей: студентам, аспирантам, научным сотрудникам, преподавателям вузов, учителям общеобразовательных школ, всем тем, кто интересуется финно-угорскими языками и, в частности, морфологией удмуртского языка.

ISBN 978-5-4312-0163-9

УДК 811.511.131'373

ББК 81.664.1 – 3

© Т. М. Кибардина

© ФГБОУ ВПО «Удмуртский

государственный университет», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	4
Введение.....	5
Глава 1. Глагольные формы как средства выражения модальности в удмуртском языке.....	14
1.1. Модальное значение форм изъявительного наклонения.....	14
1.1.1. Модальное значение неочевидности действия.....	18
1.1.2. Модальное значение побуждения к действию.....	22
1.1.3. Категория притворности действия.....	25
1.2. Модальное значение условного наклонения.....	28
1.3. Модальное значение повелительного наклонения.....	33
1.4. Модальное значение безличных глаголов.....	39
1.5. Глаголы с модальным значением.....	42
Глава 2. Модальные слова в удмуртском языке.....	58
2.1. Общекатегориальное значение модальных слов.....	58
2.2. Отношение модальных слов к знаменательным частям речи.....	65
2.3. Отношение модальных слов к служебным частям речи.....	71
2.4. Отношение модальных слов к вводным словам.....	80
2.5. Грамматические значения модальных слов.....	88
2.6. Заимствованные модальные слова и словосочетания.....	135
Глава 3. Модальные словосочетания и вводные конструкции.....	151
3.1. Модальные словосочетания с стержневым словом глагольного происхождения.....	155
3.2. Модальные словосочетания с деепричастной формой в качестве стержневого слова.....	159
3.3. Модальные словосочетания с наречной формой в качестве стержневого слова.....	164
3.4. Модальные словосочетания и вводные конструкции с отглагольно-именной формой в качестве стержневого слова.....	165
Заключение.....	170
Источники.....	178
Литература.....	181

Предисловие

*Светлой памяти моих родителей -
Михаила Васильевича и Любови Ильиничны Кибардиных -
посвящается...*

Эта монография для меня много значит. Это погружение в увлекательный мир поиска материала. Это стремление сделать в жизни что-то важное. Это желание внести лепту в сохранение моего родного удмуртского языка. Это радость победы над обстоятельствами, это преодоление собственного неверия и неуверенности.

Но это труд отнюдь не одного человека. Это многолетняя совместная работа исследователя и его научного руководителя, ученика и мудрых наставников. Это поддержка семьи, коллег, друзей.

И я рада возможности выразить свою благодарность всем тем, кто причастен выходу этой книги.

Выражаю огромную благодарность моему научному руководителю и научному редактору доктору филологических наук, профессору Ивану Васильевичу Тарakanову, моим учителям, преподавателям кафедры удмуртского языка и методики его преподавания и кафедры общего и финно-угорского языкознания Удмуртского государственного университета; особая благодарность д.фил.н., проф. В. К. Кельмакову, д.фил.н., проф. А. Ф. Шутову, д.фил.н. М. Г. Атаманову, к.фил.н., доценту Г. Н. Лесниковой, к.фил.н. А. А. Шибанову. Выражаю признательность рецензентам, д.фил.н., доценту Н. В. Кондратьевой, к.фил.н., с.н.с Удмуртского института ИЯЛ УрО РАН Л. Е. Кирилловой.

Отдельная благодарность администрации и коллегам филиала ФГБОУ ВПО «УдГУ» в г. Можге и Можгинского педагогического колледжа,.

Спасибо моим родным и близким за помощь и поддержку: Константину Кибардину, В. А. Зорину, А. М. Антоновой, С. М. Кибардиной, Г. Н. Кибардиной, М.А. Никифоровой, О.В. Емельяновой (Анисимовой).

Автор

Введение

В процессе живой разговорной речи говорящий нередко сопровождает свое высказывание субъективной оценкой, квалифицируя его с точки зрения значения достоверности или недостоверности, уверенности или неуверенности, утверждения или отрицания и т. д. Выражение отношения высказывания к действительности и отношения говорящего к содержанию своего высказывания называется модальностью (от латинского *modus* ‘мера, способ’). Понятие “модальность” восходит к классической формальной логике, откуда лингвистика заимствовала классификацию суждений на “ассерторические (суждения действительности), проблематические (суждения возможности) и аподиктические (суждения необходимости) и, кроме того, на суждения достоверные и вероятные” [Теория функциональной грамматики 1990: 67].

В удмуртском языкознании вопрос о категории модальности, средствах ее выражения до недавнего времени оставался одним из малоизученных вопросов (Автором данной монографии в 2003 году подготовлена к защите диссертация «Средства выражения модальности в удмуртском языке»). В разное время вопросы категории модальности привлекали внимания ученых-грамматистов, занимающихся проблемами изучения удмуртского языка. Об этом свидетельствуют такие исследования, как работы В. И. Лыткина “Понудительный залог в пермских языках” [Лыткин 1957], В. И. Алатырева “Глаголы притворного действия в удмуртском языке” [Алатырев 1959], Б. А. Серебренникова “О системе глагольных времен в пермских языках” [Серебренников 1963].

В более ранних трудах исследователей удмуртского языка XVIII в. [Сочинениях... 1775, З. Кротова 1785, М. Могилина 1786] данная категория особо не выделена и модальные слова как отдельная морфологическая группа слов не рассматриваются. Но отдельные замечания, прямо или косвенно касающиеся проблемы модальности и слов, обозначающих отношение к содержанию высказывания, в их трудах имеются. Слова, выражающие модальные значения, они рассматривали в составе

либо наречий, либо безличных глаголов [Сочинения... 1775: 109; Кротов 1785: 64, 91, 131, 264; Могилин 1786: 186–187, 183–184].

Модальные слова отдельно не выделяли также и составители удмуртских грамматик первой половины XX века. И. В. Яковлев в «Удмурт кыл рад'ян» не упоминает о словах, которые могли быть отнесены к вводно-модальным [Яковлев 1927]. В «Основах грамматики удмуртского языка» С. П. Жуйков в разделе «Вводные слова» выделяет разряды вводных слов по значениям, вносимым ими в предложение («вводные слова могут выражать различные оттенки мыслей говорящего: а) его уверенность или неуверенность, б) ссылку на чужие мысли, в) сожаление и удовлетворение, г) порядок мыслей»). Автор отмечает, что вводными словами могут быть глаголы (*шодисько, тодисько, шуо вал*), наречия (*пожалой, конечно, зэм угось, вылды, ойтод*) [Жуйков 1937: 24].

А. В. Конюхова в учебнике для 6 – 7 классов «Удмурт кыл грамматика» в параграфе, посвящённом вводным словам и предложениям, в определении вводных слов указывает на модальные значения, которые они вносят в предложение: уверенность говорящего, неуверенность говорящего, ссылку на чужое мнение по поводу высказываемой мысли. В качестве примеров приводит слова *тодмо ини, зэм, озьы луоз, зэмзэ ик, шонерзэ вераса, вылды, шодске, шуо, мон сямен, солэн верамезъя* [Конюхова 1962: 72]. Все приведённые примеры в данной монографии рассматриваются как модальные слова.

По данной проблеме из работ за последние десятилетия следует отметить статьи В. В. Поздеева «Синтаксические средства выражения побудительной модальности в удмуртском языке» [1990], «Категория фиктивности действия в современном удмуртском языке» [1994], Н. А. Сергеевой «К вопросу о некоторых средствах выражения модальности в удмуртском языке» [1991], А. И. Кузнецовой «Категория неочевидности и возможности передачи ее в удмуртском и марийском языках» [2002], отдельные статьи автора данной монографии [Кибардина 1999, 2002, 2005, 2006, 2007, 2008, 2009]. Однако вопрос требует более пристального, всестороннего изучения.

В последнее время к вопросам изучения категории модальности более активно стали обращаться исследователи финно-угорских языков. В своём диссертационном

исследовании «Модальные слова и словосочетания в современном мари́йском языке» О. В. Анисимова анализирует степень изученности категории модальности и, в частности, модальных слов в финно-угорских языках и отмечает, что «модальные слова изучены не во всех языках, а если и исследованы, то очень поверхностно» [Анисимова 2007: 16].

Между тем в отечественном языкознании к вопросу исследования категории модальности активно подходили многие исследователи. Так, например, немалое количество научных исследований, посвященных категории модальности, вводно-модальным словам, модальным частицам проведено в трудах русистов [А. М. Боровича, Д. И. Ганича, В. М. Никитевича, Т. Г. Мироновой, П. А. Эслон, М. И. Кудрявцевой, Н. А. Саенковой], тюркологов [Р. А. Каримовой, Е. Н. Жанпеисова, Н. Е. Петрова, М. Р. Федотова и др.].

Основной вклад в изучение категории модальности и модальных слов внес академик В. В. Виноградов, чьи взгляды легли в свою очередь в основу исследований его последователей. Сам же В. В. Виноградов, опираясь на труды предшественников, изложил их и свои основные взгляды в трудах “Модальные слова” [1947: 725–744], “О категории модальности и модальных словах в русском языке” [1950], “Модальные слова и частицы” [1986]. Он же первый среди лингвистов выдвинул идею о выделении модальных слов в особую часть речи, которая может занять свое место в ряду других частей речи [1947: 42–44].

В определении модальности обращает на себя внимание соотношение следующих понятий: модальность и предложение, модальность и предикативность, модальность и наклонение.

В “Лингвистическом энциклопедическом словаре” о модальности и предикативности сообщается, что “модальность – обязательный признак любого высказывания, одна из категорий, формирующих предикативную единицу – предложение” [ЛЭС: 303].

В свою очередь предикативность как категория синтаксическая тоже является неизменным признаком предложения. По мнению многих языковедов [В. В. Виноградов, А. В. Шапиро, М. Р. Федотов] модальность, наряду с предикативностью и ин-

тонацией, является одним из основных признаков предложения. Иными словами, без модальности нет предложения. В доказательство этому приводятся суждения, которые можно свести к следующему: всякое предложение содержит информацию об отношении к действительности, т. е. в любом высказывании можно рассмотреть утверждение либо отрицание фактов объективной действительности, а также субъективную квалификацию сообщаемого в плане утверждения, отрицания, сомнения, уверенности и т. д.

Например, А. В. Шапиро считает: “Предложений, в которых не было бы тем или иным способом выражено отношение содержания высказываемого к действительности, ни в одном языке не существует. Слово, словосочетание, группа словосочетаний – еще не предложение, пока им не присвоен тот языковой признак, которым указывается отношение заключающегося в них содержания к действительности. А это и есть модальность, и выражается она специальными структурными приемами, выработанными и устойчивыми в каждом данном языке” [Шапиро 1958: 4].

По мнению М. М. Гухмана, категория модальности универсальна: “Нет и не может быть высказывания, содержание которого было бы “не модально” [Гухман 1973: 4].

Д. И. Ганич считает, что “модальными значениями пронизана вся система языка, и потому нельзя в языке искать единых, четко очерченных способов ее грамматического выражения. Все средства грамматической связи служат выражению модальности”. По его мнению, каких-либо отдельных, четких признаков модальности в языке может и не быть, но вместе с тем модальность будет присутствовать в любом высказывании: “Модальность – это свойство языка вообще...постоянный и неизбежный его признак” [Ганич 1953б: 7].

Примерно таких же взглядов придерживаются Феер Денешне (“Отражая сложные взаимоотношения между четырьмя факторами коммуникации – говорящим, собеседником, действительностью и содержанием высказывания, – модальность является многоаспектной, комплексной категорией” [Феер Денешне 1980: 10]) и Е. А. Крашенинникова (“Категория модальности выражается в любом предложении. Она

является одним из признаков предложения и, таким образом, относится к области синтаксиса” [Крашенинникова 1954: 6]).

Таким образом, категория модальности связана со всей структурой предложения, как об этом высказался В. В. Виноградов, “каждое предложение включает в себя, как существенный конструктивный признак, модальное значение” [Виноградов 1950: 55].

И модальность, и предикативность морфологически выражаются через формы глагольного наклонения, с помощью которого сообщаемое предстает как реально осуществляющееся во времени, или же мыслится в плане ирреальности. Однако, как отмечает Д. А. Ганич, “глагольные наклонения не могут полностью обеспечить выражение всех модальных значений и их оттенков” [Ганич 1953а: 6]. Для этого в языке существуют и другие способы выражения модальности: интонация, модальные глаголы, безлично-предикативные слова, модальные слова, модальные и модально-волевые частицы.

В связи с вышеизложенным модальность дифференцируется на объективную модальность (отношение содержания высказывания к действительности) и субъективную модальность (отношение говорящего к содержанию своего высказывания).

Объективная модальность – необходимая принадлежность каждого предложения. То есть, любое предложение, даже если оно не содержит лексических средств выражения модальности (модальных глаголов, модальных слов, модальных частиц и др.) выражает отношение высказывания к действительности. Объективная модальность – это обязательный признак любого высказывания, одна из необходимых условий для формирования предикативной единицы – предложения. Она выражает отношение сообщаемого к действительности в плане реальности и ирреальности и выражается формами изъявительного наклонения глагола-сказуемого (выражение реальности) и формами условного и повелительного наклонений (выражение ирреальности).

Но в речи чаще всего модальность реализуется через комплекс средств объективной и субъективной модальности.

Субъективная модальность, т.е. отношение говорящего к сообщаемому, является “факультативным признаком модальности высказывания” [ЛЭС: 303], ее может и не быть в предложении. По словам Г. А. Золотовой, “субъективная модальность, не меняя основного модального значения предложения, подает это значение в особом ракурсе, в особом освещении” [Золотова 1962: 73].

В. В. Виноградов, давая определение предложения, отметил, что “в предложении выражается не только сообщение о действительности, но и отношение к ней говорящего” [Виноградов 1975: 254]. По поводу сообщаемого говорящий может выражать свои субъективные взгляды: предположение, желание, сомнение, уверенность, намерение, утверждение или отрицание. Вместе с тем говорящий может выражать и различные эмоционально-экспрессивные чувства: радость, сожаление, возмущение, которые тоже частично содержат значение модальности.

А. А. Шахматов писал, что в русском языке модальность может получать “несколько различных словесных выражений, во-первых, в форме глагольного сказуемого, посредством изменения его основы и окончаний; во-вторых, в особых служебных словах, сопровождающих сказуемое или главный член предложения; в-третьих, в особенном порядке слов в предложении; в-четвертых, в особенности интонации сказуемого или главного члена односоставного предложения” [Шахматов 1941: 481].

Субъективное отношение к действительности, наряду с лексическими средствами модальности, можно выразить также целым спектром оттенков интонаций, как модальных, так и эмоционально-экспрессивных. Интонация сообщения “является важным средством оформления предложения и выступает в качестве одного из постоянных признаков предложения” [Виноградов 1975: 559].

Таким образом, категория модальности оформляется различными языковыми средствами: интонацией, наклоном глагола, модальными глаголами, модальными словами и частицами, но, по словам В. В. Виноградова, “в разных формах обнаруживается в языках разных систем” [Виноградов 1950: 57].

Однако, по мнению М. Р. Федотова, интонация не всегда является средством воплощения реализации мысли, интонацию по письменной речи достоверно изучить

нельзя. Здесь нам представляется допустимым привести цитату в полном объеме, поскольку в ней содержатся весьма интересные и существенные замечания: “Её (интонацию – Т. К.) можно изучить только в живом звучании, говорении, успешное ее разрешение возможно лишь экспериментально-фонетическим путем... Что касается интонационных знаков, то запятые, точки, тире, восклицательные, вопросительные и другие пометки никак не могут отразить в какой-то удовлетворительной мере наши чисто звуковые интонационные особенности, или же совсем лишены такой возможности... Короче говоря, язык так тонок, так богат интонационными ритмо-мелодичными и модально-экспрессивными средствами, что никакие общепринятые схемы повествовательного, вопросительного, побудительного предложений не в состоянии полностью зафиксировать их” [Федотов 1961: 8]. С этим, пожалуй, невозможно не согласиться. Действительно, интонация есть признак звучащей речи, и на письме вряд ли возможна передача всех оттенков интонации высказывания. Например, в предложении *Малпаське ай, малы куддыръя асьмеос, жуг-жагын копаськыса, котырысь сяськаез адъыны ум быгатъське?* (Валишин: 12). ‘Подумайте-ка, почему мы иногда, копаясь в грязи, не замечаем цветов вокруг?’ в интонации вопроса звучит не столько желание получить ответ, сколько здесь выражены такие чувства и эмоции, как сожаление, грусть, чувство собственного бессилия, желание пристыдить себя. А в некоторых отдельно взятых предложениях без знакомства с речевой ситуацией невозможно вообще определить интонацию и выражаемые в высказывании отношение говорящего и его чувства: *Тани татъ кут...* (Валишин: 12) ‘Вот здесь держи...’

Но, несмотря на то, что интонация – признак звучащей речи, все же она является одним из средств выражения субъективной модальности. “По мнению некоторых языковедов, – пишет Феер Денешне, – квалификация высказывания определяется его коммуникативным назначением, тем, выражается ли в нем сообщение, вопрос, желание или побуждение к действию” [Феер Денешне 1980: 5]. А все эти значения в живом общении в актах коммуникации передаются в числе других средств и оттенками интонации.

В «Грамматике современного удмуртского языка» интонация предложения также отмечена одним из средств выражения модальности («Каждое предложение, выраженное с той или иной интонацией, содержит в себе указание на отношение к действительности» [ГСУЯ 1962: 365]).

В данной работе мы не ставим перед собой задачи исследования реализации модальных значений высказывания в удмуртском языке посредством интонации и ограничимся лишь приведенным выше замечанием.

Одними из последних исследований категории модальности являются монография Р. Т. Гильфанова «Лексико-грамматические средства выражения модальности в разноструктурных языках (на материале татарского и немецкого языков)» (2006 г.), диссертация Л. М. Бикбаевой «Система средств выражения побудительной модальности в татарском и русском языках» (2008 г.), диссертация О. Г. Оленчук «Языковые средства репрезентации проблематической модальности» (2012 г.). В работах названных авторов имеются противоречивые взгляды на существование объективной модальности. В частности, Л. М. Бикбаева по поводу объективной модальности пишет: «Объективная модальность участвует в формировании пропозиции, входит в содержание внутренней модальной рамки, отражая через тип отношений между предикатом и его актантами отношение между частями описываемой ситуации» [Бикбаева 2008: 8]. О. Г. Оленчук отрицает существование объективной модальности: «Категория модальности в языке является исключительно субъективной характеристикой высказывания, поэтому традиционное разделение данной категории на модальность субъективную и модальность объективную не представляется обоснованным. В высказывании модальные значения составляют два «слоя» модальных отношений: первичный и вторичный». Под первичным слоем исследователь предполагает характеристику «отношения содержания высказывания к действительности с точки зрения говорящего», а вторичная модальность «есть характеристика отношения субъекта к действию с точки зрения необходимости, возможности, желательности данного действия, а также характеристика отношения говорящего к содержанию высказывания в целом в плане выражения той или иной степени его уверенности в сообщаемом» [Оленчук 2012: 6].

Что касается нашего понимания относительно модальности высказывания, нам ближе мнение, что в любом предложении имеется модальность, т.е. отношение высказывания к действительности, даже если модальность не выражена особыми лексическими средствами; мы признаем две формы существования модальности – объективную модальность и субъективную модальность.

В связи с этим по вопросу истории изучения данной категории здесь уместно привести интересное, на наш взгляд, мнение Н. Е. Петрова: “Модальные значения как выразители отношений говорящего могли возникнуть только в актах коммуникации. Они, будучи непосредственным порождением языкового (речевого) общения и обслуживая его, представляют собой некоторой стороной самые древние грамматические значения, появившиеся во времена общения на уровне речевых сигналов и отдельных слов. В этот самый ранний период, который можно назвать первым этапом происхождения и развития модальности, вся грамматика, вероятно, была представлена некоторыми модальными отношениями, например, употреблялись отдельные интонационно-просодические средства привлечения внимания собеседника и передачи эмоций, активно функционировали звательная категория, побудительные, вопросительные интонации и некоторые модальные слова, а также существовали зачатки указательно-выделительной модальности” [Петров 1984: 5].

Согласно этому высказыванию, модальность – одна из первоначальных языковых категорий, что еще раз подтверждает всеобъемлющий характер данной категории.

Исходя из степени изученности данного вопроса в языках разных структур, финно-угорских языках и в удмуртском языке автор ставит цель изучения способов выражения языковой модальности, ее грамматической сущности, средств её выражения в удмуртском языке. В данной монографии рассматривается выражение модальности различными глагольными формами (формами глагольных наклонений, в том числе и изъявительного; безличными глаголами, глаголами с модальным значением), модальными словами собственно удмуртского происхождения и заимствованными модальными словами, модальными словосочетаниями. В удмуртском языке впервые рассматриваются пути и способы образования лексических единиц, выражающих модальность; определяется лексический состав модальных слов и словосочетаний.

Глава 1. Глагольные формы как средства выражения модальности в удмуртском языке

1.1. Модальные значения форм изъявительного наклонения

В подавляющем большинстве наша речь состоит из глагольных предложений. А в предложении глагол почти всегда имеет форму наклонения и, следовательно, морфологически выражает модальность действия, которое оно обозначает. Таким образом, наклонение является основным и типичнейшим средством выражения модальности. По мнению академика В.В. Виноградова, “категория наклонения – это грамматическая категория в системе глагола, определяющая модальность действия, т.е. обозначающая отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим лицом” [Виноградов 1947: 581]. Подобные взгляды находим и в трудах современников. К примеру, В. А. Плунгян в учебном пособии “Общая морфология: Введение в проблематику” отмечает, что “семантическая зона глагольной модальности – одна из самых обширных и разнородных”, а модальность называет “одним из эпоцентрических механизмов естественных языков” [Плунгян 2003: 308, 309].

Наиболее конкретно модальность высказывания в языке передается формами условного и повелительного наклонений. А. М. Бордович утверждает: “Не все разряды наклонений в одинаковой мере характеризуются разнообразием модальных значений. Модально “бедным” является изъявительное наклонение, фактически, прямо, “объективно” отражающее действительность и служащее как бы положительной, нулевой, исходной точкой модальности. Изъявительное наклонение, употребленное в собственном значении, указывает на действие, наличие (с отрицательной частицей *не* отсутствие) в настоящем, прошлом и будущем... Утверждением наличных и отрицанием отсутствующих действий, собственно, и ограничиваются модальные значения форм изъявительного наклонения” [Бордович 1956: 11].

Однако с этим полностью нельзя согласиться, так как некоторые формы изъявительного наклонения могут передавать модальные значения, например, будущее время в русском языке может выражать намерение совершить действие: *прочитаю, приеду*; в удмуртском языке формой неочевидного прошедшего времени передается

значение неочевидности действия: *лыдњем* '(он) читал, оказывается', *вераллям* '(они) говорили, оказывается'.

Модальные функции глаголов изъявительного наклонения в русском языке рассматривал В. М. Никитевич. Он, в частности, отмечает: "Установление говорящим отношения действия к действительности, т.е. установление его модальности, основано на знании говорящего о факте действия. Если его знание о факте действия является безусловным или сами действия носят объективно-постоянный или очевидный характер (действие происходит или происходило на глазах говорящего), установление модальности действия является также необходимо-объективным... Значение изъявительного наклонения основано на безусловной достоверности факта, оно не выходит из сферы констатации или отрицания его реальности" [Никитевич 1953: 182–183]. По его мнению, безусловно достоверным может быть не только действие реальное, но и возможное и необходимое. К таковым Никитевич относит действия, которые имеются всегда, неизменно, и являются выражением осознанных человеческих закономерностей объективной действительности. "Их безусловная "достоверность" нашла свое выражение в постоянных формулах языка – пословицах и поговорках: *Плечью обуха не перешибешь. И без золота счастье найдешь*" [Никитевич 1953: 183].

В "защиту" содержания модальности в формах изъявительного наклонения В. В. Виноградов писал: "Формы изъявительного наклонения "объективны". Но эта "объективность" бывает окружена разнообразными оттенками субъективного представления, которые присущи формам времени. Кроме того, выражение модальных оттенков действия переносится на модальные слова и частицы, сопутствующие формам изъявительного наклонения... Возникает ряд модальных конструкций аналитического типа. В них изъявительное наклонение приближается по оттенкам своих значений к другим наклонениям глагола" [Виноградов 1947: 587].

Одним из наиболее распространенных способов выражения модальности в удмуртском языке также являются формы различных наклонений: изъявительного, условного, повелительного. В "Грамматике современного удмуртского языка" отмечается, что наклонение, являясь категорией глагола, обозначает устанавливаемое го-

ворящим лицом отношение действия к действительности [ГСУЯ 1962: 196]. Через форму наклонения можно определить, “осуществляется ли действие на самом деле или оно представляется желательным, возможным при определенных условиях, или говорящий побуждает другого совершить это действие” [Там же, 196].

Отношение сообщаемого к действительности в плане реальности в удмуртском языке в предложении выражается формами изъявительного наклонения. Изъявительное наклонение глагола обозначает наличие либо отрицание фактов действия, действительности во всех трех временных формах. Когда мы говорим: *Шунды яркыт пшитэ* ‘Солнце ярко светит’; *Коля школае кз мыны* ‘Коля в школу не пошел’; *Куноос пуказе лыктозы* ‘Гости завтра приедут’, мы тем самым утверждаем явления бытия, констатируем факты, осуществляющиеся в настоящее время, осуществленные в прошлом или осуществимые в будущем, либо отрицаем их. Отрицание в удмуртском языке (в отличие от русского, в котором отрицание выражается сочетанием глагола-сказуемого с отрицательной частицей *не*) в настоящем и будущем времени оформляется сочетанием вспомогательных отрицательных глаголов *уг* ‘я не’, *уд* ‘ты не, вы не’, *уз* ‘он (она, оно) не, они не’, *ум* ‘мы не’, в прошедшем времени – *ой* ‘я не’, *ом* ‘мы не’, *од* ‘ты не, вы не’, *оз* ‘он (она, оно) не, они не’ с глаголом-сказуемым с лексическим содержанием. Например: *кй лыдны* ‘я не читал’, *уг лыдныськы* ‘я не читаю’, *ум лыдны* ‘мы не будем читать’: *Воргоронлэсь та гуртэ вуэм мугзэ нокин уг тоды* (Нянькина: 31). ‘Причины появления мужчины в этой деревне никто не знает’. *Кз вуэ соос ар ортчыса но, кык но* (Нянькина: 30). ‘Не приехали они ни через год, ни через два’. *Мон ноку, ноку тонэ уг ложмыты ни. Тамак уг кыскы, школае нуаллы быдэ ветло* (Валишин: 36). ‘Я никогда, никогда тебя больше не буду огорчать. Курить не буду, в школу каждый день буду ходить’.

По мнению К. Е. Майтинской, вспомогательные отрицательные глаголы *уг* ‘я не’, *уд* ‘ты не, вы не’, *уз* ‘он (она, оно) не, они не’, *ум* ‘мы не’, *ой* ‘я не’, *ом* ‘мы не’, *од* ‘ты не, вы не’, *оз* ‘он (она, оно) не, они не’ по образованию восходят к некогда полновесным глаголам: “Уже в уральском языке-основе употреблялся вспомогательный отрицательный глагол с основой, который свою изменяемость по лицам, временам и наклонениям в разной степени сохранил в языках финно-пермской и самодийской

ветвей” [Майтинская 1982: 128]. Но в удмуртском языке отрицание осуществляется также и с помощью модальной отрицательной частицы *ќвќл* ‘нет, не’. К. Е. Майтинская модальную частицу *ќвќл* возводит к отрицательному глаголу: “Хотя в пермских языках отрицательный глагол спрягается так же широко, некоторые его осложненные варианты явно преобразовались в частицы” [там же, с. 129].

Б. А. Серебренников происхождение удмуртской отрицательной частицы *öwöl* и коми *абу* возводит к слиянию отрицательного глагола, “осложненного суффиксом *-р*, *-b*, с глаголами *vilini/vevni* ‘быть’ [Серебренников 1963: 380]. Модальное значение данных глаголов-частиц и частиц в пермских языках достаточно не изучены, рассмотрению данных глаголов и частиц посвящены лишь главы в “Грамматике современного удмуртского языка” [ГСУЯ 1962] и “Современный коми язык” [1955]. Описанию отрицательных частиц более пристальное внимание уделено в работе К. Е. Майтинской [1982] и С. С. Сибатровой “Модальные и модально-волевые частицы в марийском языке”, где, в частности, она отмечает, что модальность отрицательной частицы заключается в отрицании “предыдущей мысли или чьего-нибудь высказывания в целом, также обозначает отрицательный ответ на вопрос” [Сибатрова 1987: 125].

В. В. Виноградов изъявительное наклонение глагола называет “грамматическим фоном, на котором понимаются и оцениваются модальные значения”. Это, по его словам, “нулевая, негативная грамматическая категория, в нем сообщение о действии представляется прямым отражением действительности... в формах изъявительного наклонения никак не выражено эмоционально-волевое отношение субъекта к действию” [Виноградов 1947: 587].

Но в удмуртском языке, в отличие от русского, некоторые формы изъявительного наклонения так же, как и условное и повелительное, могут иметь грамматические показатели модальности. К таким формам изъявительного наклонения относятся:

- а) глаголы неочевидного прошедшего времени с грамматическим показателем суффиксом *-м* (положительная форма) и *-мтэ* (отрицательная форма);
- б) глаголы понудительного залога с суффиксами *-т-*, *-т(ы)-*;

в) глаголы притворного действия с суффиксами *-(э)мъяськ-*, *-(э)мъяськ(ы)-*, *-мтэськ-*, *-мтэськ(ы)-*.

Рассмотрим каждое из перечисленных грамматических категорий в отдельности.

1.1.1. Модальное значение неочевидности действия

В удмуртском языке глагол может употребляться в восьми формах времени: настоящего, будущего и шести формах прошедшего времени – очевидного прошедшего, неочевидного прошедшего, первого и второго давно прошедшего времени, продолжительного прошедшего и многократного прошедшего времени [УКК 2011: 178–189]. Модальное значение неочевидности действия мы можем наблюдать у глаголов неочевидного прошедшего времени с суффиксом *-м* в положительной форме и *-мтэ* – в отрицательной форме.

Формой очевидного прошедшего времени говорящий обозначает действие, совершившееся воочию до момента речи (“Тодмо ортчем дырын каронкылъёс возмат верамлэсь азьло син азьын ортчем действиез” [УКК 2011: 180]): *Матвеев койка вылысьтыз лутъёськиз, Световидов азе султъёз*. (Красильников: 55). ‘Матвеев поднялся с кровати, встал перед Световидовым’. *Висись шоры учкытэк, Соснов тумбочка вылысь басьтёз кужалэс бумага листэз* (Там же, с. 21). ‘Не глядя на больного, Соснов взял с тумбочки желтоватый листок бумаги’. *Температурадэс кд мерталэ-а?* (Там же, с. 82). ‘Температуру (свою) (Вы) не измеряли?’

Глаголы неочевидного прошедшего времени, в отличие от очевидного прошедшего, обозначают действие, которое говорящий не видел сам или передаёт со слов другого очевидца (деятеля) (“Тодмотэм ортчем дырын каронкылъёс возмат синмын адъымтэ (син азьын луымтэ) яке кинлэсь ке кылыса гинэ верам действиез” [УКК 2011: 183]). Как отмечает Б. А. Серебренников в статье “О системе глагольных времен в пермских языках”, “в преобладающем большинстве случаев говорящий, констатирующий результат действия, сам не является очевидцем этого действия, перфект не только обозначает результат действия, но также широко употребляется и для обозначения действия, неочевидного для говорящего” [Серебренников 1963: 266]. И

это обстоятельство, по словам Б. А. Серебренникова, “послужило базой для развития у перфекта модального значения неочевидности” [Там же, 266].

Подобное явление в хантыйском языке рассматривается как неочевидное наклонение глагола. А. Д. Каксин в автореферате диссертации «Категория наклонения в хантыйском языке (формы и функции)» отдельную главу посвящает рассмотрению формы неочевидного наклонения и, в частности, отмечает, что в хантыйском языке неочевидность действия «определяется значением временного показателя» формами на *-м-* (для обозначения прошедшего действия), на *-л-* (что совершается «в данный момент») и на *-т-* (значение косвенной речи) [Каксин 1994: 15].

Итак, говорящий посредством глаголов неочевидного прошедшего времени рассказывает о фактах, очевидцем и участником которых он не был: *ветлэм* ‘(он) ходил, оказывается’, *возьматћллям* ‘(они) показывали, оказывается’; или он не знал об этих фактах и действиях: *мон ветлћськем* ‘(я) ходил, оказывается’, *ми лыдһыськеммы* ‘(мы) читали, оказывается’. Примеры: *Али Ижын улэ уни, заводысь самодеятельной коллективен кивалтэ. Культура удысысь заслуженной дано ним сётћллям* (Перевощиков, 1: 106). ‘Сейчас в Ижевске живет уже, руководит заводским самодеятельным коллективом. Почетное звание заслуженного деятеля культуры присвоили, оказывается’. *Уть ай, куке-соку ымаз но, пе, уг тырылы вал. Кытын-кытын, аслаз сюаназ шапык но оскалтымтэ* (там же, с. 104). ‘Смотри-ка, когда-то, мол, и в рот не брал. Где-где – на своей собственной свадьбе ни капли, оказывается, не попробовал’. *Соку ик синмаськем со ар ныллы. Нылаш но Тургайме яратэм* (Леонтьев: 77). ‘Вот тогда и влюбился он, оказывается, в удмуртку. И девушка моего Тургая полюбила’. *Соснов няняез керетыны малпам ни вал но, выж вылысь фарфоровой банкаез адһыз: квкл, Сергеевна янгыш квкл, висисылы со сяласькон посуда пуктэм* (Красильников: 20). ‘Соснов хотел было уже сделать замечание няне, но заметил на полу белую фарфоровую баночку: нет, Сергеевна не виновата, больному она плевательницу, оказывается, поставила’. *Со висыса кыллыку, Колчакез кутћллям, ыбыса но вутћллям уни.* (Красильников: 22). ‘Когда он лежал больной, Колчака, оказывается, поймали и даже успели расстрелять’. *Огъя вераса, мон карьерист вылћськем, Роман Петрович!* (Перевощиков, 1: 186). ‘Одним словом, я оказался карьеристом, Роман Петрович!’ *Тод-*

*матскеммы бере, ми одӥгезлы паймимы: кыкнамы но одӥг городысь **вылӥськеммы*** (Нянькина: 111). ‘После знакомства мы одному удивились: мы оба, оказывается, были из одного города’.

Отрицательная форма неочевидного прошедшего времени образуется и синтетическим – добавлением к глагольной основе суффикса *-мтэ*, и аналитическим способом – добавлением к глаголу в положительной форме неочевидного прошедшего времени отрицательной частицы *квӧкл* ‘нет, не’ в препозиции. Суффикс *-мтэ* по образованию сложный. Он представляет собой сочетание суффикса неочевидного прошедшего времени *-м* со значением неочевидности и суффикса *-тэ* со значением отрицания: *мон ветлӥськымтэ, квӧкл ветлӥськем* ‘я не ходил, оказывается’, *соос вераллямтэ, квӧкл вераллям* ‘они не рассказывали, оказывается’: *Табере валамон, арӥёс доры мынон сярысь вераськонӥёс так вераськонӥёс гинэ **вылымтэ*** (Леонтьев: 48). ‘Теперь понятно: разговоры о походе к удмуртам не были, оказывается, пустыми разговорами’. *Фу, яра коть татын ай... Кошкиллямтэды на... Мон... мон малнай вал ини...* (Леонтьев: 71). ‘Фу, ладно хоть здесь еще... Вы не ушли еще, оказывается... Я... я уже подумал было...’. *Уть ай, ӟапак соин адями квӧкл но кышнояськем ук!* (Перевошиков, 1: 247). ‘Смотри-ка, именно поэтому человек, оказывается, и не женился!’ *Иське... иське, Сергей Сергеевич квӧкл янгышам? Зэм вылэм? Ме, учкы тани!* (Перевошиков, 1: 233). ‘Значит... значит, Сергей Сергеевич не ошибался, оказывается. Это оказалось правдой? На, смотри, вот!’

Неочевидное прошедшее время в удмуртском языке не всегда передает значение неочевидности действия, об этом уже было сказано выше. Чаще всего с помощью глаголов на *-м* и *-мтэ* происходит сообщение о действиях, имевших место в прошлом: *Кемалась, кемалась – вайкала дыръёсы – / Зундэсьёс, чигвесьёс нулдылон арӥёсы. / Сяськаясь льомнуо Вало шур кожӥёсын, / Сутэрен данъяськись Вожой шур дурӥёсын, / Оло нош Чупчилэн кыдӥкысь йылӥёсаз, / Оло нош Туймылэн волмытэсь возӥёсаз/**Вордиськем** Италмас* (Петров: 6). ‘Словно гром отдаленный в столетиях живет / Незапамятный век, незапамятный год. / Среди черемух, что пышно цветут над Валой, / Или там, где смородиной пахнет Вожой, / Близ Чепцы иль Туймы – неизвест-

но для нас – / В незапамятный день, незапамятный час / Родилась Италмас’ (перевод В. Семакина).

Глаголы в форме неочевидного прошедшего времени чаще всего встречаются в произведениях фольклора – удмуртских народных сказках: *Одӱг крестьян базаре мыныны **дасяськем**. Гуысьтыз кык-куинь йыр кубиста **поттэм**. Гидысь одӱг курегзэ кутыса кудые **керттылэм**. Берпуметӱ ыжзэ пыдӱестӱз **думылэм**. Ваньзэ соосты дӱдӱе **тырем** но капкаетӱз **потэм***. (УВ: 4) ‘Один крестьянин приготовился идти на базар. Вытащил из ямы два-три кочана капусты. Выбрав в хлеву одну курицу, поместил ее в корзину, последней овце ноги перевязал. Все это сложил на сани и выехал через ворота’.

В зачине данной сказки каждое действие передается глаголом второго прошедшего времени, что говорит о том, что говорящий не был очевидцем происходящего и рассказывает о давно произошедших событиях.

Нередко модальное значение у глаголов неочевидного прошедшего времени усиливается сопровождающими высказывание модальными словами и частицами. В таких предложениях выражается не только неочевидное прошедшее время, но и передаются сомнения, предположения говорящего по поводу действия, совершившегося в прошлом: *Цапак со бервылэ **кемдэм**, шӱдске, Емельянов* (Перевошиков, 1: 328). ‘Как раз в это время попал, видимо, Емельянов’. “*Юнме гинэ, шӱдске, мон солы **оскиськем***”, – *уг тоды мар малпаны Нуриддин* (Леонтьев: 71). ‘Зря, видимо, я ему поверил», – не знает уже что и подумать Нуриддин’. *Купец паймыса малпаз: “Шӱдске, кема ик мон **колиськем**”* (Леонтьев: 20). ‘Купец с удивлением подумал: «Видимо, долго же я спал’. *Кудӱз шуэ, Катя, **не**, Валое **тэтчем**, мукетыз – Вало сӱкры нюлэскы мыныса **ошиськем**, куинетӱез – тупала **кошкем**, кураськыса ветлэ, **не*** (Гаврилов, 3: 36). ‘Кто говорит, Катя, мол, в Вало прыгнула, другой – в лесу за Вало, дескать, ушла и повесилась, третий – в заречье, мол, подалась, ходит и попрошайничает’.

Следует еще отметить, что глаголы неочевидного прошедшего времени на -м и -мтэ составляют омонимическую форму страдательным причастиям с аналогичными суффиксами, которые следует строго разграничивать: *кутэм чорыг* ‘пойманная рыба’, *кырӱамтэ кырӱан* ‘неспетая песня’ (ср: *пересь чорыг кутэм* ‘старик рыбу, оказыва-

ется, поймал'; *та концертын со кырһан кырһамтэ* 'на этом концерте он, оказывается, не исполнил песню').

1.1.2. Модальное значение побуждения к действию

Модальное значение побуждения к действию передается глаголами понудительного залога. Грамматическим показателем понудительного залога является суффикс *-т- (-ты-)*: *лыдзытыны* 'заставить читать', *мон ужатисько* 'я заставляю работать'. Суффикс *-т- (-ты-)* в глаголах первого спряжения добавляется после основы с гласной *-ы*: *кылз-ы-ны* 'слушать' – *кылз-ы-ты-ны* 'заставить слушать', *учк-ы-ны* 'смотреть' – *учкы-ты-ны* 'заставить смотреть'. А в глаголах второго спряжения суффикс *-т- (-ты-)* добавляется после основы с гласной *-а (-я)*: *вера-ны* 'говорить, рассказывать' – *вера-ты-ны* 'заставить говорить, рассказывать'. Глаголы понудительного залога образуются и от переходных, и от непереходных глаголов: *гожъятыны*, *гожъяськытыны* 'заставить писать', *вератыны* 'заставить сказать, говорить', *вераськытыны* 'заставить разговаривать'.

В предложениях с глаголом-сказуемым понудительного залога могут быть либо могут подразумеваться два субъекта: понуждающий субъект, выраженный именем в форме именительного падежа, понуждаемый субъект, выраженный именем в форме винительного падежа. Схема предложения при этом следующая: понуждающий субъект понуждает понуждаемый субъект совершить действие: *Поп Виссарион, кык кыыныз ик в́ксяськыса, милемыз оскытыны выриз*, «со адской машинаез нырысьсэ адһисько» *шуыса* (Гаврилов, 3: 272). 'Поп Виссарион, крестясь обеими руками, пытался заставить нас поверить в то, что «впервые видит эту адскую машину»'. *Сюрнылзэ та бултыр весь ужатэ* *вылэм: пудо сюдытэ, гур эстытэ, ву нуллытэ, выж миськытэ* (УКВ: 14). 'Эта вторая жена все время принуждала работать свою падчерицу: заставляла скотину кормить, печку топить, воду носить, полы мыть'. *Шурдыт ке но солы, чидатске, ассэ ачиз лопкытыны тырше* (Леонтьев: 98). 'Хотя и страшно ему, терпит, сам себя пытается заставить приободриться'. *Погмаськем тилемъёс т́клзыны уг валало, куазез ялан б́крдыто* (Куликов: 11). 'Всклокоченные тучи не торопятся рассеиваться, все заставляют природу плакать'. *Дуж куаръёс пьид улын җаштырто /*

Сћзыллэсь вуэмзэ шкдыто (Тихонова: 14). / ‘Желтые листья под ногами шуршат / Заставляют ощущать наступление осени’. *Сое черлатыса но уд висьыты, Прохор. Маке мукетыз вань дыр... – лушкемен сипыртэ Орина* (Гаврилов, 3: 64). “Ее и инфекциями не заставишь заболеть, Прохор. Что-то другое есть, наверное...” – тихо шепчет Арина’.

Из данных выше примеров видно, что в качестве понуждающего субъекта могут выступать имена одушевленные (первый – третий примеры), и имена неодушевленные (четвертый, пятый примеры).

При переходных глаголах, кроме понуждающего и понуждаемого субъектов, может быть указание на объект действия, также выраженный именем в форме винительного падежа. Схема предложения следующая: понуждаемый субъект побуждает понуждаемый субъект совершить действие над объектом: *колхоз дуриськисез комбайнлэсь запасной частьёссэ дурытэ* ‘колхоз дает ковать (заставляет ковать, кует при помощи кузнеца) запасные части комбайна’ [Лыткин 1957: 102].

Глаголы понудительного залога могут иметь значение двойного побуждения, если к имеющемуся суффиксу *-т-* (*-ты-*) добавляется еще один такой же суффикс. При этом к значению побуждения к действию накладывается еще и значение просьбы, предложения выполнить действие: *кырһатытыны* ‘попросить заставить спеть’, *лыдһытытыны* ‘попросить, предложить заставить читать’. В предложениях с глаголами-сказуемыми двойного понуждения могут выступать три субъекта: понуждающий субъект просит понуждаемый субъект понудить третий субъект выполнить действие (нет примера из литературы): *Директор юрттһсез пыр ужасьёсты дыртытытһз* ‘Директор через своего помощника попросил заставить работников потопиться’.

Глаголы понудительного залога так же, как и другие формы глаголов изъявительного наклонения, спрягаются, изменяются по временам и наклонениям: *ужа-ты* ‘заставь работать’, *ужатысал* ‘заставил бы работать’.

Одной из первых попыток рассмотреть понудительные глаголы находим в «Грамматике вотяцкого языка» А. И. Емельянова (1927). Он определяет значение понудительного глагола следующим образом: «Понудительный глагол означает дей-

ствие, осуществляемое по воле постороннего, нейтрального ему лица путём воздействия в той или иной форме на непосредственного деятеля, имеющегося на лицо или подразумеваемого, как при безличных глаголах; самое действие является как бы объектом глагольного понятия «заставлять», скрыто заключающегося в понудительном суффиксе» [Емельянов 1927: 73].

Глаголы понудительного залога, образованные с суффиксами *-m-*, подробно описал В. И. Лыткин в статье “Понудительный залог в пермских языках” [Лыткин 1957: 93–113], где, в частности, он отмечает, что “понудительные глаголы встречаются во всех финно-угорских языках” [Лыткин 1957:112]. Б. А. Серебренников глаголы понудительного залога называет каузативными глаголами: “Суффикс *-t-* в пермских языках часто употребляется для образования так называемых каузативных глаголов, которые иногда называют глаголами понудительного залога” [Серебренников 1963: 336].

В “Лингвистическом энциклопедическом словаре” понудительному залогу дается следующее объяснение: “...Побудительный (понудительный) залог (каузатив), указывающий, что действие наряду с реальным субъектом имеет и так называемый каузатирующий субъект, т. е. лицо, которое побуждает реального субъекта к выполнению действия” [ЛЭС: 160]. Но каузативные глаголы образуются только от переходных глаголов: “Каузативные... глаголы (каузативы). Переходные глаголы, имеющие значение причины (повода) для совершения действия” [ССЛТ: 106]. В. И. Лыткин понудительный залог подразделяет на две группы: собственно понудительные глаголы, “образуемые как от переходных, так и непереходных глаголов, обозначают понуждение кого-нибудь совершить... действие” [Лыткин 1957: 100], и понудительно-транзитивные, которые “образуются только от непереходных глаголов, показывают переход на другой предмет того действия, которое выражено соответствующим непонудительным глаголом, при этом объектом является неодушевленный предмет” [Лыткин 1957: 104]. Примеры: положительный залог *пырыны* ‘зайти’, понудительно-транзитивная форма *пыртыны* ‘занести’, понудительный залог *пыртытыны* ‘заставить занести’; *усьыны* ‘падать, упасть’, *уськытыны* ‘уронить’, *уськытытыны* ‘заставить упасть’.

О глаголах понудительного залога в современном изложении более подробно можно найти в «Морфологии удмуртского языка» («Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез)») [УКК 2011: 201–210].

Значение понуждения к действию может образоваться и аналитическим способом: добавлением к глаголу неопределенной формы вспомогательных глаголов *косыны* ‘заставить, потребовать’, *курыны* ‘попросить’ в спрягаемой форме: *лыдныны косћ*, ‘я заставил прочитать’, *со усътыны косћз* ‘он потребовал открыть’, *тон пырыны курид* ‘ты попросил зайти’: *Сое дыртыто, логгес берыктыны косо, материал, пе, цуказе номере мынэ* (Гаврилов, 3: 60). ‘Его торопят, заставляют быстрее перевести, материал, де, в завтрашний номер идет’. “*Куректонэ сотэк но бадһым, тырмоз таи-ныз но*”, – *вожан сюлэмзэ буйгатыны тыршиз Катя* (Гаврилов, 3: 66). ‘Горе мое и без этого велико, хватит и с этим’, – Катя старалась успокоить свое ревнивое сердце’. *Егит ныллэсь кышкамзэ но паймемзэ адһыса, Виктор Георгиевич нош ик лякытэн вераз*: “*Ничего, Сергеева, ми тонэ сразу ужаны ум косэ*” (Гаврилов, 3: 73). ‘Видя удивление и страх молодой девушки, Виктор Георгиевич вновь спокойно сказал: “Ничего, Сергеева. Мы тебя сразу не заставим работать”’.

1.1.3. Категория притворного действия

Модальность высказывания в удмуртском языке передается также глаголами категории притворного действия, морфологическим показателем которых является суффикс *-мъяськ-* в утвердительной форме и *-мтэяськ-* (*-тэмъяськ-*) в отрицательной форме. Впервые на них обратил внимание и подробно описал В. И. Алатырев в статье “Глаголы притворного действия в удмуртском языке” [Алатырев 1959: 73–139].

По наблюдениям В. И. Алатырева, глаголы на *-(э)мъяськ-*, *-(э)мъяськы-*, *-мтэяськ-*, *-мтэяськы-* в одном контексте выражают “значение мнимости, фиктивности, притворства в совершении действия, обозначаемого корневым элементом, в другом контексте – скромность с оттенком уменьшительности в сообщении о совершенном действии, а также совершении действия не в силу своих возможностей” [Алатырев 1959: 90]. Из этой цитаты видим, что глаголам притворного действия присущи значения мнимости, фиктивности, уменьшительности: *кырһамъяськыны* ‘делать вид,

что поёшь, притворяться поющим; пытаться петь’, *вераськемьяськыны* ‘делать вид, что разговариваешь; притворяться говорящим; пытаться разговаривать’; *иземьяськыны* ‘делать вид, что спишь; притворяться спящим; немного спать’. Примеры: *Шат кулһз со? – паймемьяськи* (Матвеев: 105). ‘Разве умер он? – притворился я удивленным (сделал вид, что удивлен)’. *Ы-ы-ы! – бкрдэмьяськыны* кутскиз дыдыке (Нянькина: 174). ‘Ы-ы-ы! – притворилась плачущей моя голубка’. *Уг чалмо вераськонъёс: юасько, дэмлало, абдрало, тодэмьясько, валэктэмьясько...* (Леонтьев: 12). ‘Не смолкают разговоры: спрашивают, советуют, дивятся, делают вид, что знают, пытаются объяснять...’ *Шузи, индылэмьяськисько* ук ай! Адһисько ведь, кыце кескич гинэ пальпото *Лидалэн чиль-ськд синъёсыз* (Матвеев: 96). ‘Дурак, а я еще пытаюсь наставлять! Вижу ведь, как хитро улыбаются жгуче-черные Лидины глаза!’ *Мкзмытгес* ке луэ, бускель пинальёсын *шудэмьяське* (Романова: 33). ‘Если становится скучновато, пытается играть (поигрывает) с соседскими ребятишками’. *Гидын нылпи яслиын кадь куаш вазе: оgez бкксэ, мукетыз ворттылэ, куинетһез лекаськыны выремьяське* (Романова: 19). ‘В хлеву как в детских яслях гудит: один мычит, другой бегаёт, третий пытается бодаться’. *Одһезлы пу вандыны юрттэмьяське, мукетызлы кырыжам лассэ тупатъямьяське, куинетһезлы...* (Романова: 58). ‘Одной пытается помочь дрова пилить, у другой как будто направляет покосившийся лабаз, третьей...’

Отрицательная форма глаголов притворного действия образуется вклиниванием суффикса *-тэ-* со значением отрицания в состав суффикса *-мьяськ-*, *-м-тэ-яськ-*: *кырһамьяськыны* ‘делать вид, что поешь’ – *кырһамтэяськыны* ‘делать вид, что не поешь’. Глаголы притворного действия с суффиксом *-мтэ-яськ-*, по определению В. И. Алатырева, “выражают притворство в несовершении действия” [Алатырев 1959: 93]: *верамтэяське* ‘делает вид, будто не говорил, притворяется неговорящим’, *кылымтэяське* ‘делает вид, будто не слышит, притворяется неслышащим’: “*Конешно, мон машинае котырын бергай, – валамтэяськиз Сергей. – Тома, ккня верано ни тыныд, мынам уже сыце: машинаосыз тупатытэк, мон бертыны уг быгатһськы*” (Нянькина: 69). “Конечно, я крутился возле своей машины, – Сергей сделал вид, будто не понял. – Тома, сколько тебе повторять, у меня работа такая: пока не отремонтирую машины, я не могу идти домой”.

Из данного примера мы видим, что отрицательной формой глаголов притворного действия передается мнимость, притворство отрицания совершенного действия: *ва-ламтэяськиз* ‘сделал вид, будто не понял, притворился непонявшим’, а на самом деле все понял.

Отрицательная форма глаголов притворного действия образуется также добавлением в препозиции глаголов притворного действия в положительной форме отрицательных глаголов *кй* ‘(я) не’, *км* ‘(мы) не’, *кд* ‘(ты) не, (вы) не’, *кз* ‘(он) не, (они) не’, *уг* ‘(я) не, (мы) не’, *уд* ‘(ты) не, (вы) не’, *уз* ‘(он) не, (они) не’: *кй лыдњемьяськы* ‘(я) сделал вид, будто не читал’, *кз адњемьяське* ‘(они) сделали вид, будто не видели’, *уг сиемьяськы* ‘(он) делает вид, что не кушает’.

Притворность действия образуется также аналитическим способом: сочетанием отглагольных слов на -м (-эм, -ем) с различными вспомогательными глаголами, такими как *аналскыны* ‘притвориться’, *карыны* ‘делать’, *турттыны* ‘пытаться’ и др.: *Ма, мон пумит квкл њучомыны, – серем улэ кыске* Лефинья кышноослэсь чепыляськемзэс (Романова: 21). ‘Да я не против обруситься’, – пытается свести к шутке Лефинья колкости женщин’ (*серем улэ кыске* букв: ‘тянет под смех’). *Огнам пытсаськисько но гождьяськем карисько* (Матвеев: 96). ‘Закрываюсь один и делаю вид, что пишу’. *Векчи кышномурт эшезлэсь верамзэ кылымтэ улэ аналскиз но шуиз*: “Куazed кыце шулдыр! Бурдѣсы ке луысал, али ик кытчы ке лобњысал, дыр...” (Романова: 62). ‘Хрупкая женщина сделала вид, будто не слышала слова подруги, и сказала: “Погода какая хорошая! Если бы были крылья, сейчас же куда-то улетела бы, наверное...”’ *Асьмелэн главной врачмы демократ, калыкез яратэм кариське* (Красильников: 9). ‘Наш главный врач демократ, делает вид, будто любит народ’. *Озы ке но, ассэ кырмыса, чырсмыт мынектэм кариз*: “Ойдо, эн серекъялэ, Вадим Сергеевич, мон пересь ни” (Перевошиков, 3: 739). ‘Несмотря на это, взяв себя в руки, попыталась кислово улыбнуться: “Ладно, не смейтесь, Вадим Сергеевич, я стара уже”. *Шуген султыса, со кизэ мыче вал но, Соснов џапак соку аслыз пукон басьтыны мыкыртњсьскиз, мычем киез адњымтэ амал кариськиз* (Красильников: 21). ‘Встав с трудом, он протянул было руку, но Соснов как раз в это время наклонился взять себе стул, протянутую руку как будто не увидел’. *Пуклѣк Ондыръяньѣс дортњ кошкыкузы, Катя йырзэ но кз*

лутъя. Соосыз но адһымтэ улэ кариськизы (Гаврилов, 3: 63). ‘Проходя мимо Пуклек Ондырьяна, Катя даже головы не подняла. Те тоже сделали вид, будто не видели’. *Кирла номыр валасьтэм кариське ке но, сюлмыз пкзе* (Гаврилов: 63). ‘Кирилл пытается сделать вид, будто ничего не понимает, но все же сердце его кипит’.

Глаголы притворного действия образуют также формы причастий и деепричастий: “Солэн пушказ ческыт табаньёс пыжо”, – шуэм Адями но, аракызэ гучык юзмъяськыса, кузь боды вылэ табаньзэ понэм но тылскемысь, пе, поттэ (Романова: 72). “Внутри его вкусные табани пекутся”, – сказал Человек и, делая вид, что пьет глоток вина, на длинную палку положил табани и из огня, как будто достает’. *Йырси-ме тупатъяськемъяськыса, Коля шоры учкисько, со но учке* (Романова: 10). ‘Делая вид, будто поправляю волосы, смотрю на Колю, он тоже смотрит’. *Пырон инты шедьтытэк, ужамъяськыса гидкуазетһ берга, ульчае потэ, нош буйганы уг быгаты* (Гаврилов, 3: 53). ‘Не зная, куда себя деть, делая вид, что работает, кружится по двору, выходит на улицу, но успокоиться не может’.

1.2. Модальное значение условного наклонения

Формам изъявительного наклонения противопоставлены формы сослагательного (условного) и повелительного наклонений.

Условное наклонение выражает предполагаемое, желаемое, представляющееся возможным действие. Основным морфологическим показателем формы условного наклонения в удмуртском языке является суффикс *-сал* (в русском языке ему по значению соответствует частица *бы*), который присоединяется к основе неопределенной формы глагола: *пукысал* ‘сидел бы’, *ужасал* ‘работал бы’. И. В. Тараканов [1998а: 172–173] определил следующие модальные значения, выражаемые формой условного наклонения:

а) возможное или предполагаемое действие или отрицание его: *Мар карысал ме-да Катя, тодаз ке кй лыктысал: ведь Спиридон Васильевич милициын ужа* (Гаврилов, 3: 23). ‘Что же стала бы делать Катя, если бы не вспомнила: ведь Спиридон Васильевич в милиции работает’.

б) желаемое действие: *Эх, со кадь мед луысал мон но* (Красильников: 194). ‘Эх, пусть бы и я был как он’. *Чалякгес бадньым мед будысал ини, армие мынонэ мед вуысал* (Красильников: 194). ‘Поскорее большим пусть бы я стал, пусть пришло бы уж время идти в армию’.

в) намерение: *Веськрес лькмпу ке луысал, / Чагыр инмозь льутһськысал, / Гажанэлэн укно улаз / Юг-юг тќдьы льуатскысал* (Романова: 194). ‘Если бы я была стройной черемухой, / Поднялась бы до неба. / У милого под окнами белым-бела бы зацвела’. *Атабайын потһсь «Югыт сюрес» газетлэн литсотрудникез Краев Костя аслэсьтыз ужзэ нокыце мукетыныз кй воштысал* (Красильников: 104). ‘Литсотрудник атабаевской газеты «Светлый путь» Краев Костя свою работу ни на какую другую не поменял бы’.

г) допущение: *Нош луысал на меда солы юрттыны?* (Перевошиков, 1: 13). ‘А возможно ли было бы ему еще помочь?’

д) условие: *Мон сямен, со операцииз Георгий Ильич лэсьтысал ке, нылаш али но улэп луысал* (Красильников: 106). ‘По-моему, если бы эту операцию провел Георгий Ильич, девочка до сих пор была бы еще жива’. *Шунды понна, Алёшаед вќзад ке кй луысал, коть караул кесяськы!* (Перевошиков, 1: 246). ‘Ей-богу, если бы не было рядом Алеши, хоть караул кричи!’

е) выражение учтивого пожелания или нерешительной просьбы: *Эшишо мон юасал на...* (Валишин: 239). ‘Еще бы я спросила...’.

Для усиления значения пожелания очень часто в речи используется сочетание синтетической и аналитической способов – добавлением в препозиции модально-волевой частицы *мед* ‘пусть’ и *медам* ‘пусть не’ к глаголу условного наклонения и глагола *вылэм* ‘было’ в постпозиции: *Рево соку Славкалэн данэзлы лушкемен вожъяськыз: со сярэсь но адямиос озьы мед вераськысалзы. Только ачиз кулэмын медам луысал* (Красильников: 59). ‘Рево тогда втайне завидовал Славкиной популярности: и о нем бы пусть так же говорили люди: Только сам он пусть бы не был мертвым’. *Кулэ ужсын сыце шаплы мед луысалыд...* (Гаврилов, 3: 29). ‘В нужном деле таким бы шустрым бы пусть ты был’. *Тацеосыз ог дасо ёрос ке но милям колхозамы мед луысал вылэм* (Валишин: 115). ‘Таких хотя бы около десятка пусть бы было в нашем колхо-

зе'. *Номыр сярысь малпаськытэк, со али шутэтскысал вылэм* (Красильников: 174).
'Не думая ни о чем, она сейчас отдохнула бы'.

В связи с употреблением аналитической формы с модально-волевой частицей *мед* и *медам* здесь необходимо остановиться на полемике лингвистов по вопросу о количестве глагольных наклонений в удмуртском языке.

Официально ([ГСУЯ 1962:126] и [УКК 2011: 159]) в удмуртском языке определены три типа наклонения: изъявительное (ивортон сям), условное (луонлык сям), повелительное (косон сям). Однако, кроме названных наклонений, языковеды выделяли еще несколько наклонений: желательное наклонение (*медӱськон сям*), неопределенное наклонение (*ниман сям*), принудительное первого вида, принудительное второго вида, сослагательно-условное .

Рассмотрим взгляды исследователей данного вопроса.

И. В. Яковлев выделяет следующие наклонения: 'изъявительное наклонение (ивортон сям), повелительное наклонение (косон сям), условное наклонение (луонъя сям)' [Яковлев 1927: 78]. А. А. Поздеева формы первого лица и третьего лица будущего времени множественного числа с частицами *мед* 'пусть' и *медаз* 'пусть не' причисляет к формам повелительного наклонения [Поздеева 1940: 100]. В "Сочинениях..." выделены следующие наклонения: изъявительное (*монъ верасько*), повелительное (*тонъ вера, со медъ вералоз*), сослагательное (*монъ вераловаль*), желательное (*монъ верасалваль*), неопределенное (*вераны, верась, веранъ сямен, вераса*) [Сочинения 1775: 47–50]. В. И. Алатырев по этому поводу пишет: "Но почему-то выделены пять наклонений (вместо реальных четырех): изъявительное, повелительное, сослагательное, желательное, неопределенное. Желательным наклонением считается сочетание глагола в форме условного наклонения (с аффиксом *-сал*) с вспомогательным глаголом *вал* 'был'. Это, конечно, не особое наклонение, а "вариант" условного (сослагательного) наклонения. К неопределенному наклонению отнесены инфинитив и совершенно неправоммерно отглагольные имена на *-он (-н)*, *-эм (-м)* в сочетании со служебными словами, причастия на *-ись (-сь)*, деепричастия на *-са, -тэк*" [Алатырев 1975: 11]. Из этой цитаты понятно, что сам В. И. Алатырев выделял четыре наклонения: изъявительное, повелительное, условное (сослагательное), неопределенное.

В грамматике М. Могилина “Краткой отяцкія грамматики опыт” выделены тоже четыре типа наклонения: “изъявительный способ (*монъ вераско*)”, “повелительного наклонения (*тонъ вера, вераски, со медъ вералозъ*)”, “сослагательного наклонения (*монъ верамъ-валъ, куке монъ верасаль*)”, “неопределенный способ (*вераны*)” [Могилин 1786: 71–75].

П. Глезденев в удмуртском языке описал семь наклонений: неопределенное, изъявительное, повелительное, принудительное первого вида, принудительное второго вида, желательное, сослагательно-условное [Глезденев 1921: 36–37].

Продолжались споры вокруг количества наклонений и способов их выражения и в конце XX века.

Например, В. К. Кельмаков отмечает: “В южноудмуртских говорах есть основание говорить и о четвертом – желательном – наклонении: в них представлена полная парадигма глагольных форм этого наклонения в утвердительном и отрицательном аспектах” [Кельмаков 1998: 145]. Но И. В. Тараканов также утверждает, что “аналитические формы с частицей *мед, медаз* выделить в особое наклонение нет оснований, потому что желательное наклонение в удмуртском языке не имеет специальной синтетической формы выражения” [Тараканов 1984: 28]. Е. А. Булычева в статье “К вопросу о желательном наклонении в удмуртском языке” в ходе рассуждения тоже приходит к выводу, что “так называемое желательное наклонение удмуртских глаголов представляет собой не что иное, как семантический вариант повелительного наклонения, данная семантика присутствует и в глаголах сослагательного наклонения” [Булычева 2000: 23].

Что касается “неопределенного наклонения”, выделенного В. И. Алатыревым, то оно соответствует глаголам неопределенной формы (инфинитиву), которые только называют действие, не вкладывая в него какое-либо модальное значение. Однако неопределенная форма глагола может передать модальность через семантику всего высказывания, как, например, в следующем примере: *Адзыны гинэ, / Адзыны гинэ, / Коть шорад ке но / Учкыны. / Коть бордад ке но, / Киосад ке но, / Чиньыен ке но / Йотскыны.* (Белоногов: 36) Увидеть (бы) только, / Увидеть (бы) только, / Хоть на те-

бя только / Посмотреть (бы), / Хотя (бы) к телу (твоему), / К рукам (твоим), / Хотя (бы) пальчиком / Прикоснуться (бы)...

Мы не ставим перед собой цели выявить количество наклонений в удмуртском языке и рассмотрим модальные значения форм условного и повелительного наклонений в традиционном освещении.

Отрицательные формы условного наклонения образуются сочетанием отрицательного вспомогательного глагола *кй* '(я) не' в препозиции с глаголом условного наклонения: (в редких случаях частицы *кд*, *кз*): *кй верасал* '(я) не сказал бы'. В единственном числе у глаголов условного наклонения личные окончания могут быть, а могут и отсутствовать, но множественное число всегда образуется с личными окончаниями: *Нош мон малпай: зэмзэ но, Кермекей ке кй луысал дунне вылын, Груня апайлэн та дырозь улыны кужсьмез кй тырмысал, дыр* (Романова: 16). 'А я подумала: и правда, если бы не было Кермекея на свете, у тети Груни жить до сих пор сил не хватило уже, наверное'. *Телефонмы гуртын ке кй луысал, Тонюшаелы та быдъя шумпотон вайыны ноку но кй быгатысал* (Валишин: 233). 'Если бы не было дома телефона, Тонюше своей я такую радость никогда бы не сумел доставить'. *Анаймы но солы цем шуылһз: "Тон, Григорий, верам кылыдлы манет ке но тырысалзы, кд вазьысалыд, дыр. Ымысьтыд вкед кисьтһськоз-а, мар-а – усьтыны ик кышкаськод"* (Валишин: 159). 'И мама наша ему часто приговаривала: "Ты, Григорий, даже если тебе по рублю бы платили за сказанные слова, не разговаривал бы, наверное. Из рта масло, что ли, выльется – боишься рот раскрыть".

В значении условного наклонения нередко употребляются и выражают модальные значения предполагаемого, желаемого, а также предполагающегося возможным действия и другие глагольные формы. К ним относятся:

а) формы инфинитива: *Эх, ккжы вылэ сое пыдесъяськытыны* (Валишин: 20). 'Эх, поставить (бы) его на колени';

б) сочетание вспомогательного глагола *вал* 'был' с формой повелительного наклонения: *Иванов, со бумага куакадэ куказе урокам лэзъы вал – кыл-куара поттыны чик но мылкыды квкл* (Валишин: 12). 'Иванов, эту свою бумажную ворону ты бы запустил завтра на моем уроке – совсем нет сил ругаться' (*лэзъы вал* – пусть было).

Тынад тодмоосыд трос ук, **пота вал** магазинъёсы (Валишин: 233). ‘У тебя ведь много знакомых, сходил бы по магазинам’ (*пота вал* ‘выходи было’). *Со ткдьы бинет табере кошовка нырын кылле но Варалэсь пыдъёссэ гын сапегъёсыз пыр тылын сутэ. Лымы пельтэме **сэрпалты вал** сое* (Гаврилов, 3: 107). ‘Этот белый сверток лежит сейчас в носовой части кошовки и Варины ноги сквозь валенки огнем жжет. Выбросить бы его в сугроб’ (*сэрпалты вал* ‘выброси было’). *Нош тани пель ськраз нош ик кылһськиз: “Ну, пожалуста, Тамара Михайловна... **Жаля вал** монэ, жаля милемыз...”* (Перевощиков, 3: 769). ‘Но вот в ушах опять слышалось: “Ну, пожалуйста, Тамара Михайловна... Пожалела бы меня, пожалела бы нас...”’. **Кыль вал** колхозамы ик, нылъёс кыце шумпотысалзы (Красильников: 204). ‘Остался бы в колхозе же, девушки как бы обрадовались’ (*кыль вал* ‘останься было’);

в) форма безличного глагола с вспомогательными глаголами *вал, вылэм* ‘было’: “Квартираё муртлы ик **бызёно вылһськем**”, – *Нина серекъяса гинэ тазыы шуэ ке но, егит воргоронлэн сюлэмыз пирсэкъя ик* (Валишин: 237). “За человека с квартирой надо было бы выходить замуж”, – Нина хотя и ради смеха так говорит, все же сердце у молодого человека нервничает’. *Уз пкрмы! Соиныз но коттыр уни. Весь ай татын – цемонам – пуке. Сыцезэ чидаськиз ни – астэ но пкзись юрсире **донгоно вылэм*** (Перевощиков, 2: 57). ‘Не выйдет! И этим сыт уже. Все еще здесь – в печенках – сидит. Такое терпел уже – самого тебя тоже опустить бы в кипящую смолу’;

г) форма повелительного наклонения в сочетании с вспомогательным глаголом *вылэм*: *Шунды понна, озь дармантэмзэс чисто газетэ **гожты вылэм** но, уз поттэ ук* (Перевощиков, 2: 56). ‘Ей-богу, такие их делишки чисто в газету бы написать, но не напечатают ведь’.

1.3. Модальное значение повелительного наклонения

Повелительное наклонение глаголов, как и условное, тоже передаёт различные модальные значения действия.

С помощью глаголов повелительного наклонения говорящий выражает просьбу, приказ, пожелание, требование, побуждение к действию и другие подобные модальные значения. Описанию повелительного наклонения глаголов в удмуртском языке

посвящена статья И. В. Тараканова [1984: 25–38], где он, в частности, отмечает: “Грамматические значения повелительного наклонения в современном удмуртском языке пока лишь три значения: просьба, приказание и требование. Между тем грамматические значения и их оттенки глаголов повелительного наклонения весьма разнообразны: более десяти значений с присущими им оттенками”.

Особого морфологического показателя глаголы повелительного наклонения не имеют. Они выражаются глагольной основой I и II спряжения (*ветлыны* ‘сходить’ – *ветлы* ‘сходи’, *ужаны* ‘работать’ – *ужа* ‘работай’). При образовании формы повелительного наклонения ударение, которое в удмуртском языке обычно падает на последний слог, переносится на первый: *ветлыны* – *вётлы*, ‘сходи’, *вайыны* – *вай* ‘принеси’, *суреданы* – *суреда* ‘нарисуй’. Отрицательная форма повелительного наклонения образуется употреблением в препозиции частицы *эн* ‘не’, при этом ударение может переместиться на частицу либо остаться на первом слоге: *эн ветлы* – *эн вётлы* ‘не ходи’, *эн учкы* – *эн учкы* ‘не смотри’.

Форма множественного числа образуется добавлением к основе глаголов первого спряжения суффиксов *-э (-е)* или *-элэ (-елэ)*: *лэсьтыны* – *лэсьтэ*, *лэсьтэлэ* ‘делайте, сделайте’, *потыны* ‘выходить’ – *пóтэ*, *пóтэлэ* ‘выходите, выйдите’, *учкыны* ‘смотреть’ – *учке*, *учкелэ* ‘смотрите, посмотрите’, *лэсьтыны* ‘делать’ – *эн лэсьтэлэ* ‘не делайте’. Множественное число повелительного наклонения от глаголов второго спряжения образуется добавлением к основе суффикса *-лэ*: *гожъяны* ‘писать’ – *гóжъялэ* ‘пишите, напишите’, *вераны* ‘говорить’ – *вэралэ* ‘говорите’, *кыръяны* ‘петь’ – *эн кыръялэ* ‘не пойте’.

Как было отмечено выше, формой повелительного наклонения глагола говорящий может выражать различные модальные значения. Рассмотрим на примерах.

1. Значение приказа: *Григорий Петрович, эн оше ни сое отчы. Выйысь гóжтэлэ списокез. Пумаз со фамилиз пыртытэк. Али ук!* (Валишин: 7). ‘Григорий Петрович, не вешайте его уже туда. Заново перепишите список. Не включая последней фамилии. Сейчас же!’.

Миктаез басьтһзы / Ас вордскем коркасьтыз. / Люкизы кышноеныз, семьяеныз, / Бусыеныз – / “Пыцал басьты!” – солы шуизы. / “Мын ви!” – шуса, кыдёке ыстһзы (Кузубай Герд: 30). ‘Никиту забрали / Из его родного дома, / Разлучили с

женой, семьей, / С полем – / “Возьми ружье!” – ему сказали, / “Иди убей!” – приказав, далеко отправили’.

2. Значение просьбы: *Вадик, бертыкуд нянь вай, ява* (Валишин: 233). ‘Вадик, по пути домой хлеба купи, ладно’. *Ой, ватэ монэ лужытэсь вырйыльёсы, / Шулдыр но паськыт, садо сюрес дуръёсы, / Кызьпу ульёсы* (К. Герд: 92). ‘Ой, схороните меня на очень высокой возвышенности, / На краю широкой, красивой и садовой дороги / Под березами’.

Для выражения вежливой просьбы к глаголам повелительного наклонения добавляется глагол-частица *вал* ‘было’, который в одном контексте выступает в роли вводного слова *пожалуйста*, а в другом – в роли частицы *бы* (см. сослагательное наклонение): *Вай вал эшио одӥз миндэр, Глашенька* (Красильников: 27). ‘Принеси, пожалуйста, еще одну подушку, Глашенька’ (‘Принесла бы еще одну подушку, Глашенька’).

3. Значение совета, утешения: *Гажсан эше, зарни эше, / Трос ужаса жадем эше! / Эн бӱрды весь, эн чигиськы, / Ёеч улонэз весь возьмаськы* (К. Герд: 64). ‘Дорогой друг, золотой друг, / Много работая, уставший друг! / Не плачь все, не расстраивайся, / Жди хорошей жизни’.

4. Призыва к действию: *Югыт / Кар котырмес, / Шунды сямен луткы! / Милесьтым сэректэм сюлэммес / Шунты!* (К. Герд: 18). ‘Сделай / Светло вокруг нас. / Как солнце, встань! / Наши раздраженные сердца / Согрей!’

5. Значение мольбы: *Писэй сямен со мяуктӥз, / Пимурт выллем куара сётӥз: / «Сёт, апае, шорем няньдэ. / Мынам туж сиеме потэ»* (Гаврилов, 1: 122). ‘Промяукал он, как кот, / Голосом молодца промолвил: / “Подай, сестрица, кусок хлеба, / Мне очень хочется есть”’.

Для выражения просьбы, мольбы, призыва к действию к глаголам повелительного наклонения добавляются модально-волевые частица *али* ‘-ка’, *ай* ‘-ка’, частица *ини* ‘уж’: *Сокем юрттэмед потэ ке, потты али та пож вуэз* (Гаврилов, 3: 365). ‘Если, так уж хочешь помочь, вынеси-ка эту грязную воду’. *Утча ай, утча ми сямен ужаса, Олёшка, оло, валалод ъег няньлэсь кытысь потэмзэ, – серекъяз Пекла*

анай (Красильников: 203). “Попробуй-ка, попробуй поработать, как мы, Алешка, может, поймешь, откуда хлеб ржаной берется”, – посмеялась тетя Фекла’. *Мынэ ай кин ке, мынэ... тини со юртын гинэ... исполкомын ужа* (Перевошиков, 1: 11). ‘Идите-ка кто-нибудь, сходите..., вон в том здании только... в исполкоме работает’. *Я вера ини, кызы мар улһськод? Кыце ткл тонэ татчы вуттһз?* (Валишин: 15). ‘Ну, рассказывай уж, как поживаешь? Каким ветром тебя сюда занесло?’

6. Значение совета, предложения: *Одһг пол эшез цектэ солы: “Гена, газетэ сёт-ай ялон – озыы но озыы, не, егит специалистъёслы квартира кулэ”* (Валишин: 237). ‘Один раз друг ему посоветовал: “Гена, подай-ка объявление в газету – так, мол, и так, молодым специалистам требуется квартира”’.

7. Значение запрета, запрещения: *Эшио тани мар вераме потэ: тодмоосыд квартираям медаз ветлэ, праздникёсы нокинэ эн ктчалэ* (Валишин: 238). ‘Еще вот что я хочу сказать: ваши знакомые в мою квартиру пусть не ходят, в праздники никого не приглашайте’.

8. Значение приглашения, предложения: *“Я, я, пыре. Тани – нырысь интыосы пуксе”*, – *янгышсэ тупатыны выре кондуктор* (Романова: 45). “Ладно, ладно, заходите. Вот на первые места садитесь”, – пытается загладить свою вину кондуктор’. *Я бен, пуксыы, шутэтскы. Дорад бертһд, кузё лу* (Гаврилов, 3: 16). ‘Что же, садись, отдохни. Ты домой вернулся. Будь хозяином’.

9. Значение предупреждения: *Кема эн ветлы. Сюрес вылын жаидид ук, кжыт шутэтскы вал.* (Гаврилов, 1: 18). ‘Долго не ходи. В дороге устал ведь, отдохнул бы немного’. *Вот мар, атай: кытын ке мукет интыын та пумысь кылпум но эн пот-тылы. Тодһськод-а со понна...* (Гаврилов, 3: 47). ‘Вот что, отец: где-нибудь в другом месте об этом даже не заговаривай. Ты знаешь ли, за это...’.

Повелительное наклонение в удмуртском языке образуется и другими способами.

1. Формой глагола изъявительного наклонения первого, второго, третьего лица будущего времени единственного и множественного числа с препозитивной модально-волевой частицей *мед* ‘пусть’, *медаз* ‘пусть не’, которое, как отмечает И. В. Тараканов, восходит “к самостоятельному слову *мед* со значением “желание, хотение,

намерение” – *медыны, медһсько*” [Тараканов 1984: 28]. *Цок! Мед куло, эсьмаса, / Удмуртъёслэсь иземзэс адһытозь*(К. Герд: 90). ‘Пусть! Пусть я умру лучше, / Чем видеть удмуртов спящими’. *Һеч ветлыса, Һеч бертоно мед луод!* (УФ: 254). ‘Подоброму съездив, по-доброму возвратиться тебе пусть будет’. *Та коркаяд сиё-дано, узыр-бай улыса, зарниен-азвесен пальккаськыса улоно-вылоно мед луоз. Һеч семья-еныд шудыса-серекъяса, Һеч калыкеныд сиыса-юыса-улыса та коркаяд мед пересь-мод* (УФ: 255). ‘В доме своем да почитаемым будешь, в богатстве-довольстве живя, в золоте-серебре купаясь, жить-поживать да удастся, с доброй семьей радуясь-смеясь, с добрыми людьми угощая-угощаясь, хлеб-соль деля, в доме своем пусть состаришься. *Каргамын мед луоз та юрт!* (Гаврилов, 3: 30). ‘Пусть будет проклят этот дом!’ *Нокыце вакыт / Лек война выльысь / Медаз гудыръя / Малпамтэ шорысь. / Мед пырак дырлы / Война кыл вуоз, / Вань калыкъяёслы / Адһонтэм луоз* (Леонтьев, 2: 9). ‘Больше никогда / Страшная война / Пусть внезапно / Не загремит. / Пусть на все века / Забудется слово война, / Всем народам / Станет ненавистным’.

Для выражения пожелания сочетание *мед луоз* ‘пусть будет’ часто используется в фонетическом варианте *медло* с тем же значением: *Тодһськод-а, мар сярэсь медло? Серемес но мед луоз со, мусо но медло* (Гаврилов, 3: 95). ‘Знаешь ли, о чем пусть будет? И смешной пусть будет она, и милой пусть будет’. *Та дунне вылын пыд улыд оскымон чурит медло. Интыед медло.* (Красильников: 60). ‘На этой земле под ногами надежно, твердо пусть будет. Место твое пусть будет’.

2. Для выражения нерешительного дозволения, разрешения, вежливой просьбы повелительное наклонение выражается глаголами изъявительного на-клонения второго лица будущего времени с вопросительной частицей *-а* ‘ли’: *Соку бен, нылы, котыд тыриз ке, сопалаз мунёосыныд шудод-а, мар-а. Ма, иземед ке потэ, коть изыны выд* (Перевошиков, 3: 720). ‘Тогда, доченька, если наелась, в той комнате с куклами что ли поиграешь. Ну, если спать хочешь, хоть спать ложись’.

3. Для выражения приказа, требующего безоговорочного исполнения, используются глаголы изъявительного наклонения второго лица будущего времени: *Песянай пыриз, шуиз: / “Тон, апоке, музьем сайкод, / Гырод сое, етһн кизёд. / Ачид ик будэтод, ишкод. / Тыатыса но сэстыса, / Согъяллыса но черсыса, / Сизьым кесэг дэра*

куод. / *Ваньзэ сое, чебер нылы, / Вуттод мыным цуказелы*” (Гаврилов, 1: 122). ‘Старуха вошла, сказала: / “Ты, красавица, землю расчистишь, / Вспашешь ее, лён посеешь. / Сама же вырастишь, убереешь. / Теребя и разминая, / Расчесав и сделав пряжу, / Семь кусков холста наткёшь. / Все это, девица-красавица, / Подготовишь мне к завтрашнему дню”. *Эшишо мынам куронэ вань на: нуод кузьымъёс Талиб-алиханлы* (Леонтьев: 26). ‘Еще у меня есть просьба: отнесешь подарки Талиб-алихану’.

4. Для выражения призыва к совместному действию, “в исполнении которого примет участие и сам говорящий” [ГСУЯ 1962: 210], употребляются глаголы изъявительного наклонения первого лица множественного числа будущего времени с грамматическим показателем суффиксом *-ом, -оме, -омы*. Такие глаголы произносятся с особой интонацией призыва, побуждения к действию и могут выражать, кроме названных, значения намерения, желания действовать: *Кошком, анай, асьмеос татын шудбурез ум адъе* (Гаврилов, 3: 30). ‘Пойдем, мама, здесь мы счастья не увидим’.

Нередко при глаголах со значением призыва к совместному действию употребляются модально-волевые частицы *ойдо* ‘давай’, *ойдолэ* ‘давайте’, *вай* ‘дай, давай’, *ваелэ* ‘дайте, давайте’: *Бератаз Ольгалы шуиз: “Ойдо ожытак шутэском”* (Валишин: 49). ‘Потом Ольге сказала: “Давай немного отдохнем”. *Рая, мае ке шкдһськем сямен, отын ик берыктһськиз, монэ адһыса кеськиз: “Алёшка! Курбатов! Тон мар палэнын юбо кадь сылһськод? Нылъёс, пиос, ваелэ Алёшкаез сэзьяломе”!* (Красильников: 200). ‘Рая, словно почувствовав что-то, тут же обернулась, увидев меня, крикнула: “Алешка! Курбатов! Ты что стоишь, как столб? Девчата, ребята, давайте Алешку покачаем!” *Вай кырһалом, эшъёсы, но / Вай вералом, эшъёсы, / Вай шулдыртом али ке но / Одһгмес но одһгмы* (Удмурт калык кырһан). ‘Давайте споем, друзья, да / Давайте скажем, друзья, / Давайте развеселим сейчас / Мы друг друга’.

Также в значении призыва к совместному действию употребляется форма глагола первого лица множественного числа прошедшего времени: *Номыр уд кар, ялан татын уд ул. Дунне паськыт. Ну, вырһым, эшъёс!* (Красильников: 201). ‘Ничего не поделаешь, постоянно здесь не будешь жить. Мир широк. Ну, тронулись, друзья!’ *Юрка солэн бераз кырыжак учкиз но пинь пыртһз кыдёке сялһыса шуиз: “Майыг*

йылэ пуксем коџо! Кошким, Алешка...” (Красильников: 202). ‘Юрка искоса поглядел ей вслед и, далеко сплюнув сквозь зубы, сказал: “Сорока на шесте! Пошли, Алешка...”’.

Глаголы, обозначающие призыв к совместному действию, хотя и выражены формой изъявительного наклонения, не спрягаются, они выступают в “застывшей” форме.

1.4. Модальное значение безличных глаголов

Значение модальности может быть выражено также формами безличных глаголов на *-но -оно (-ёно)*.

Модальное значение необходимости, возможности или невозможности, долженствования, надобности, волеизъявления, желания, замысла произвести действие содержатся в безличных глаголах с суффиксами *-но, -оно (-ёно)*. На русский язык такие глаголы переводятся сочетанием инфинитива с вспомогательными глаголами с модальным значением: *ваёно* ‘надо принести’, *лыдњоно* ‘нужно прочесть’: *Оло нош, кинлэн ке мукет муртлэн сюанэз? Пинальёслэсь умойгес юано* (Гаврилов, 3: 15). ‘Может быть, у кого-то другого свадьба? Ребятишек получше надо расспросить’. *Чакласькыса ветлоно, Олёшка, ачид адњиськод, вильзэ басьтыны али уг луы...* (Красильников: 192). ‘Осторожно надо ходить, Алешка, сам видишь, новые сейчас купить нет возможности...’ *“Пельзэ позырђаса кыскано укылтэмлэсь!” – “Сюмыс кадъ кароно!” – “Пельзэ? Суй-пыдзэ тђяно!”* (Гаврилов, 1: 172). “Уши надергать надо этому безобразнику!” – “Растянуть нужно, как плетъ!” – “Уши? Руки-ноги ему сломать надо!” *Али со директор доры мынэ вал: уксё сётыса, кинэ ке но магазинэ ыстоно – кылем-мылем шудонђёс ке но вань на, дыр, али отын* (Валишин: 7). ‘Сейчас она к директору шла: отдав деньги, кого-нибудь необходимо отправить в магазин – кое-какие игрушки есть еще, наверное, там’. *Адями тыришиз – вань кужымзэ, вань сюлэмзэ сётђз. Кызъы сыџе муртэ сђлы карытэк? Пусъёно, одно пусъёно* (Перевошиков, 2: 52). ‘Человек старался – все силы, все сердце отдал. Как такого не уважить? Отметить, обязательно отметить нужно’. *Нош мон хирург, мынам со ныллэсь улонзэ ас вылам басьтэме уг луы. Малпаськоно на кђня ке, возъмано* (Красильников: 17). ‘А я хи-

рург, я не могу брать на себя жизнь этой девочки. Необходимо еще немного подумать, подождать нужно’.

Безличные глаголы с суффиксами *-но, -оно (-ёно)* нередко употребляются в сочетании с вспомогательными глаголами *вал* ‘был, было’, *вылэм* ‘было’, *луыны* ‘быть’. В сочетании с такими глаголами к основному значению долженствования, необходимости и др. добавляется значение в одних случаях вынужденности произвести действие, в других – значение условности, желания произвести действие: *Сое бригадирысь куштоно луиз* (Валишин: 109). ‘Его пришлось снять с должности бригадира’. *Бен, vormemed ке потэ, огвакытлы ымнырдэ но воштоно луоз* (Перевощиков, 2: 300). ‘Да, если хочешь победить, на время придется изменить и личину свою’. *Угось соку, ньеч улэмез ке потэ, котькуд адями юн пксяно луоз* (Перевощиков, 2: 105). ‘Потому что тогда, если хочет хорошо жить, каждый человек должен будет здорово попотеть’. *Соин ик, калык азын гинэ кккл, куддыр ас аяз но кый кадь позырьяськоно луэ* (Перевощиков, 2: 311). ‘Поэтому не только перед людьми, но и перед самим собой иногда приходится изворачиваться змеей’. *Баранов городысь бер потһз, соин ик Бигбайын ккклоно луиз* (Гаврилов, 1: 149). ‘Баранов поздно выехал из города, поэтому вынужден был переночевать в Бигбае’. *Пукыцэ нькльёсыныз валче юнме гинэ кельтһз караванэ. Эк, ськраз басьтоно вылэм...* (Леонтьев: 96). ‘Зря в караване он оставил лук со стрелами. Эх, с собой надо было прихватить...’.

В северных диалектах Удмуртии наблюдается переход аналитической формы глаголов на *-но, -оно (-ёно)* с вспомогательным глаголом *вал, вылэм, луыны* в синтетическую, который выражается сложным суффиксом *-онолась*: *Ма так но ваньзылы льуась музъем вылэ уськытсконолась* (Перевощиков, 2: 6). ‘Да и так всем пришлось лечь на горящую землю’. *Звенозы сазнаськыса, Иван тол вылтһ ваньзэс дышетскыны кыткыз. Зэм, кинэ но сое кужмысьгес золтонолась* (Перевощиков, 2: 105). ‘Образовав бригаду, Иван за зиму всех втянул в учебу. Правда, кое-кого пришлось силой заставить’. *Номырзэ валамтэ бырйисьёс куремысь, Иванлы пыр-почгес мадёнолась, кызьы но мар луиз соин куке-соку Пельга урамын, мар дауртэм “одһг адями” солы, Иванлы, йырыз курен, мар вал отһяз* (Перевощиков, 2: 316). ‘По просьбе ничего не

понявших избирателей Ивану пришлось рассказать, как и что произошло с ним на улице Пельги, что сделал “один человек” со зла на него, Ивана, и что было потом’.

Значения необходимости в совершении действия в удмуртском языке мо-гут выражаться также сочетанием деепричастия с суффиксом *-тэк* с отрицательной частицей *ќвќл* ‘не, нет’ в препозиции, формой глагола *луыны* ‘быть’ с отрицанием *уг* ‘(я) не’, с безлично-предикативным словом *ќйлась* ‘не получилось, не вышло’; в этом случае значения выраженного полностью совпадают со значением безличных глаголов с суффиксами *-но, -оно (-ёно)*: *Бен созэ но вератэк ќвќл* (Перевощиков, 2: 103). ‘Да и это нельзя не сказать’ (букв.: нельзя не сказав). *Бен программа сярэсь но малпаськытэк ќвќл* (Перевощиков, 2: 311). ‘Да и о программе необходимо подумать’ (букв. нельзя не подумав). *Мон талы шумпотћ гинэ, а то куддыръя соосъя но кариськытэк уг луы вал* (Нянькина: 106). ‘Я этому только обрадовался, а то иногда нельзя было с ними не соглашаться’. *Коньдонэ лыдъямон гинэ кылемын вал на, ноказыы бертытэк ќйлась* (Нянькина: 111). ‘Денег осталось у меня только по счету, поэтому никак нельзя было не возвращаться домой’ (букв.: не приехав не получилось).

Из этих примеров видим, что сочетания деепричастий с суффиксом *-тэк* с отрицательными глаголами и частицами *ќвќл* образуют двойное отрицание, что имеет значение противоположное: *вератэк ќвќл* ‘нельзя не сказать – нужно сказать’, *малпатэк ќвќл* ‘нельзя не подумать – необходимо подумать’, *мынытэк уг луы* ‘не идти не получается – нужно идти’, *лэсьтытэк ќйлась* ‘не получилось не сделать – пришлось сделать’.

Безличные глаголы в удмуртском языке не изменяются по лицам и не имеют категории числа, как указывается в “Грамматике современного удмуртского языка», они составляют “особую группу глаголов” [ГСУЯ 1962: 195].

Рассмотренные выше основные морфологические способы выражения модальности в удмуртском языке – это регулярные грамматические форманты, которые, сочетаясь со множеством глагольных основ, сохраняют одно и то же модальное значение независимо от лексического значения глагольной основы.

1.5. Глаголы с модальным значением

Выражению модальности высказывания способствуют и так называемые модальные глаголы. Модальные глаголы – это глаголы “со значением возможности, долженствования, желания, т.е. глаголы, выражающие отношение говорящего к содержанию высказывания” [ССЛТ: 131]. В русском языке это слова “мочь, долженствовать, уметь, хотеть, желать, намереваться, пытаться, стараться, надеяться, затеять и др.” [Там же]. В удмуртском языке тоже есть вспомогательные глаголы с модальными значениями: *потыны* ‘хотеть, желать’, *турттыны* ‘пытаться, стараться’, *быгатыны* ‘мочь, уметь’ и т. п. Глаголы с модальными значениями довольно активно функционируют в языке; однако ни в русском, ни в удмуртском языке не выделены в особую группу, как, например, в немецком или английском языках. Возможно, это связано с тем, что данная проблема в отечественной лингвистике мало изучена, хотя, как нам кажется, вопрос требует более пристального изучения.

Данную проблему в удмуртском языке в “Сопоставительной грамматике русского и удмуртского языков” [2001] затронули М. К. и Б. И. Каракуловы. В разделе “Служебные глаголы” они отмечают: “Служебная часть (составного глагольного сказуемого – Т. К.), служащая для выражения модальности и времени, как и в русском языке, может быть по лексико-грамматическим значениям разделена на следующие группы:

- а) фазовые глаголы со значением начала или конца действия (*кутскыны*, *кдъяны* ‘начать’, *дугдыны* ‘остановиться, перестать’);
- б) модальные глаголы, обозначающие желание, возможность, стремление, намерение, решимость (*потыны* ‘хотеть, желать’, *медыны*, *малпаны* ‘думать, намереваться’, *быгатыны* ‘мочь’, *дасяськыны* ‘приготовиться, готовиться’, *турттыны*, *тыршыны*, *вырыны* ‘стараться’);
- в) эмоциональные глаголы, обозначающие предрасположенность, опасение (*яратыны*, *кельшыны* ‘любить, предпочитать’, *кышканы* ‘опасаться, бояться, страшиться’)” [К. М. Каракулова, Б. И. Каракулов 2001: 156–157].

В отечественном языкознании, включая и финно-угорское, уже сделаны попытки к изучению природы модальных глаголов: А. Д. Каксин «Выражение модально-

сти в хантыйском языке» [1996], О. В. Агуца “Вербальные функции модальных средств в современном русском языке” [1998], С. Т. Малышев “Взаимодействия классов глагола в современном русском литературном языке” [1967], В. Ф. Асоченская “Семантико-синтаксические функции и синонимика модальных и фазовых конструкций с зависимым инфинитивом” [1998], С. Саидов “Модальные слова в немецком и узбекском языках” [1964], Е. А. Крашенинникова “Модальные глаголы в немецком языке” [1954] и др.

В частности, О. В. Агуца пишет: “Наши наблюдения показали, что модальные функции присущи не только специальным словам (модальным словам, модальным частицам и словосочетаниям), но также и словам, являющимся в предложении синтаксическими единицами, чаще всего сказуемыми и обстоятельствами. Речь идет о таких формах модальности, которые включаются в семантику слова” [Агуца 1998: 9].

В своей диссертационной работе “Модальные слова в современном русском литературном языке” А. М. Бордович тоже указывает на особенность части глаголов, “которые по своему лексическому содержанию, независимо от формы, выражают модальность” [Бордович 1956: 34].

В романо-германской группе языков модальные глаголы рассматриваются как отдельный вид глаголов. В частности, в немецком языке “модальные глаголы входят в основной словарный фонд ... и имеют все признаки, свойственные словам основного словарного фонда: они общенародны, выражают жизненно важные понятия и устойчивы, существуя в языке на протяжении многих столетий” [Крашенинникова 1954: 5].

Что же это за глаголы и чем они отличаются от основного словарного состава глаголов?

Как отмечает Е. А. Крашенинникова, “в отличие от других слов основного словарного фонда модальные глаголы (können, dürfen, mögen, wollen, sollen, müssen, lassen) имеют значения, близкие к значениям наклонений. Как и наклонения, модальные глаголы выражают бесспорность, возможность, вероятность, желание, необходимость, повеление и т.п.” [Там же, 5]. Модальные глаголы она рассматрива-

ет как систему “служебных (хотя и не вспомогательных) глаголов, обозначающих модальность уже своим лексическим значением” [Там же, 5].

Отличительной особенностью, по которой возможно и необходимо выделение модальных глаголов (а в удмуртском языке еще и безлично-предикативных слов *кулэ* ‘надо, нужно’, *кулэ кӱкл* ‘не надо, не нужно’, *яра* ‘можно, разрешается’, *уг яра* ‘нельзя, не разрешается’, *потэ* ‘хочется’, *уг поты* ‘не хочется’) в особую группу, является и то, что эти глаголы лишены лексического значения, или, сказать точнее, лексическое значение их ослаблено (“модальные глаголы не содержат в себе какого-либо представления о конкретном действии” [Бордович 1956: 34]). Их лексическое значение может выявляться только в сочетании с полновесными глаголами в форме инфинитива. В то же время модальные глаголы, как служебные компоненты составного глагольного сказуемого, могут сочетаться с неограниченным количеством глаголов в форме инфинитива: *мыныны турттэ* ‘пытается, намеревается идти’, *вера-ны турттэ* ‘пытается, хочет сказать’, *пырыны турттэ* ‘пытается, намеревается войти’ и т.д.

В своем труде “О категории модальности и модальных словах в русском языке” академик В. В. Виноградов, ссылаясь на мнение академика Л. Б. Щербы, считает целесообразным включать в грамматику “...все те лексические элементы языка, которые выполняют “строевую роль”. С этой точки зрения с глагольным наклонением должны быть сближены по функциональной семантике те типизованные словосочетания, которые состоят из формы глагола с лексическим значением, близким к модальному, и формы инфинитива от другого глагола” [Виноградов 1950: 65].

Модальные глаголы – это один из лексических способов выражения модальности инфинитива. В отличие от модальных слов данные глаголы имеют все свойства полновесных глаголов: спрягаемость, способность употребляться во всех типах наклонений, быть в предложении сказуемым и т. д.

В структуре предложения в удмуртском языке модальные значения могут быть выражены формой глагола с лексическим значением, близким к модальному, в сочетании с формой инфинитива от другого глагола или отглагольными именами с суффиксом *-м*.

В удмуртском языке глаголов с модальным значением насчитывается немного – в пределах двух десятков. Но в силу своей количественной ограниченности, они выступают в высказываниях с целой парадигмой значений в зависимости от ситуации речи. Глаголы с модальным содержанием выражают значения необходимости, долженствования, намерения, желания, стремления произвести какое-либо действие, изъявления воли к осуществлению какого-либо действия. В удмуртском языке это такие слова, как: *турттыны* ‘стараться, стремиться, намереваться, иметь намерения, пытаться’, *тыршыны* ‘постараться, стараться, стремиться’, *дасяськыны* ‘подготовиться, готовиться, приготовиться, приготавливаться, собраться’, *малпаны* ‘мыслить, подумать, думать задумать’, *медыны* ‘желать, хотеть, намереваться, думать’, *косыны* ‘велеть, заставить, заставлять, потребовать, требовать, распорядиться, распоряжаться, принудить, приказать, приказывать’, *вырыны* ‘стараться, стремиться’, *курыны* ‘просить, попросить’, *лэзьыны* ‘разрешить, разрешать, позволить, позволять, дозволить, дозволять’, *алыны* ‘не дозволить, не позволять, не разрешать, запрещать’, *кожаны* ‘думать, подумать, полагать, предполагать, предположить’, *потыны* ‘казаться, показаться», в сочетании с отглагольными именами на -м имеет значение ‘захотеть, хотеть, иметь желание, пожелать, желать’, *шкътаны* ‘намереваться, начинать, начать’, *кариськыны* ‘решиться’, *кылдыны* ‘довестись, случиться’, *кдъяны* ‘захотеть, хотеть, начать, начинать’, *яраны* ‘пригодиться, годиться, подходить, подойти’, *йктыны* ‘казаться, показаться, почудиться, чудиться’, *ыланы* ‘загореться желанием’. Кроме вспомогательных глаголов, модальные значения сказуемого передаются через неизменяемые слова *кулэ* ‘нужно, необходимо, надо, стоит, следует’, *яра* ‘можно’, разрешается, допускается’ с отрицательными вариантами *кулэ квкл* ‘не нужно, не надо, не стоит, не следует’, *уг яра* ‘нельзя, не разрешается, не допускается’.

В сочетании с инфинитивом вспомогательные глаголы с модальным значением и неизменяемые слова выполняют в предложении функцию сказуемого и являются частью составного сказуемого. Вспомогательные глаголы с модальным значением, как и знаменательные глаголы, имеют формы глагольного словоизменения: *лыдъыны косыны* ‘заставить читать’, *лыдъыны косысал* ‘заставил бы читать’, *лыдъыны кос* ‘за-

ставь читать', *лыдһыны косһд* '(ты) заставил читать', *лыдһыны косһськомы* '(мы) ставляем читать' и т.д.

Рассмотрим на примерах, как выступают в речи подобные глаголы.

1. Значение необходимости выполнения какого-либо действия, явления, долженствования выражаются с помощью неизменяемых слов с модальным значением *кулэ*, *кулэ ќвкл*, *яра*, *уг яра*: 'нужно, не нужно', 'можно', 'нельзя, не следует':

Нырысь ик, мон верай вал, операциен дыртыны кулэ ќвкл шуыса (Красильников: 66). 'Во-первых, я говорил было, что с операцией спешить не следует'. ... *Вождэ эн вай, гажано Хазрет али Зияддин, ваньмыз со шонер ке, кытчы сюрестэс азьланьтыны малпаськоды?* – *Байбулак малпаськыса выллем, ќня ке чалмыт улһз, нош ик кескич тусо учкиз купецъёс шоры, будэтһз на: – Вераны яра ке...* (Леонтьев: 47). '...Не гневайся, уважаемый Хазрет али Зияддин, если все это правда, куда намереваетесь продолжить свой путь? – Байбулак, как будто что-то раздумывая, немного помолчал, снова хитрым взглядом посмотрел на купцов, добавил: – Если можно сказать...'. *Собере ассэ ачиз ик пыкылэ: озьы-а вераськыны кулэ, егит пи олома но ведь малпалоз* (Валишин: 77). 'Потом сама себя все упрекает: разве так нужно говорить, молодой человек что попало ведь подумает'. *Яуш Балянлы шуиз:*

– *Идегей уз п́кя. Та сярыйс караванэ ивор сётыны кулэ вал. Азьпалтоно булгаръёсты* (Леонтьев: 138). 'Яуш сказал Баляну:

– Идегей не обманет. Об этом следовало бы известить караван. опередить нужно болгар'. *Нош тани ныр улын ик дась юртъер вань, туалла арын куанер муртэн тупаса улыны кулэ.* (Гаврилов, 3: 11). 'Вот ведь под носом же готовое хозяйство есть, в наше время с беднотой (букв.: бедным человеком) мирно жить нужно'. *Мар карыны ёрмыса, Катя станоксэ дугдытһз но цехлэн пумаз фанераен висъям комнатае мынһз – мастер отын луыны кулэ* (Гаврилов: 74). 'Не зная что делать, Катя выключила станок и пошла в отгороженную фанерой комнату в конце цеха – мастер там должен быть'. *Юаны умой уг поты. Уг яра м́йыюслэн вераськон куспазы пырыны* (Леонтьев: 137). 'Спросить кажется неудобным. Нельзя встревать в разговор взрослых'. *Уг яра вал Георгий Ильичлы озьы вераны* (Красильников: 68). 'Не следовало Георгию Ильичу так говорить'. *Вытлы мыным кылем-мылемез кулэ ќвкл. Ќвкл, уг яра сое отчы лэзьыны*

(Леонтьев: 45). ‘Для дани мне всякие остатки не нужны. Нет, нельзя его туда пускать’. Люкиськыкумы Татьяна шуиз вал: Цуказе, пе, эн лыкты – **уг яра** (Матвеев: 51) ‘При расставании Татьяна сказала было: завтра, мол, не приходи – нельзя’.

Тургайлы вазиськиз:

– Витёмы егит купецез. Аръёс доры караванэн со **мыныны кулэ**. Вуиз ке, вераськон-мес азыланьтом (Леонтьев: 56).

‘К Тургаю обратился:

– Подождем молодого купца. К арам с караваном он должен идти. Как придет, продолжим разговор’.

2. Значения намерения, попытки, желания, стремления к действию передается вспомогательными глаголами *турттыны, тыршыны, малпаны, медыны, вырыны, курыны, потыны, шотаны, кдяны, кариськыны, дасяськыны, ыланы*.

турттыны ‘желать, намереваться, пытаться, стремиться, стараться’

Шуак кийсьтыз мозмытскисько но **пегъыны турттёсько вал** (Романова: 13). ‘Внезапно вырываюсь из его рук и пытаюсь бежать’. Озъы, Катя, вредительёс, тушмонъёс. Вань на соос. Бадъым ужмылы **люкетыны туртто** (Гаврилов, 3: 77). ‘Да, Катя, вредители, враги. Есть еще они. Нашей большой работе стремятся помешать’. Катялы кык интыын серекъяны кулэ, нош серекъямез уг пормы. Кызъы но **кз туртты Яшка** сое **серекъятыны** (Гаврилов: 81). ‘Кате в двух местах нужно смеяться, но смеяться у нее не получается. Как ни старался Яшка заставить ее смеяться’. Малы тон озъы? Мон сюлмысьтым ик **юрттыны турттёсько** (Валишин: 34). ‘Зачем ты так? Я от всего сердца хочу помочь тебе’. Кымес вылысьтыз нюлам вузэ цушылонъяз, Виктор Васильевич ассэ ачиз **буйгатыны турттэ**: “Юнме тон керъегъяськиськод, Миронов” (Валишин: 14). ‘Вытирая пот со лба, Виктор Васильевич пытается сам себя успокоить: “Зря нервничаешь, Миронов”. Укыр тумошо лыдъе со, котькуд персонажез валамон **возьматыны турттыса**, лъкк вylэ мыжга, сялаське, шула, кыръя, чинььюссэ шеперья (Гаврилов, 3: 79) ‘Очень смешно читает он, стараясь каждый персонаж изобразить более точно, по столу стучит, плюется, свистит, поет, пальцы раз-

водит'. *Пие кышнояськыны турттэ* (Романова: 68). 'Сын мой намеревается жениться'.

тыршыны 'стараться, стремиться, постараться'

Куд-огез ужасьёс трос деталь лэсьтыны тыршо, ӧчлыкез сярысь кӧжыт сюлмасько (Гаврилов, 3: 77). 'Некоторые рабочие стараются делать много деталей, о качестве мало беспокоятся'. *Кыце соос Иванӧныз тыршизы яратоно пизэс будэтыны* (Романова: 18). 'Как они со своим Иваном старались любимого сына вырастить'. *Уг ваты, куддыр нонтӧсь но кӧз луылы. Соку уни кеч ноньез но ымаз тырылыны тырши. Э шу...* (Леонтьев: 76). 'Не скрою, иногда и не кормили грудью. Тогда уже старался и вымя козы ему в рот совать'. *Юатэк кӧз чида Нуриддин:*

– *Вера Алып бабай, малы Тургай сокем мыныны тыршиз арӧс доры?* (Леонтьев: 77). 'Не вытерпел, спросил Нуриддин:

– Скажи, Алып бабай, почему Тургай как стремился идти к арам?'

Ми Идегейкаеным та нуналӧсы эшио тыршома на маке тодыны (Леонтьев: 79). 'Мы с Идегейкой моим в эти дни еще постараемся что-то узнать'.

малпаны 'думать, задумать, хотеть, желать, намереваться, мечтать'

Нуриддин малпа вал кыце ке но буйгатӧсь кылӧс вераны, умой кӧз поты Алыпез куспетӧ карыны (Леонтьев: 75). 'Нуриддин хотел было какие-то успокаивающие слова сказать, показалось неудобным перебивать Алып'. *Ми соку Керемкеен малпаськом вал уни ӧош улыны* (Романова: 14). 'Мы тогда с Керемкеем задумали уже было вместе жить'. *Ужэз быдтыса, нылаш халатсэ куштӧз но дор палаз вамыштыны малпа вал уни* (Романова: 20). 'Закончив работу, девушка сняла халат и домой идти хотела было уже'. *Тынад куно-осыдлэн, – шатерысь мукет адямиос шоры возматывса шуиз Алып, – воззы медаз поты. Мон мар вераны малпасько, со тынад пельӧсыдлы гинэ* (Леонтьев: 81). 'Твои гости, – показывая на других людей в шатре, проговаривал Алып, – пусть не сердятся. То, что я желаю сказать, это только для твоих ушей'. *Бератаз Георгий Ильич валаз: солы нокин но нокиӧе нимысьтыз инты сӧтены уг малпа, со интыез аслыд басьтоно* (Красильников: 61). 'Позже Георгий Ильич понял: ему никто и не собирается предложить особое место, этого места самому надо

добиваться'. *Юрка геолог луыны малпа* (Красильников: 195). 'Юрка мечтает стать геологом'. *Туж кемалась малпасько ни лакированной туфли нуллыны* (Валишин: 233). 'Очень давно уже мечтаю носить лакированные туфли'. *Уг ни малпаськы вал тонэн пумиськыны, Матвеев* (Красильников: 22). 'Не думал я уже с тобой встретиться, Матвеев'. *Калыкын верало, тонэ предэ пуктыны малпало, пе.* (Валишин: 14). 'В народе говорят, тебя, мол, председателм намереваются выбрать'.

медыны 'намереваться'

"*Маке паймымонзэ адъиды-а, коллега?*" – *тазъы юаны медэ вал но, номыр кз вазъы ни Григорий Петрович* (Валишин: 10). "Что-то необычное увидели, коллега?" – так хотел спросить, но ничего уже не сказал Григорий Петрович'. "*У-у, быдтӱды улонме, быдтӱды, – султыны медэ вал, но гацоло усиз, йырзэ лутыса эшишо вераз на: - Улыны быгатӱз Бакай, быгатӱз*" (Валишин: 38). "У-у, кончили мою жизнь, кончили, – попытался он встать, но упал навзничь, приподняв голову, еще добавил: – Умел жить Бакай, умел". *Медэ урдскыны Урусия вылэ* (Леонтьев: 23). 'Намеревается на Россию посягнуть'.

потыны 'хотеть, пожелать, желать'

Верамез уг поты бере, медаз вера (Леонтьев: 62). 'Коли не желает говорить, пусть не говорит'. *Паймемын Хазрет али Зияддин но: "Малы ханлэн со-кем лэземез уг поты арӱс доры? Кыце муген?"* (Леонтьев: 51). 'Удивлен и Хазрет али Зияддин: "Почему хан не хочет отпускать к удмуртам? По какой причине?" *Лушказ ик-а, кз-а – тодэмез но туж ик кз поты* (Леонтьев: 33). 'Украл ли, нет ли – и знать не очень-то хотел'. *Пайме Лефинья: кызъы озъы, палдэм шелеп кадъ, дышем калыкед дорысь ноку ад ӱылымтэ дуннее шуак-дуак шонтод, пе. Лефиньялэн ноказыы но валамез уг поты сое* (Романова: 18). 'Удивляется Лефинья: как, мол, так, как отлетевшая щепка, от своего народа в никогда не виданные края неожиданно-негаданно поедешь. Лефинья никак не желает понять это'.

вырыны ‘пытаться, стараться’

Мон со котырти гождерьяны выри но, номыр уг нормы (Гаврилов, 1: 83). ‘Я попытался кружиться возле нее, но ничего не получается’. *Ялан тини озьы вераськыны выре: серемпыр, мыскылляны турттыса кадь* (Красильников: 10). ‘Всегда вот так разговаривать старается: сквозь смех, как будто желая посмеяться’. *Мон кужмысь мыняны вырисько, отын ик бамылэсь ӧырдамзэ шкдӧсько* (Красильников: 204). ‘Я через силу пытаюсь улыбаться, тут же чувствую, как щеки горят’.

шкӧтаны ‘намереваться’

Вспомогательный глагол **шкӧтаны** в речи чаще употребляется для обозначения начала действия: *сылмыны шкӧтаз* ‘начал таять’, *висьыны шкӧтаз* ‘начал болеть’; реже – в значении ‘намереваться, иметь намерение, хотеть’:

Вузкарись нош ик мозмытскыны шкӧтам вал но, “ӧрмем лулэз” таки кз лэзькы, кискачы кадь ӧабырскиз. (Перевощиков, 1: 8). ‘Продавщица снова хотела было уже освободиться, но “окаянная душа” таки не отпустил, вцепился как щипцами’.

кариськыны ‘решиться’

Садысь потэ ни вал, котыр утчаськыса, ккӧня ке сылӧз но берен садэ пырыны кариськиз (Гаврилов, 2: 50). ‘Из сада выходила уже было, но, озираясь вокруг, немного постояла и снова решилась зайти в сад’. *Цукна салкымен пыдын ик дор пала вавыштоно кариськи: сюрес вылысен кыце ке машина сутӧз ке, курисько* (Красильников: 210). ‘Прохладным утром пешком же решил шагать в сторону дома: в пути, если какая-нибудь машина догонит, попрошусь’. *Эшишо ккӧня ке чакласькыса, огзэ бетээрзэс но пушказэс татчы кельтоно кариськизы* (марысь-мар ке, орудиоссы душманъёсты “шобыртыны” дась мед луозы), *кыкез андан машинаос азьлань вавыштӧз* (Перевощиков, 2: 4). ‘Еще немного поразмыслив, один БТР и пушки решили здесь оставить (если что, их орудия пусть будут наготове “накрывать” душманов), две стальные машины тронулись вперед’. *Солэн анаез кулӧз Идегейкаез вордэмез бере, пе. Атаез быриз урусъёсын ваче пумит луонын. Одӧг аре кошконо кариськизы мукет*

дуннее. Цош. (Леонтьев: 76). ‘Его мама умерла после рождения Идегейки. Отец погиб в столкновении с русскими. В один год решились уйти на тот свет. Вместе’.

ќдъяны ‘намереваться, хотеть, решиться, надумать’

Вспомогательный глагол **ќдъяны** так же, как и глагол **шќтаны**, чаще используется в значении ‘начать, начинать’: **кырњаны ќдяз** ‘начал петь’, **куараос кылћськыны ќдязы** ‘стали слышаться голоса’. Кроме этих значений, глагол **ќдъяны** выступает с модальным значением ‘захотеть, хотеть, намереваться’: **институтэ пырыны ќдзясько** ‘хочу поступить в институт’:

*Собере цушъял кадь пештырес йырсиэз маялтыса, капчияк ватсаз на: - Ма, созэ но лыдэ басътћм: **кузпалъяськыны ќдзяськод** шуыса кылћськиз но, сыце-сыце кышнозэ таце корка пыртыны возытгес, пќй, дыр* (Перевощиков, 2: 16). ‘Потом, разглаживая торчащие ежиком волосы, легко добавил еще: – Да и это взяли в счет: слышно, что ты надумал жениться, такую пригожую жену в такой дом вводить, мол, стыдно-то будет, наверное’. *Вань та салкымо-няськыт, огсыр љуштћсь завод но шулдыр уы крезьгурёсын, нюр, возж турын-куар, сяська, тодмо духи зынћёсын напчем цыдонтэм лытэз, вань дуннеез **зы-гыртэмед потыны ќдяз** ке, трос нечыралод на, пе – жумбыляк!!!* (Перевощиков, 1: 18). ‘Когда появится желание обнять все это: приятно благоухающий разнотравьем, цветами, знакомым запахом духов, звуками постоянно шумящего завода и красивыми соловьиными переливами неповторимый вечер, весь свет, – разве будешь еще долго думать – бултых!!!’ *Ваньзэ куштыса, дорад **пегњыны ќдзясько** ни вал.* (Перевощиков, 1: 23). ‘Бросив все, хотела уже к тебе ехать’ (букв.: у тебя спрятаться). *Зэм, кызьы ке одћг пол, ар пала орт-чыса ини, нош ик Василий Назарович жингыртћз: редакцияды, пе, ветлћ но дорад **пыраны ќдзясько** вал – жаль, пумиськыны ќз кылды, горисполкомын, шуизы* (Перевощиков, 1: 215). ‘Правда, как-то один раз, около года назад, вновь позвонил Василий Назарович: в редакцию вашу, мол, ходил и к тебе намеревался зайти – жаль, не удалось встретиться, сказали, в горисполкоме’.

дасяськыны ‘намереваться, готовиться, приготовить, подготовиться’

Глагол *дасяськыны* ‘собираться, намереваться, готовиться, подготовиться’ выступает в модальном значении намерения: *куное мыныны дасяськыны* ‘собираться идти в гости’, *институтэ пырыны дасяськыны* ‘намереваться поступить в институт’, *вераны дасяськыны* ‘готовиться сказать’:

Чылкыт тетрадьме усьтћ но солэсь верамзэ ваньзэ радызъя гожтыны дасяськи (Романова: 15). ‘Раскрыла чистую тетрадь и приготовилась написать все ею сказанное по-порядку’.

ылань ‘загореться желанием’

Глагол *ылань* также имеет значение намерения, но, кроме этого, передает эмоциональное состояние действующего лица: *Иван вазьыны турттэ вал, но курадһыса-курадһыса...таки кылзэ берыктэмез кйлась. Соку со лутскыны, сыце-сыце кайгы-рись муспотон кышнозэ Һыгыртыны ылаз, но вырһыса вутћз-а, кз-а – кусказ, сюрлыяз, гадь пушказ сомында вень-кортюгъёс бышкалскизы – со отчыяз ик кисмы-ляз но йырсазьзэ берен ыштћз* (Перевошиков, 2: 321). ‘Иван хотел откликнуться, но, как ни пытался, так и не смог пошевелить языком. Тогда он захотел было встать, обнять свою горящую милую жену, но пошевелиться успел ли, нет ли – в пояснице, позвоночнике, в груди, одновременно столько иголок-гвоздей воткнулось – он туж же ослаб и вновь потерял сознание’.

3. Значение изъявления воли, побуждения к действию передается с помощью вспомогательных глаголов *косыны, курыны, лэзьыны, алыны*.

Глаголы *косыны* и *курыны* близки по лексическому содержанию, но отличаются оттенками значений. Глагол *косыны* выступает с основным значением ‘заставить, приказать, поручить, распорядиться’, а глагол *курыны* ‘просить, попросить, разрешить, позволить’, но в модальном плане оба они выступают в значении изъявления воли и побуждения к действию: *косыны* в более жесткой форме, *курыны* – мягкой:

Ачиз ик режиссер, ачиз ик суфлер но. Кинлы кытысь потыны, кытчы мыныны, кытчы султыны валэктэ, серекъяны, бќрдыны косэ (Гаврилов, 3: 80). ‘Сам и режиссер, сам же суфлер. Кому откуда выходить, куда идти, куда вставать объясняет, сме-

яться, плакать заставляет’. Наркул лек шуиз: “Семьяед сярись татчы лыктэмедлэсь азьло сюлмаськоно вал”. – “Монэ **косизы**... кужмысь... (Леонтьев: 64). ‘Нуркул зло сказал: “О семье надо было думать перед тем, как сюда идти”. – “Меня заставили...силой...” Шатёре пересь огназ пыриз, нош Идегейкаез кырын **вительны косъз** (Леонтьев: 80). ‘В шатёр старик один зашел, а Идегейке велел ждать снаружи’. Комсомольской организация но местком Сергеез литературной кружокен **кивалтыны косъзы** (Гаврилов, 3: 82). ‘Комсомольская организация и местком заставили Сергея вести литературный кружок’. Бакин ассэ шонере поттыны выриз ке но, правление солы “на вид” пуктъз, Терехин Яшкаез ужысьтыз **уляны косъз** (Гаврилов, 3: 97). ‘Бакин хотя и пытался оправдываться, правление ему поставило “на вид”, распорядилось выгнать Терехина Яшку с работы’. Со укылтэм нимы ассэ озьы возиз ке, мукетаз классэ **пуктыны куро** (Валишин, 2: 20). ‘Если этот озорной мальчишка и дальше так себя будет вести, попрошу пересадить его в другой класс’. “Тон вуид?!” – “Вуи, - шуисько. – Кызьы **курид вал, часын**” (Матвеев: 53). “Ты пришел?!” – “Пришел, – говорю. – Как просила, в час”.

Близки к этим значениям изъявления воли, побуждения к действию вспомогательный глагол **лэзьыны** с основным значением ‘дозволить, разрешить’:

Нош Вася анайзэ могак кариз: Валяез, пе, **бастыны кд лэзе** ке, соку ноку уг кышнояськы ни (Романова: 18). ‘А Вася матери условие поставил: если не позволишь жениться на Вале, тогда уж никогда не женюсь’. **Кз лэзьы** агаез нокинлы номыр но **вераны** (Леонтьев: 68). ‘Не разрешил старший брат никому и ничего говорить’.

Глагол **алыны** по своему значению противоположен глаголу **лэзьыны**:

Кышкало Булгарын улъсьёс ханзылэсь. Тодо соос, уг лэзьы хан нокинэ но отчы сюрес возматыса мыныны. **Ализ** хан аръёс доры сюрес **возматыны** (Леонтьев: 54). ‘Боятся жители Булгарии своего хана, знают они, не позволяет никому хан туда дорогу идти показывать. Запретил хан к удмуртам дорогу показывать’. Утчэлэ, туж курисько. Мон ачим но утчаны мыно. **Эн алэлэ**. Пересь Алыпез пыдъёсыз юн возё на, мыно, утчало... (Леонтьев: 109). ‘Ищите, очень прошу. Я сам тоже пойду искать. Не запрещайте. Старого Алыпа ноги держат еще, пойду, поищу’.

4. Следующие глаголы помогают выражать значение представления, предположения: *кожаны, потыны, йктыны*. В отличие от предыдущих глаголов, эти являются вспомогательным компонентом при именах.

кожаны ‘думать, подумать, полагать, предполагать, предложить’

По мнению Г. И. Тираспольского, у каждой части речи есть ‘ядро’ и ‘периферия’. ‘Периферия’ находится в зоне синкретизма. Здесь свойства языковых единиц разного качества накладываются друг на друга, противоречиво пересекаются [Тираспольский 2000: 177]. Нам кажется, что слова *кожаны, потыны* и *йктыны* как раз находятся в зоне синкретизма: с одной стороны, это глаголы, самостоятельные слова с присущими им признаками формообразования и словоизменения, а с другой – это модальные слова со значением предположения. Поэтому подобные слова – глаголы предположения – в современном удмуртском языке занимают пограничное положение между полновесными словами и модальными, что отражается и на письме: у одних современных авторов личные глаголы (*кожай* ‘думал, подумал’, *кожасько* ‘думаю, предполагаю’, *кожазы* ‘подумали, предположили’, *йктһз* ‘показалось’ и т.д.) обособляются, у других – нет:

*Анай – со анай: пиез жалъ потһз, ортчыт юн обидиллям кадь потһз, дыр, зэмзэ ик висъыны усем, **кожаз*** (Перевошиков, 1: 120). ‘Мать – это мать: сына жалко стало, его сильно обидели показалось, наверное, и вправду заболел, подумала’. *Калык радъя мыкырски ке, кускы чигоз, **кожа**, дыр* (Перевошиков, 1: 138). ‘Если как люди начну наклоняться, поясница переломится, думает, наверное’. *Конечно, туж син-маськи, аслым но сыце луоно **кожай*** (Красильников: 333). ‘Конечно, очень влюбился, и самому, подумал, таким же надо стать’.

В этих предложениях налицо два предиката: сказуемое одного из них передает значение реального действия, второго – модальное значение предположения. А. Ф. Шутов предложения с такими конструкциями называет гипотактическими: “Не достигшая совершенства древняя гипотактическая конструкция возникла из двух предложений путем вклинивания потенциально возможного придаточного предложения в потенциально возможное главное предложение” [Шутов 2000: 195]. На рус-

ский язык такие предложения переводятся в виде сложноподчиненного предложения. В удмуртском языке подобного рода конструкции довольно распространены: *Медоезлэсь вуэмзэ адһыса, поп чылкак шалтрам, юа, пе: “Кызы озы улэп кылид? Мон уд берты ни кожасько вал”* (УВ, 47). ‘Увидев возвращающегося живым и невредимым работника, поп перепугался и, дескать, спрашивает: “Как это ты живым остался? Я подумал было, что ты уже не вернешься”’ (букв. ‘Я (ты) не вернешься уже думаю было’). *Лызмыт-чагыр синъёсыз гинэ гоно ымныраз югыт тылсиос пазяло кадь. Озы ке но, акианэ пумитаса, лымы адымиез пумитай кожало*д (Никифоров: 6). ‘Только синевато-голубые глаза на волосатом лице будто свет проливают. Несмотря на это, встретив его в сумерках, подумаешь, будто снежного человека встретил’ (букв. ‘Несмотря на это, встретив его в сумерках, снежного человека (я) встретил подумаешь’). *Ой-ей-ей-ей! — тазы кескыкум, пыдъёсыным тапыртэмме адһыса, палэнысь адыми монэ пксьвуаськыз кожасал* (Нянькина, 156). ‘Ой-ёй-ёй-ёй! – увидев меня, подпрыгивающую с ноги на ногу и кричащую, чужой человек подумал бы, что я ошпарилась’ (букв. ‘...чужой человек меня ошпарилась подумал бы’). *Уг адһы ни кожасько вал, — синъёссэ шушылыса вераз Оля* (Садовников, 32). ‘Думала, не увижу уже больше, – вытирая глаза, сказала Оля’ (букв. ‘Не увижу уже больше думаю было...’). *Никита Петрович кольыен гуньдэм кадь луиз. Вара пкяны турттоз кожа вал, пкртэм мугъёс утчало*з янгышсэ ватон понна (Гаврилов, 3: 418). ‘Никита Петрович будто галькой поперхнулся. Он полагал, Вара попытается обмануть, разные причины искать, чтобы вину сгладить’. *Нырысь Катя сое урод адыми кожа вал, ужамезъя валаз — умой мастер сюрем, уг керъегъяськы, токма шорысь уг кесяськы* (Гаврилов, 3: 77). ‘Вначале Катя представляла его злым человеком, но по мере работы поняла – хороший мастер попался, не нервничает, зря не ругается’. *Корказ пыри но нырысь нокин квкл кожей: коркан чалмыт, буш* (Красильников, 216). ‘В дом его зашел и вначале подумал, что никого нет: в доме тихо, пусто’. *Мон шоры со маке возмаса учке кадь: пиез сярысь ивор кй вай меда, кожаз, лэся...* (Красильников: 216). ‘На меня она смотрит, как-будто чего-то ожидая: видимо, думает, не привез ли я ей известия о ее сыне’. *Мукет ужасъёс ваньмыз кош-*

кемын ини, быдэс корпусын шыпыт, **нокинэз кэкк кожалод** (Красильников, 24).

‘Другие работники все уже ушли, во всем корпусе тихо, никого нет, подумаешь’.

потыны ‘казаться, показаться; захотеть, хотеть, иметь желание, пожелать, желать’.

Глагол *потыны*, как отмечает И. В. Тараканов, “при самостоятельном употреблении ...имеет около 10 различных лексических значений, основное из них – “выйти, выходить, пройти”. В составе сложных образований глагол *потыны* утрачивает свои лексические значения и выступает лишь в функции грамматического форматива, сохраняя в себе лишь идею движения” [Тараканов 1998б: 182]. Вспомогательный глагол *потыны* в сочетании с именами, причастиями или личной формой глагола со сравнительной модальной частицей *кадь* выражает “не совсем достоверный, лишь кажущийся предмет или кажущиеся субъекту действия” [Там же, с. 184]:

Бускельёсыз Глашалы паймо: “Осто-о, Глаша, кызы со больницаяд ужаны чидаськод? Ти доры огшаплы гинэ пырыськод но, эмъюм зын йыре шукке... Мон коть ноказыы кй чидасал кадь потһсько. Жимем лул чида ни, дыр, шол...” (Красильников, 24). ‘Соседи удивляются Глаше: “Господи, Глаша, как ты терпишь работать в этой своей больнице? К вам на минутку только зайдешь, и уже запах лекарств в голову ударяет... Мне кажется, я бы совсем не выдержала. Да деваться некуда, видимо, терпят...”’ (*ой чидасал кадь потһсько* буквально ‘не вытерпел бы словно кажусь’). *Сергей татын нырысьсэ пуке, соин солы ваньмыз выль, чебер потэ* (Гаврилов, 3: 85). ‘Сергей здесь впервые сидит, поэтому ему все кажется новым, красивым’. *Ма, собере бертыны кылдһз-мараз ке, Лёнялы мумиз но, Катя кенак, пыкылоз кадь потэ: малы, шуоз, тон, командирез, татын, нош сое отчы, мурт музьеме, кельтһд?* (Перевощиков, 2: 9). ‘Да и потом, коль удастся вернуться, Лёнина мама, тетя Катя, наверное, будет упрекать: почему, скажет, ты, его командир, здесь, а его там, на чужой земле, оставил?’

С отглагольными именами на -м глагол *потыны* имеет значения ‘хотеть, захотеть, иметь желание, пожелать’ и обозначает “физическое и психофизиологическое состояние” [Тараканов 1998б: 186]. “В переводе на русский язык это устойчивое сло-

восочетание соответствует безличному “Мне хочется то-то и то-то” [Тараканов 1998б: 182]:

*Пиез солэсь вазь султыса кошкины вуэм. Пыкылһсь анай синъёсын **пумиськемез кз поты**, дыр* (Романова: 18). ‘Сын раньше неё успел уйти. Не захотел, скорее всего, встретиться с упрекающим материнским взглядом’. *Уг **пот** Идегейкалэн огназ **кылем*** (Леонтьев: 97). ‘Не хочется Идегейке одному оставаться’. *Уг **пот** Озатлэн пияшез ськраз **басътэмез*** (Леонтьев: 97). ‘Не хочется Озату парнишку с собой брать’.

К глаголу *потыны* близок глагол *йктыны* ‘казаться, показаться, чудиться, почудиться’. Но по сравнению с глаголом *потыны* круг лексического употребления глагола *йктыны* ограничен значением ‘казаться, показаться’:

*Корка пушказ пересьлэн мыным шал-шал **потһз**. Љкк, ъус, кык пукон но койка гинэ отын. Соос но кемалась даурзэс ортчиллям ини. Кузёзы улэмен гинэ **чидало на кадь йктһз** мыным* (Романова: 12). ‘Обстановка в доме старухи показалась мне пустой. Там только стол, скамья, два стула и койка. И они давно уже век свой отслужили. Мне почудилось, они терпят, пока жива их хозяйка’. *Потаны но возьыт: ваньмыз **серекъялозы кадь йктэ*** (Красильников: 218). ‘Даже выходить стыдно: кажется, что все будут смеяться’. *Татысь куара **кылһськиз кадь йктһз*** (Красильников: 27). ‘Почудилось, будто голос был отсюда’. *Зияддин... Зияддин. Кылзы ай, юлтош, купецлэн нимыз маке туж **тодмо йктэ*** (Леонтьев: 11). ‘Зияддин...Зияддин... Послушай-ка, дружище, имя купца что-то очень уж знакомым кажется’.

Рассмотренные выше глаголы с модальным значением, наряду с глагольными наклонениями, также являются средством субъективной квалификации высказывания. Но наиболее достоверным способом выражения субъективной модальности в структуре высказывания является особая группа модальных слов и частиц, которые будут рассмотрены ниже.

Глава 2. Модальные слова в удмуртском языке

2.1. Общекатегориальное значение модальных слов

Наиболее конкретно модальность высказывания передается с помощью модальных слов и модальных частиц.

Модальные слова – это застывшие, неизменяемые формы знаменательных слов, служащие для выражения отношения говорящего к высказываемой мысли. Впервые термин “модальные слова в удмуртском языке” появился в “Грамматике современного удмуртского языка” [1962: 365], где проведен обзор и краткое описание некоторых модальных слов и словосочетаний.

В удмуртском языке к проблеме модальных слов обращался профессор И. В. Тараканов. Основные положения он вкратце изложил в “Грамматике современного удмуртского языка” [ГСУЯ 1962: 365-370]. Однако анализ школьных учебников “Удмурт кыл”, предназначенных для учащихся разных классов, свидетельствует о том, что в школьном курсе модальные слова как отдельная часть речи не рассматриваются. А это в свою очередь говорит о том, что назрело время для выявления круга модальных слов в удмуртском языке, определения их семантического содержания, отграничения модальных слов от исходных знаменательных слов и сходных по значению модальных частиц.

В связи с этим здесь следует отметить, что в научно-учебном издании «Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез)» (Морфология удмуртского языка) [УКК 2011: 357 – 368] отдельный раздел посвящён модальным словам. В упомянутом разделе нашли отражение положения, изложенные автором данного издания в 2003 году в диссертационном исследовании.

Фундаментальные исследования категории модальности и модальных слов в финно-угорских языках к настоящему времени проведены в удмуртском, марийском и хантыйском языках. В частности, в марийском языке модальные слова выделены в отдельную часть речи, рассмотрен их количественный состав, выявлены лексико-грамматические значения модальных слов. Модальные слова по своим лексико-грамматическим значениям в марийском языке подразделяются на слова, выражаю-

щие уверенность (модальные слова категорической достоверности), и на слова, выражающие различную степень предположения (модальные слова гипотетической достоверности) [Анисимова, 2007]. Диссертация О.В. Анисимовой представляет собой ценный материал для изучения категории модальности и модальных слов для исследователей природы модальности в финно-угорских языках.

Что же касается изучения категории модальности и класса модальных слов в русском языке, то многие лингвисты отмечают, что в данном вопросе много проблем, требующих достаточно пристального изучения. Взять хотя бы то, что в трудах исследователей модальных слов и вводных слов появился термин “вводно-модальные слова” [Рудковская 1982]. Данное определение показывает, что модальные слова лежат в двух грамматических плоскостях – морфологии и синтаксисе. С одной стороны, модальные слова находятся между знаменательными и служебными словами; с другой стороны, их грамматическое значение выявляется только в предложении, где они чаще всего выступают в качестве вводных слов.

Отношение к модальным словам в разных языковых группах неодинаковое. Например, в немецком языке модальные слова относят к классу наречий: “Das Modalwort wird nicht von allen Grammatikern als eine besondere Wortart anerkannt; man schliesst es in die Klasse der Adverbien ein. Das Modalwort ist ebenso unflektierbar wie das Adverb. Es unterscheidet sich jedoch von dem Adverb dadurch, dass es sich nicht auf ein einzelnes Satzglied, sondern auf die gesamte Aussage bezieht. Das Modalwort bezeichnet das Verhaltnis von Aussage und Wirklichkeit dem Standpunkt des Sprechers aus, d. h. die Modalitat der Aussage und die gefuhlsmassige Stellungnahme des Sprechers zum Inhalt der Aussage” [Schendels: 243].¹

Возможно, модальные слова не выделяли в особую часть речи и по той причине, что по образованию модальные слова – это застывшие формы знаменательных слов, и в предложении их соотносили именно с теми частями речи. В “Грамматическом учении о слове” В. В. Виноградов писал: “Класс модальных слов и частиц в его современном виде представляет собою продукт сложных изменений граммати-

¹ Модальное слово не всеми грамматистами признается как особая часть речи; его относят к классу наречий. Модальное слово так же, как и наречие, неизменяемая часть речи. Но все же оно отличается от наречия тем, что оно не используется как отдельный член предложения, а относится к целому высказыванию. Модальное слово означает

ческого строя русского языка. Он очень пёстр по своему лексическому составу, по этимологической природе относящихся и тяготеющих к нему словесных элементов” [Виноградов 1947: 731]. Все это затрудняло выделить эти слова из состава лексики и объединить в одну часть речи.

По своей семантике модальные слова лишены номинативного значения предметности, признака или действия, но они не теряют лексической связи с теми словами, к которым этимологически восходят. При этом модальные слова в высказывании уже выступают в иной, служебной функции, и у них, как и у других служебных слов, лексическое значение совпадает с грамматическим. Поэтому мы можем говорить о лексико-грамматическом значении модальных слов, которое заключается в выражении точки зрения говорящего на отношение высказывания к действительности. Так, в предложении *Зэм, куректонэз быдэсак Педчаен Ондрей вылэ усиз* (Гаврилов, 3: 37) ‘Правда, все горе легло на Федосью и Андрея’ модальное слово *зэм* выражает утверждение, соответствие сказанного к действительности. А в следующем примере *Табере тани музъемез люконо, шуо* (там же, с. 46) ‘Теперь вот землю делить надо, говорят’ – слово *шуо* употребляется для передачи чужой мысли; этим словом говорящий показывает, что данное утверждение принадлежит не ему. В этих примерах модальные слова *зэм* и *шуо* не выступают в функциях имени существительного *зэм* ‘правда’ и глагола *шуо* ‘говорят’, поскольку с другими членами предложения они не связаны. Но, тем не менее, лексическая связь с исходным словом, несомненно, сохранена.

В. В. Виноградов в своих трудах по русскому языку модальные слова выделил в особую лексико-грамматическую группу, которая находится между знаменательными и служебными частями речи [Виноградов 1947: 44]. Причиной такого расклада модальных слов в особую группу, являющуюся как бы промежуточным звеном между знаменательными и служебными словами, является, вероятно, то, что большинство модальных слов по происхождению восходят к знаменательным полнозначным словам, а по функции в предложении, как и частицы, выражают отношение говорящего к высказываемому. Отнести их к служебным частям речи также нет до-

отношение говорящего к высказыванию и действительности, т.е. модальность высказывания и эмоциональное отношение говорящего к содержанию высказывания.

статочных оснований, поскольку модальные слова, как отмечает В. В. Виноградов, “более лексичны, чем связочные слова, они не выражают связей и отношений между членами предложения” [Виноградов 1947: 30].

Вслед за В. В. Виноградовым к исследованию способов выражения категории модальности, также и модальных слов, приступали лингвисты Е. М. Галкина-Федорук, М. Р. Федотов, Н. Е. Петров и другие. В одном из последних пособий “Современный русский язык” модальные слова выделены как часть речи (“Модальные слова – это неизменяемая часть речи” [СРЯ 2001: 185]); а исследователь модальных слов в якутском языке Н. Е. Петров модальные слова называет “особая категория – служебная часть речи” [Петров 1984: 41].

Обратимся к вопросу о месте модальных слов в системе частей речи удмуртского языка. В “Грамматике современного удмуртского языка” все слова современного удмуртского языка “по их значениям и функциям в предложении разделены на две большие группы: 1) знаменательные (самостоятельные) слова и 2) служебные слова” [ГСУЯ 1962: 67].

О знаменательных словах отмечается, что они “обозначают предметы, явления, процессы, действия, а также их качества, признаки, количество и т. д., то есть имеют самостоятельное лексическое значение, грамматические категории и в предложении являются каким-либо членом предложения” [ГСУЯ 1962: 67].

Служебные же слова “не имеют самостоятельного значения; они выражают отношение между словами в предложении (или между словосочетаниями, между предложениями) или придают им определенные оттенки значения. Служебные слова не употребляются в роли членов предложения” [Там же, с. 67]. Модальные слова и междометия выделены вне частей речи: “От знаменательных и служебных слов отличаются междометия и модальные слова” [Там же, с. 67].

Как же обстоит дело с определением места модальных слов в системе частей речи в других языках?

Для удмуртского языка, опирающегося на научные положения русской традиционной грамматики, критерием оценки и принципами выделения частей речи служит опыт деления частей речи в русском языке.

Для удмуртского языка критерием оценки и принципами выделения частей речи служат научные положения русской традиционной грамматики.

Как отмечается в “Современном русском языке”, “в основе современного учения о частях речи в русском языке лежит грамматическое учение о слове В. В. Виноградова” [СРЯ 2001: 14]. В. В. Виноградов все слова русского языка разделил на четыре категории: 1) части речи (знаменательные слова), 2) модальные слова, 3) частицы речи (служебные слова), 4) междометия [Виноградов 1947: 41–44].

В “Современном русском языке” [2001], опираясь на положения В. В. Виноградова, в лексике современного русского языка выделяют две группы: знаменательные слова и неполнознаменательные слова. Сравним существенные признаки той и другой группы, по которой возможна такая дифференциация (Таблица 1).

Таблица 1. Признаки полнознаменательных и неполнознаменательных слов

<i>Знаменательные слова</i>	<i>Неполнознаменательные слова</i>
1. Все знаменательные слова, кроме местоимений, выполняют номинативную функцию, т.е. дают названия предметам, признакам, процессам и др. явлениям объективной действительности.	1. Все неполнознаменательные слова не имеют номинативной функции, они не являются названиями каких-либо явлений объективной действительности. Они выражают различные отношения между явлениями объективной действительности или отношения к выраженной мысли, а также передают эмоции и издаваемые живыми или неживыми предметами звуки.
2. Знаменательные слова, называя предметы, признаки, процессы и др. явления, передают понятия об этих явлениях и предметах.	2. Неполнознаменательные слова понятий не выражают.

<p>3. Каждое знаменательное слово имеет фонетическое ударение. Логическое ударение в предложении «падает» на знаменательное слово.</p> <p>4. Знаменательные слова имеют морфемную структуру (слова состоят из морфем).</p> <p>5. Знаменательные слова имеют те или иные грамматические категории (в зависимости от принадлежности к той или иной части речи). Большинство знаменательных слов изменяются (склоняются или спрягаются) по определенным грамматическим категориям.</p> <p>6. Знаменательные слова функционируют в составе предложения в качестве членов предложения; они являются конструктивными элементами для словосочетаний и предложений.</p> <p>7. К знаменательным словам в предложении можно задать вопрос.</p>	<p>3. Логическое ударение не «падает» на неполнознаменательные слова.</p> <p>4. Неполнознаменательные непроизводные слова не имеют морфемной структуры (не членятся на морфемы).</p> <p>5. Неполнознаменательные слова не имеют грамматических (морфологических) категорий; они не изменяются (это неизменяемые слова).</p> <p>6. Неполнознаменательные слова не функционируют в роли членов предложения. Они не являются конструктивными элементами словосочетания и предложения.</p> <p>7. К неполнознаменательным словам в предложении нельзя задать вопроса.</p>
---	---

Учитывая все присущие полнозначительным словам признаки, к ним отнесены следующие части речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, причастие, деепричастие, наречие, категория состояния.

К неполнозначительным словам отнесены четыре группы слов: модальные слова, служебные слова, междометия, звукоподражания. Группировка неполнозначительных слов по частям речи “основывается на различии их категориального значения и функции в языке, а для служебных – на различии их функционально-семантического значения и роли в тексте” [СРЯ 2001: 182].

Категориальное значение модальных слов – “значение уверенности или неуверенности говорящего в его соответствии с действительностью, о чем он говорит” [Там же, 185]. Такое определение категориального значения модальных слов позволяет выделить их в особую группу в ряду неполнозначительных слов.

До В. В. Виноградова модальные слова в отдельную категорию не выделялись, хотя вопросы о модальных словах в русистике неоднократно поднимались. Так, в своем труде “Русский язык. Грамматическое учение о слове” В. В. Виноградов приводит взгляды на модальные слова своих предшественников А. Х. Востокова, Н. Греча, А. А. Шахматова, Д. Н. Овсянко-Куликовского, Потебни и других лингвистов. Модальные слова включали то в разряд наречий [А. Х. Востоков, В. Богородицкий, А. А. Шахматов], то союзов [А. А. Шахматов], то рассматривали их только в функции вводных слов, считая их “редуцированными предложениями” [А. А. Потебня, А. М. Пешковский, Д. Н. Овсянко-Куликовский, А. А. Шахматов]. Обзор полемики В. В. Виноградов заканчивает словами: “Чем бы они раньше ни были, в современном языке они образуют одну грамматическую категорию” [Виноградов 1947: 730].

Итак, модальные слова в современном русском языке составляют особую часть речи.

Для выделения слов в часть речи необходимо определенное количество лексических единиц, обладающих общекатегориальным значением, общими синтаксическими и морфологическими признаками.

Модальные слова, как отметили выше, имеют общекатегориальное значение уверенности или неуверенности говорящего в его соответствии с действительностью, о чем он говорит. Синтаксическим признаком модальных слов является то, что они в структуре предложения грамматически не связаны с другими членами предложения и выступают в функции вводных слов. Морфологическим признаком модальных слов является их неизменяемость и отсутствие морфологических категорий, их сотнесенность со знаменательными словами.

Говоря о количестве лексем, мы здесь не имеем в виду их цифровое выражение. Речь идет о некотором количестве слов, составляющих ядро части речи, основном словарном фонде, отличающемся от других частей речи.

Что касается лексем, составляющих ядро модальных слов как части речи, в удмуртском языке по происхождению они неоднородны. Если в русском языке они в большинстве своем восходят к наречиям, то в удмуртском языке мы не наблюдаем такого тяготения. Большая часть модальных слов в удмуртском языке восходят к глаголам (*шкӧдске, адске, шуо, шуом, вылды*) и лишь некоторая часть к именам и наречиям (*зэм, шонер, зэм ик, зэмзэ вераса, озьыен* и под.).

В данной работе мы подробно рассмотрим место модальных слов в ряду других частей речи удмуртского языка.

2.2. Отношение модальных слов к знаменательным частям речи

Что касается вопроса дифференцирования модальных слов и знаменательных, то мы здесь наблюдаем ряд существенных признаков.

В отличие от знаменательных, модальные слова лексических значений не имеют и употребляются для выражения различных модальных значений или выражают отношение говорящего к высказываемому в плане достоверности или недостоверности, сомнительности или уверенности, ссылки на чье-либо мнение. В предложении модальные слова не примыкают к определенным членам и не служат “определением или распространением слов какого-нибудь одного или нескольких грамматических классов” [Виноградов 1986: 594].

Как же происходит переход знаменательных слов в модальные?

По утверждению Н. Е. Петрова, “путь образования модальных слов лежит только через грамматикализацию знаменательных слов” [Петров 1984: 34]. Грамматикализация – это “утрата словом лексической самостоятельности в связи с употреблением его в служебной функции” [ССЛТ 1985: 58]. Примеры грамматикализации известны в удмуртском языке не только в отношении модальных слов. Например, союз *шуыса* ‘что’ образовался в результате изменения функции употребления деепричастия *шуыса* ‘говоря’; союз *дыръя* ‘поскольку, коли, раз’ перешел из формы существительного в соответственном падеже *дыръя* ‘по времени’; послелог *вамен* ‘через’ перешел из наречия *вамен* ‘поперек’ и т. д.

При переходе слова из одной части речи в другую происходит ряд изменений: изменяется его синтаксическая функция, общеграмматическое (категориальное) и лексическое значение, происходят сдвиги в области морфологических, словообразовательных и морфемных свойств, фонетических особенностей. Процесс перехода слова в новую часть речи обычно начинается с изменения его синтаксической функции в предложении. В. В. Виноградов отмечает зависимость изменения морфологических категорий от синтаксических: “В морфологических категориях происходят постоянные изменения соотношений, и импульсы и толчки к этим преобразованиям идут от синтаксиса” [Виноградов 1952: 150].

При явлении переходности исходная часть речи или исходный разряд слов “не исчезают из языка, так как происходит раздвоение, расщепление исходной лексемы на две, по-разному функционирующие в языке; в одной из них появляются и развиваются признаки иной части речи, а другая чаще остается без изменений и продолжает функционировать в исходной части речи” [СРЯ 2001: 21].

Переход слова из одной части речи в другую В. В. Шигуров назвал “трансформацией”. В своем исследовании “Переходные явления в области частей речи в синхронном освещении” он отмечает следующее: “Переход слов в области частей речи может проявляться в изменении их синтаксической функции, общеграмматического и лексического значения, синтаксической и лексической дистрибуции, морфологических свойств, морфемной структуры и словообразовательных возможностей, фонетических особенностей. Чаще всего он выражается в изменении комплекса наибо-

лее важных свойств части речи и может завершиться фонетическими преобразованиями” [Шигуров 1988: 17]. Подобное определение находим в “Современном русском языке”: “Под трансформацией понимается сложный процесс изменений признаков слова, который приводит к перемещению слова из одной части речи в другую или к перемещению слова из одного морфологического разряда в другой в пределах одной части речи” [СРЯ 2001: 19]. В результате трансформации в языке появляются так называемые функциональные омонимы. Функциональные омонимы – это “этимологически родственные слова, совпадающие по звучанию, но относящиеся к разным частям речи; при возникновении функциональных омонимов происходит значительное переосмысление слова или отдельной словоформы, за данным словом или отдельной словоформой обычно закрепляется новая синтаксическая функция, у них развивается новое категориальное значение” [Там же, 224].

Что касается вопроса, какие части речи подвержены трансформации [явлению перехода], В. Н. Мигренин пишет: “Переход, ведущий к образованию новых единиц языка, в большинстве случаев совершается в направлении от более сложной по своим лексико-грамматическим признакам части речи к более простой. Знаменательные части речи трансформируются в служебные, но нет обратной трансформации” [Мигренин 1971: 170].

Итак, знаменательное слово теряет свое лексическое значение в результате употребления его в функции служебного слова. Такое слово в структуре высказывания ведет себя автономно, не примыкая к другим словам, не являясь определением или распространением других слов высказывания. Как отмечает М. Р. Федотов, “это формально самостоятельные и обладающие критерием выделяемости застывшие лексические единицы, не способные служить ни словообразующей основой, ни самостоятельным членом предложения” [Федотов 1963: 15].

Однако, несмотря на грамматикализацию, семантическая связь между модальным словом и исходным знаменательным словом имеется. Например, модальное слово *луоз* ‘наверное, скорее всего, верно, возможно’ и глагол *луоз* ‘будет’, модальное слово *зэм* ‘правда’ и наречие *зэм* ‘правдиво, истинно, достоверно’ и др. Но в предложениях они выполняют разные функции: *Зэм, драматической сценаосын Ва-*

ра ас интыяз... (Гаврилов, 3: 612). ‘Верно, в драматических сценах Варя на своем месте...’ (зэм – модальное слово.) Соиз, конечно, зэм: атаез солэн кулак вал (Гаврилов, 3: 521). ‘Это, конечно, правда: его отец кулаком был’ (зэм – существительное, в предложении является именной частью именного составного сказуемого). *Ватсам ужду-ун? Мар со сыце? Касаткин уйвөтаз адһиз, луоз* (Перевощиков, 1: 478). ‘Добавочная зарпла-ата? Что это такое? Касаткин, верно, во сне увидел’ (луоз – модальное слово). *Писательёсты, артистъесты өтчалэ – калыклы ма быдһа шумпотон луоз* (Перевощиков, 2: 235). ‘Писателей, артистов приглашайте – людям столько радости будет’ (луоз – глагол, часть составного именного сказуемого).

В вопросе о грамматических признаках модальных слов обращают на себя внимание формально сохранившиеся в модальных словах формообразующие морфемы. По мнению К. А. Тимофеева, лексическое и грамматическое значение слова связано с его морфемной структурой: “Указание на детонат осуществляется прежде всего посредством корня, а также аффиксов, уточняющих (детерминирующих) лексическое значение корня. Таким образом, морфемная членимость самостоятельных слов обусловлена их природой. Служебные слова, лишенные детонативной соотнесенности, естественно, не имеют таковой” [Тимофеев 1987: 5]. То есть, в служебных словах не выделяются морфемы. Это относится также и к модальным словам, поскольку модальные слова по своим синтаксическим функциям приближаются к служебным словам.

Рассмотрим на примере. Модальное слово *шкдһське* ‘кажется, вероятно’ придает высказыванию значение вероятности, предположения с большей долей уверенности. Образовано оно от формы глагола *шкдһськыны* ‘чувствовать, предчувствовать’. Данный глагол в форме *шкдһське* ‘чувствуется’ членится на следующие морфемы: корень *шкд-*, аффиксы *-иськ-*, *-е*, по которым определяется лексическое (вещественное) значение слова (корень) и грамматическое (аффиксы) – это глагол возвратного залога изъявительного наклонения, настоящего времени, третьего лица единственного числа – чувствуется. Формально эти же морфемы как бы сохранились в модальном слове, но его нельзя членить, поскольку морфемы не играют никакой роли для связи слова с другими словами предложения, так как модальное слово лишено

лексического значения и выражает лишь модальное значение предложения – всего предложения или его части: *Тон, шкдһське, улонлэсь бере кыльыны кутскид* (Гаврилов, 3: 236). ‘Ты, похоже, начал отставать от жизни’. *Воргоронъёс дышемьн ни, шкдһське, ын соослы нокыце ик уг пот, пуко но чыры-пыры ужъёс сярысь верась-ко* (там же, с. 204). ‘Мужчины к этому, видимо, уже привыкли, на дым не обращают внимания, сидят и о делишках разговаривают’.

Для сравнения приведем предложение, где слово *шддһське* выступает в своем лексическом значении и в предложении является сказуемым: *Кызы озы одһг мурт пушкын сыце пӧртэм адямиос уло? Хотя, конечно, монъяськемез “романаз” но шддһське* (Перевощиков, 1: 374). ‘Как же так в одном человеке уживаются две совершенно разные личности? Хотя, конечно, выпячивание своего “я” и в его «романе» чувствуется’ (*шддһське* – чувствуется).

Таким образом, вместе с утерей своего первоначального вещественного значения, модальные слова потеряли присущие знаменательным словам грамматические признаки.

По поводу морфем, наблюдаемых в модальных словах, Н. Е. Петров пишет: “Модальные значения слов ныне не имеют прямой связи со значением той или иной формы слов, от которых произошли или к которым они морфологически соответствуют. Это, по существу, омонимы, чаще абсолютные” [Петров 1984: 40]. Таким образом, отдифференцировавшись от знаменательного слова в результате грамматизации, модальное слово составляет его омонимическую пару и начинает функционировать в качестве новой, совершенно иной от исходного слова, лексической единицы, что, соответственно, вызывает изменение синтаксической функции его в структуре высказывания.

Морфологической особенностью модальных слов в удмуртском языке является их неизменяемость и функционирование в языке в застывшей морфологической форме исходного знаменательного слова. Как мы уже отмечали, развитие модального значения у знаменательного слова происходило вследствие семантического опустошения слова. Вероятно, эти изменения в слове, как носителя определенного смысла, значения, происходили в длительный временной период.

Говорить о какой-либо одной грамматической форме знаменательного слова, которая легче всего подвергается асемантизации, вследствие чего у слова могут развиться модальные значения, сегодня мы не можем, поскольку модальные слова в удмуртском языке отделились из недр разных знаменательных частей речи. А у модальных слов, образовавшихся, скажем, от глаголов, не можем также назвать какую-либо грамматическую форму, которая бы стала исходной для развития модального значения.

Модальные слова удмуртского языка большей частью образовались от разных грамматических форм глаголов. К глагольным по происхождению мы можем отнести следующие модальные слова:

- от глагола *шуыны* ‘сказать, говорить’ – *шуо* ‘говорят’, *шуом* ‘скажем, допустим, положим, предположим’, *шуод* ‘скажешь, допустишь, предположишь’;
- от глагола *адъыны* ‘видеть’ – *адске* ‘видимо, вероятно, кажется, видно’, *адъиське* ‘то же значение’;
- от глагола *кылыны* ‘слышать’ – *кылӥське* ‘слышно’, *кылӥськиз* ‘слышно, слышать’;
- от глагола *вераны* ‘говорить’ – *верало* ‘говорят, сказывают’;
- от глагола *валаны* ‘понимать’ – *валамон* ‘понятно’;
- от глагола *шкӧдыны* ‘чувствовать’ – *шкӧдске*, *шодӥське* ‘кажется, вероятно’;
- от глагола *луыны* ‘быть’ – *луоз* ‘наверно, может быть, вероятно’, *вылды* ‘наверно, скорее всего, может быть, вероятно, по-видимому’;
- от глагола *яраны* ‘пригодиться, подходить, годиться, подойти’ – *яралоз* ‘ладно, хорошо’, *ярам* ‘ладно, хорошо’;
- от глагола *кожаны* ‘предполагать, предположить’ – *кожалод* ‘кажется, как будто’;
- от глагола *тодыны* ‘знать’ – *кйтод* ‘не знаю’.

Следующая группа модальных слов, произошедших от глаголов, образована сочетанием глагольных форм с разными служебными словами. Это такие слова, как:

- от глагола *кожаны* ‘думать, полагать, предполагать’ – *кожаськод-а* ‘думаешь ли, тебе кажется ли’;
- от глагола *учкыны* ‘смотреть’ – *учкод ке* ‘если посмотреть’, *учконо ке* ‘на самом деле’;

– от глагола *тодыны* ‘знать’ – *тодһськод-а* ‘знаешь ли’.

Небольшая часть модальных слов по происхождению соотносится с существительными *зэм* ‘правда’, *чын* (диал.), *зэм но* ‘и правда’, *зэмзэ но*, *зэмзэ ик*, *зэмен ик* ‘и вправду, действительно, в самом деле’, *кылсярысь* ‘например, к примеру, к слову’.

Модальных слов, образованных от прилагательных и наречий, в удмуртском языке немного. Это такие слова, как *озыен* ‘значит, итак, стало быть, таким образом’, *озытэк-а* ‘а как же, не без этого, понятно’, *тодмо* ‘верно’, *тодмо ини* ‘понятно уж’, *шонер* ‘верно, правильно, действительно’

2.3. Отношение модальных слов к служебным частям речи

Общекатегориальное значение модальных слов отличается от значения других служебных слов.

Так, функция союзов – это соединение однородных членов предложения и соединение частей сложного предложения. Союзы, таким образом, не являются собственно самостоятельным средством, служащим для выражения модальности. Однако, поскольку отдельные модальные значения могут быть выражены только в определенных типах сложноподчиненных предложений, по мнению А. М. Бордовича, “некоторые союзы, выступая в качестве связующего элемента частей сложного предложения в одно синтаксическое целое, содействуют оформлению и передаче тех или иных модальных оттенков” [Бордович 1956: 65]. К ним он относит в первую очередь условные и временно-условные союзы. В удмуртском языке условный союз *ке* ‘если, коли’, условно-временной союз *куке* ‘когда если’ тоже способствуют передаче модальных оттенков – они “обозначают условия, при которых возможно, желательно, необходимо то, о чем говорится в главном предложении” [ГСУЯ 1974: 89]: “*Дышетсконме быдтһ ке, мон тонэ городэ басьто*”, – *шуылһз Вася* (Гаврилов, 3: 11). “Как только закончу учебу, я тебя в город возьму”, – говаривал Вася’. *Куке ки вылад гуждор потһз, соку гинэ умой улонэз мед адһод!* (УФ: 251). ‘Когда на ладони трава прорастет, тогда лишь хорошую жизнь пусть увидишь!’ *Атабае ньечен бертонэз адһимы ке, пунэмзэ дас полэс берыкто, та шунды понна!* (Красильников: 21).

‘Коли удастся нормально вернуться в Атабаево, долг свой, ей-богу, вдесятеро вернуть!’

К ним, однако, по своему значению приближаются те из модальных слов, которые служат одновременно для выражения и модального значения, и обозначения последовательности мыслей и логической связи последующей мысли с предыдущей. К таким относятся, например, модальные слова *озьыен* ‘итак, значит, стало быть, выходит’, *шуом* ‘предположим, положим, может быть, скажем’: *Ярам, та «уждун» пумысен мукет сямен но малпаны луэ. Шуом, умды сайказ, кышкады но соин ты-ремышь дугдһды. Но озьы коть тазьы, соку тһ доры нокыце ревизор кз ветлы – ревизия кй вал. Озьыен, Касаткинэз тһ пкяды* (Перевощиков, 1: 474). ‘Ладно, по поводу этой «зарплаты» и по-другому можно подумать. Скажем, ваш ум прояснился, вы испугались и поэтому перестали выплачивать. Но, так или иначе, тогда к вам никакой ревизор не приходил – не было ревизии. Выходит, Касаткина вы обманули’.

Из примера видно, что модальные слова *шуом* и *озьыен* служат для логической связи последовательно идущих мыслей и одновременно выражают субъективное отношение говорящего к высказываемой мысли.

Чем же они, в таком случае, отличаются от собственно союзов?

Как указывает Н. Петров, “лексико-грамматическое значение модальных слов отличается от союзов тем, что значение первых носит субъективно-объективный, оценочно-рассудочный характер, а значение союзов – сугубо объективный, т.е. они выражают объективно-синтаксические отношения между словами, словосочетаниями и предложениями, устанавливая их логическую последовательность, связь, сопоставление и т.д.” [Петров 1984: 44].

Общекатегориальное значение модальных слов отличается от значения послелогов. Послелог в удмуртском языке выполняют функцию связи имен с другими словами в структуре высказывания и обозначают вместе с именами пространственные, временные, причинно-целевые, сравнительно-измерительные, количественные отношения, отношения совместности. По функции послелог в какой-то мере напоминают аффиксы, поскольку они обозначают отношения между формами косвенных падежей имен к другим словам. Не случайно В. В. Виноградов по поводу русских

предлогов (в удмуртском языке им соответствуют послелого) отмечает, что они “могут быть рассматриваемы как агглютинативные префиксы косвенного объекта” [Виноградов 1947: 677]. Применительно к удмуртскому языку послелого можно рассмотреть как агглютинативные постфиксы. Кроме того, в удмуртском языке серийные послелого, выступающие в пределах местных падежей, не утратили связи с лексическим значением имен, к которым восходят по происхождению (*писпу доры*, *писпу дорысь*, *писпу дорын* ‘к дереву, от дерева, у дерева’) и могут иметь притяжательные аффиксы (*мон съкрысьтым* ‘из-за меня’, *тон съкрысьтымд* ‘из-за тебя’).

Что касается модальных слов, то они отличаются окаменелостью формы, неизменяемостью. Отличаются они также выполняемой в предложении функцией. Послелог употребляется для связи слов в словосочетании и в предложении, а значит, передает объективные отношения, тогда как модальные слова передают субъективные отношения к высказываемому.

Общекатегориальное значение модальных слов также отличается от значения частиц, не считая, конечно, модальных и модально-волевых частиц.

Общекатегориальное значение частиц – это неизменяемость, функционирование в качестве служебных слов, употребляющихся в речи “для выражения смысловых оттенков к значениям отдельных слов, словосочетаний или целых предложений” [ГСУЯ 1962: 335]. Например, указательные частицы “употребляются для указательного подчеркивания значения тех слов, к которым они относятся” [Там же, 338], а выделительно-ограничительные частицы выделяют слово в предложении или придают ограничительный оттенок словам или словосочетаниям, к которым они относятся.

Но все же среди немодальных частиц есть такие, которые передают оттенки модальных значений. Например, частица *ке* служит для передачи неопределенности: *кин ке* кто-то, *кытын ке* где-то и т. д. Выделительная частица *гинэ* ‘только, лишь’ также имеет оттенок модальности – усиления утверждения: *Арӥс доры мынон сярысь ми кӥжытак вераським вал эмирен но. Со мынам гинэ малпанэ, мылкыды кӧкл* (Леонтьев: 42). ‘О путешествии к арам мы поговорили уже с эмиром. Это не только мое желание и настроение’.

На близость частиц к модальным словам указывал и академик В. В. Виноградов: “Среди связочных слов, среди частиц речи наиболее отчетливо выделяются две резко очерченные категории – предлоги и союзы; а кроме того, остается еще несколько небольших групп слов, которые объединены общими свойствами гибридного – полуграмматического, полулексического – типа и промежуточным положением между наречиями и модальными словами, с одной стороны, и союзами – с другой стороны. Вот за этими-то группами “частичных” слов и сохраняется обычное звание “частиц” в собственном смысле” [Виноградов 1947: 664]. Далее он добавляет: “Преобладающее большинство частиц в русском языке обнаруживает в своем значении модальные оттенки и тяготеет к категориям модальных слов... Класс частиц глубоко внедряется в категорию модальных слов, и тут складываются новые, гибридные типы частиц” [Там же, 665].

В исследовании Н. Е. Петрова тоже говорится о близости модальных слов и частиц: “Ограничительные и присоединительные частицы... главным образом употребляются в модальном значении. Кроме того, есть чисто модальные частицы, которые отличаются от модальных слов не по значению, а лишь своим постпозитивным употреблением в речи... В зависимости от синтаксического окружения модальные частицы могут приобретать модальное значение. Таким образом, из служебных слов наиболее близки к категории модальных слов частицы” [Петров 1984: 45].

Возможно, по этой причине Е. К. Майтинская [1982] к частицам включает и модальные слова (удмуртское *шкӧдске* ‘вероятно, кажется’, коми *тыдало* ‘вероятно, как видно, очевидно, наверно’), хотя мы склонны включать их в разряд модальных слов, так как у этих слов в настоящее время ясно прослеживается связь с исходными знаменательными словами. А частицы, как лексемы, слова более редуцированные, усеченные единицы. Неслучайно и название этого класса от слова ‘часть’ – частичное слово. У М. Р. Федотова тоже находим подобное определение: “Модальные частицы отличаются от модальных слов именно тем, что первые по своей форме являются частичными, ущербными, хотя исторически, как первые, так и вторые, восходят к лексически полноценным словам” [Федотов 1963: 20]. Что касается модальных частиц, то по своим значениям они наиболее близки к модальным словам. Как

отмечает К. Е. Майтинская, “многие частицы отражают субъективное отношение человека к высказываемому: уверенность, неуверенность, убежденность, сомнение в чем-либо, согласие, несогласие с чем-либо, интерес, любопытство, безразличное отношение к чему-либо” [Майтинская 1982: 118].

По своей функции в структуре предложения модальные слова и модальные частицы совпадают: и первые и вторые служат для выражения субъективного отношения к содержанию высказывания. Однако есть ряд признаков, по которым возможно разграничение их друг от друга. “Модальные слова лексически более самостоятельны и имеют самостоятельное ударение” [ГСУЯ 1962: 336]. “Лексическая самостоятельность” заключается в возможности возведения их к знаменательным словам, в то время как восстановить происхождение большинства модальных частиц сегодня весьма затруднительно. На это указывал И. В. Тараканов: “Частицы... нельзя отнести к модальным словам, потому что... частицы не воспринимаются говорящими как самостоятельные слова, и в настоящее время весьма трудно установить какую-либо связь с теми самостоятельными словами, от которых они образовались в процессе превращения в служебные слова” [Тараканов 1975: 169].

Что касается наличия самостоятельного ударения у модальных слов, то же самое можно сказать и о некоторых модальных частицах, например, *иське, лэся*. Все же, на наш взгляд, основное отличие, по которому возможна дифференциация модальных слов и модальных частиц, – это их происхождение и интонационное выделение в высказывании. Модальные слова, в отличие от большинства модальных и модально-волевых частиц, в предложении занимают более автономную позицию, и при произношении говорящий их выделяет паузой и некоторым понижением голоса, тогда как большинство модальных частиц произносятся слитно с теми словами, к которым относятся. На отличие модальных слов и модальных частиц также указывает исследователь модальных частиц в мордовских языках О. Ерина: “В отличие от модальных слов, модальные частицы очень редко могут создавать самостоятельное предложение” [Ерина 1997: 107].

На близость модальных слов и модальных и модально-волевых частиц указывает еще и то, что и те и другие сопровождают глагольное наклонение и вносят в

предложение всевозможные оттенки достоверности, недостоверности, уверенности, неуверенности, сомнения, убежденности, желательности, волеизъявления и другие модальные значения.

Таким образом, из служебных слов модальные слова наиболее близки с частицами, в особенности с модальными частицами.

В этом вопросе обращает на себя внимание то, что значение некоторых модальных слов и модальных частиц идентичны. Так, модальные слова *вылды* и *луоз* и модальная частица *дыр* совпадают в значении предположения; модальное слово *шуо* и модальная частица *пе* употребляются для передачи чужой или ранее высказанной мысли; модальное слово *озыен* и модальная частица *иське* служат для подведения итога, передают уверенность говорящего в высказываемой мысли: *Тһ, пиос, машинаен лыктыкуды ткл шорын кынмиды, луоз* (Валишин: 80). ‘Вы, мальчики, наверное, замерзли, пока ехали на машине’. *Мон профкомлэн председателез бере, -шуэ Мария Яковлевна, – мыным ик кутсконо, вылды* (Валишин: 82). ‘Поскольку я председатель профкома, – говорит Мария Яковлевна, – мне и нужно начинать, наверное’. *Кезьытлы чидатэк караз пыдло шымырскиз но дырекъя, дыр* (Гаврилов, 3: 619). ‘Не стерпев холода, в конуру забился и дрожит, наверное’. *Мыным, шуэ, вуко но электростанциез лэзыны кулэ, нош тон председателе кыкиськод на* (Гаврилов, 3: 661). ‘Мне, говорит, надо запустить мельницу и электростанцию, а ты еще в председатели тянешь’. *Кыцезэ верамтэ, только отчы, пе, ми кадьёсты уг кутто, пай, пе, бадным кулэ* (Гаврилов, 3: 187). ‘Какой не сказал, только туда, говорит, таких, как мы, не возьмут, пай, мол, большой нужен’. *Ас быгатэмзэс ватэм сяна, дышетһсьлэсь данзэ саптам сяна, сыцеос пинальёсты клексы каро. Озыен, директор но. Озы карыны косэ ке* (Перевошиков, 1: 159). ‘Мало того, что скрывают свою несостоятельность, мало того, что позорят имя учителя, такие еще и детей калечат. Значит, директор тоже. Если позволяет так поступать’. *Иське, мон честной квкл? Иське, мон кышкась? Кин монэ тазы быдэстһз?* (Гаврилов, 3: 622). ‘Значит, я не честный? Значит, я труслив? А кто меня таким вырастил?’ *Милесьтым ньырдыт но лутскем мылкыдмес инкуазь кжытак сһятыны малпаз, шкдске: зоре* (Валишин: 101). ‘Кажется, погода надумала погасить наше горячее и приподнятое настроение:

идет дождь'. *Нокин к'вкл, кадь, котыр чалмыт* (Садовников: 71). 'Кажется, никого нет, везде тихо'.

Таким образом, мы видим, что некоторые модальные слова и модальные частицы составляют пару полных синонимов, что еще раз подтверждает близость модальных слов и модальных частиц. Как указывал В. В. Виноградов, "граница между модальными частицами и модальными словами очень неопределенна и подвижна" [Виноградов 1947: 734]. Поскольку их грамматико-синтаксические функции совпадают, все же в основу разграничения их друг от друга следует брать показатель соотнесенности/несоотнесенности их со знаменательными словами.

Однако наблюдения за устной речью носителей удмуртского языка и анализ образцов удмуртской речи, записанной в разное время разными исследователями (Munkacsi 1952, Wichmann 1987, Kel'makov – Saarinen 1994, Карпова 2005), показывают, что в разговорной речи чаще употребляются частицы *не*, *дыр*, *оло*. Возможно, это связано с тем, что частицы, как лексические средства выражения модальности, в более ранние сроки дифференцировались от знаменательных слов, нежели модальные слова. Действительно, связь частиц со знаменательными словами сегодня сложно восстановить, тогда как процесс лексикализации знаменательных слов и переход их в разряд модальных – явление настоящего времени, и в языке параллельно могут функционировать оба омонима (глагол *луоз* и модальное слово *луоз*, наречие *зэм* и модальное слово *зэм* и др.).

Несколько сложен вопрос соотношения модальных слов с междометиями. И модальные слова, и междометия служат для выражения субъективного отношения к высказываемому. Междометия, как и модальные слова, – "класс неизменяемых слов, служащих для нерасчлененного выражения эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность" [ЛЭС: 290].

Как и служебные слова, междометия не имеют номинативного значения, но от служебных слов они отличаются тем, что им не свойственна связующая функция. А с модальными словами их сближает функция волеизъявления и модальности, а также соотнесенность некоторых междометий со знаменательными словами. Так, к примеру, сложно определить разряд восклицания *инмар понна* 'ей-Богу', в котором

совмещается и признак междометия (выражение чувства и эмоции), и признаки модального словосочетания (выражение желания уверить в своем убеждении окружающих):

“Оло, со, лэся, ук?” – *синъёсызлы оскытэк, вырньылыны дһсьтытэк сылэ. Егит пи ныл доры вуэ ни.* “**Инмар понна, со!**” – Чачабей соку ик вань кайгузэ вунэтыса, *яратон муртсэ пумита. Оло бордоно, оло маке верано* (Коновалов: 58). “Кажется, ведь он!” – не веря глазам своим, стоит, не шевелясь. Молодой человек уже приближается к девушке. “Ей-Богу, он!” – Чачабей, тут же забыв о своей печали, встречает своего возлюбленного. То ли плакать, то ли говорить’.

Среди значений, которые передаются с помощью междометий, значения побуждения, волеизъявления, вопроса, согласия, несогласия, сомнения, просьбы относятся к разновидностям категории модальности.

Н. Е. Петров пишет: “В лингвистической литературе еще не разработаны критерии установления границ между междометиями и модальными словами, а также нет единого мнения в этом вопросе” [Петров 1984: 48]. Далее здесь же он высказывает мнение, что “слова, выражающие согласие, несогласие (типа *нет, да*), благодарности (типа *спасибо*), сомнение (типа *право*), недоверие, осуждение (типа *вот еще*), укор (типа *ну уж*), переспрос (типа *а? ась?*), а также приветствия и другие виды общепринятого этикета и пр., относятся к модальным словам” [Петров 1984: 48].

Действительно, вопрос этот сложен. Сложен он еще и потому, что некоторые лингвисты, в том числе и В. В. Виноградов [1947: 741], к модальным словам относят междометия – этикетные слова. На наш взгляд, в предложениях со словами *тау* ‘спасибо’, *вождэс эн вае* ‘извините’ и под. нет того модального значения выражения уверенности, неуверенности, утверждения, отрицания, достоверности, недостоверности, сомнения и др., которыми характеризуется категория модальности, или же оно ослаблено: “*Кужмо кариське ужаны!*” – *кыдёкысен капчи мылкыдын вазиське Дангыр.*– “*Тау, эке, ъеч кылыды*”, – *пумитаз Вортча Пужей вазиське* (Кедра Митрей: 20). “Бог в помощь!” – издалека приветствует Дангыр.– “Спасибо, сынок, за доброе слово”, – отвечает ему Вортча Пужей’.

С категорией модальности междометия сближает сопровождающее междометие соответствующая интонация. Например, в предложении *О, тон шат со?* ‘О, это ты разве?’ вопросительная интонация передает модально-экспрессивное значение удивления с некоторой долей сомнения.

На близость междометий с модальными словами обращали внимание многие лингвисты. Так, академик А. А. Шахматов писал о “переходных модально-междометных словах” [Шахматов 1941: 226]. В. В. Виноградов также выделяет ряд междометий, “которыми выражается эмоционально-волевое отношение к речи собеседника... Это междометия с оттенком модальности, а иногда модальные слова с оттенком междометий. Например: *да! конечно!* (подтверждение); *нет!* (отказ); *вот еще! право!* (уверение); *а? ась? что?* (отклик); *ой ли?* (недоверие) и др.” [Виноградов 1947: 757]. В удмуртском языке это могут быть выражения типа: *зэм шу?!* ‘правда?!’; *ымдэ паськыт усьты!* ‘держи карман шире!’ (букв. ‘открой рот шире’).

Однако существенным принципом различия междометий и модальных слов, на наш взгляд, может послужить широкий диапазон различных чувств, выражаемых одними и теми же междометиями. Например, междометие *ой!* в зависимости от контекста может выражать испуг, удивление, недоверие, радость, боль, сочувствие, желание и т.д.; междометие *эх!* передает “восхищение, восторг, недовольство, упрек, порицание, горе, печаль, тоску и т.д.” [ГСУЯ 1962: 354].

В отличие от междометий модальным словам присущи однополюсные оттенки значений (например, модальное слово *вылды* ‘наверное, может быть’ передает значение предположения и близкие к этому значению оттенки сомнения, неуверенности и т.п.; модальное слово *шуом* ‘предположим, скажем’ употребляется в речи для передачи предположения и близких к этому чувству значений: рассуждения, допущения).

Итак, анализ показывает, что модальные слова по своим общекатегориальным признакам каким-либо образом соприкасаются как со знаменательными словами (генетически), так и со служебными словами и междометиями (функционально). Наиболее тесная связь по лексико-грамматическим признакам у модальных слов

наблюдается с частицами и междометиями, но при всем том, модальные слова имеют свои особенности, которые позволяют им выделиться на фоне других частей речи.

2.4. Отношение модальных слов к вводным словам

Выше мы уже отмечали, что модальные слова в удмуртском языке не вступают в грамматические отношения с другими словами в высказывании и выступают изолированно от других членов предложения. Как определил В. В. Виноградов, “модальные слова лежат как бы в иной грамматической плоскости по сравнению со всеми другими элементами высказывания” [Виноградов 1947: 725]. Во многих языках модальные слова в предложении выступают в функции вводных элементов и служат ключом к пониманию модальности высказывания. Сложность выделения в особую группу слов, выражающих отношение говорящего к содержанию высказывания, заключается и в том, что субъективное отношение может выражать, с одной стороны, значение достоверности/недостоверности содержания высказывания к реальной действительности, и, с другой стороны, это отношение может быть эмоционально-экспрессивного плана.

Многое из положений В. В. Виноградова взяты в основу изучения лексико-грамматических пределов модальных слов. Но среди лингвистов существуют споры по вопросу причисления к модальным словам вводных синтагм, выражающих субъективно-объективную оценку сообщения: *к счастью, к всеобщему огорчению, к сожалению, к несчастью...*; слов и словосочетаний, связанных “с техникой организации речи и самого процесса сообщения с указанием на порядок оформления мыслей: *во-первых, во-вторых*; с указанием на обобщающий, дополнительный или поясняющий характер последующей мысли: *итак, таким образом, словом, одним словом, в частности* и др.; с необходимостью привлечь внимание собеседника: *представьте, знаете (ли), видите (ли)* и др.” [СРЛЯ: 275]. Рассмотрим взгляды исследователей на данную проблему.

В статье “Семантико-синтаксические средства выражения модальности в русском языке” Г. П. Немец пишет: “Широкий диапазон классификации средств языка,

выражающие модальные отношения должен включать в себя и выражения эмоционального отношения к фактам действительности, и выражения уточнения, пояснения, ограничения, а также средства, указывающие на связь мыслей, порядок их изложения, способ оформления и т.п., как и их идентификаторы” [Немец 1989: 4]. Феер Денешне тоже пишет, что “предложения с вводными словами или присоединительными словами типа *правда, не правда ли, не так ли, да, нет* и т.д. выражают уверенность спрашивающего в высказываемой мысли и вместе с тем передают его стремление найти у собеседника подтверждение высказываемой мысли” [Денешне 1980: 120]. Из этого высказывания можно сделать вывод, что Феер Денешне слова, привлекающие внимание собеседника с целью получения подтверждения к выражаемой мысли, включает в класс модальных слов. К модальным словам он также причисляет вставные конструкции, служащие выражению категорической достоверности типа *без (всякого) сомнения, слов нет, спору нет, не подлежит сомнению* и т.д. [Денешне 1980: 176].

Принципы Р. А. Каримовой более категоричны в отношении вводных слов, которые выражают модальные значения. Она включает в состав модальных слов только слова, обозначающие степень достоверности высказывания: “Исходя из понимания модальности как синтаксической категории, определяющей отношение сообщения к действительности, мы полагаем, что модальной следует считать лишь определенную группу вводных слов – со значением степени достоверности высказывания. Вводные слова остальных семантических групп модальных значений не выражают, они с других сторон оценивают сообщение” [Каримова 1965: 11].

Однако в этой же работе далее она отмечает: “Модальные слова как особая часть речи определились не полностью, четко не установились их границы, в ряде случаев трудно отнести слово к разряду модальных слов или к другим частям речи” [Там же, 17].

О. В. Агуца также не идентифицирует понятия “модальные слова” и “вводные слова”: “На наш взгляд, вводность должна обеспечиваться назначением, целесообразностью использования. Вводными необходимо считать такие слова и элементы, которые вводятся в предложение в определенных случаях, например, для: 1) допол-

нительной информации (основная функция вводности); 2) выражения модальности; 3) сообщения о последующей прямой речи; 4) выражения эмоций, не отражающих отношения к высказываемому или сообщаемому; 5) введения в текст а) неязыковых знаков (цифр, идео-графических значков, пиктограмм и других кодовых репрезентативов); б) не-переводимых иностранных слов и словосочетаний в соответственном графическом написании; в) ремарок в сценической речи; г) сносок, сообщающих источник информации и т.д.” [Агуца 1998: 10].

Слова и сочетания слов, обозначающие ссылку на чужое мнение, устанавливающие последовательность мыслей, от модальных слов отделял и С. И. Абакумов: “Вводные слова не связываются с остальным составом предложения ни по способу согласования, ни по способу управления, ни по способу примыкания и обозначают, во-первых, модальные отношения, во-вторых, ссылку на чужое мнение, в-третьих, устанавливают последовательность развития мыслей” [Абакумов 1942: 147].

Слова, выражающие различные чувства и эмоции, от модальных слов отделяет и Д. И. Ганич: “Не входят в категорию модальности и не являются средством выражения модальных значений непосредственно высказанные чувства и эмоции” [Ганич 1953б: 11].

Итак, данная “полемика” лингвистов, исследователей природы вводно-модальных слов, доказывает, что в данном вопросе споры ведутся вокруг слов со значением эмоциональных оценок содержания высказывания (типа *к счастью, к моему глубокому сожалению*); слов, указывающих на порядок изложения и способ оформления мыслей (типа *во-первых, во-вторых, значит, таким образом, стало быть* и под.). Это еще раз доказывает, что вопрос определения круга модальных слов и обозначения их среди группы вводных слов остается открытым.

Что касается нашего отношения к данной проблеме, то нам думается, что значения, которые вносят в высказывание вводные слова, семантически намного шире значений, вносимых модальными словами. Вероятно, это связано с тем, что в функции вводного элемента высказывания, кроме модальных слов и модальных частиц, могут выступать и лексически полновесные слова и выражения, например, *к моему стыду, к всеобщей радости*, и эмоциональные восклицания (*можете себе предста-*

вить, представляете), и выражения, которые говорящий использует для оформления мысли при затруднении (*как бы лучше выразиться, так сказать*), и этикетные слова (*простите, пожалуйста, извините*), и лексически полновесные глаголы в личной форме первого и второго лица единственного и множественного числа (*верите (ли), думаю, полагаю*). Понятно, что не все из перечисленных групп содержат модальные значения, хотя оттенки модальности некоторые из них могут передавать. Из перечисленных групп вводных слов и сочетаний слов к модальным словам по значениям, вносимым в высказывание, наиболее близки и, следовательно, в удмуртском языке могут быть включены в разряд модальных слов такие, которые употребляются в речи: а) для передачи логической связи частей высказывания (*озьыен* ‘значит, выходит, стало быть’, *озьы бере* ‘значит, стало быть’, *шонерзэ вераса* ‘по правде (говоря)’ и т.д.); б) слова, указывающие на порядок оформления логически последовательно идущих мыслей (*нырысетӥзэ* ‘во-первых’, *кыкетӥзэ* ‘во-вторых’); в) сочетания слов, указывающие на способ оформления мыслей (*оглом вераса* ‘короче, одним словом’, *огъя вераса* ‘в общем, одним словом (говоря)’ и т.д.). Перечисленные группы вводных слов и сочетаний слов могут быть причислены в разряд модальных слов, так как содержат в себе значения уточнения, выражения убеждения говорящего в высказываемой мысли и другие модальные значения. А что касается вводных слов, передающих значения вежливого обращения к собеседнику (этикетных слов), то нам думается, что модального значения они не передают, или это значение в них минимально: *Вождэс эн вае, мон тӥледлы люкетӥ кадь?* ‘Простите, кажется, я вам помешал?’

Вводные слова, передающие различные чувства, эмоции говорящего, также не могут быть включены в состав модальных слов, если они не выражают различную степень модальности высказывания.

Среди слов, выполняющих в предложении функцию вводных, не все обладают категориальным значением, присущим модальным словам. К примеру, вводные слова со значением эмоциональной оценки (чувства радости, удовольствия, удивления, сожаления, надежды, опасения, пожелания и т.д.) не являются модальными, поскольку не обладают категориальным значением достоверности – недостоверности,

уверенности – сомнения, утверждения – предположения: *Тожо мыным, бадһым математик!* (Нянькина: 137). ‘Тоже мне, большой математик!’ – вводное словосочетание *тожо мыным* не вносит модального значения, а служит для передачи эмоциональной оценки говорящего: пренебрежение и иронию. *Милям сю скаллэсь 89 кунян басьтһмы. Жаляса верано, со лыдпус чакламмы сярысь кжытгес луэ* (Выль даур № 3). ‘У нас от ста коров получили 89 телят. К сожалению, эта цифра меньше намеченного’ – вводное словосочетание *жаляса верано* не служит для выражения модальности, а передает чувство сожаления, недовольства.

Таким образом, термин “вводно-модальные слова”, используемый некоторыми из исследователей категории модальности, по значению не охватывает все разряды вводных слов. Поэтому в данной работе мы, помимо собственно модальных слов, рассматриваем отдельные лексемы из разных групп вводных слов, которые более тяготеют к разряду модальных слов.

В удмуртском языке модальные слова по-разному ведут себя в структуре предложения. Рассмотрим эти случаи более подробно.

1. Модальные слова выступают в позиции вводных слов.

Чаще всего модальные слова, выражая отношение говорящего к высказываемой информации в плане достоверности или недостоверности, уверенности или сомнения, утверждения или предположения и т.п., в речи выступают интонационно изолированно. Говорящий делает небольшую паузу перед модальным словом или после него. Произносятся эти слова с интонацией вводности, которая характеризуется “некоторым понижением голоса, но по сравнению с основной частью предложения более быстрым их произношением” [ГСУЯ 1970: 233]. На письме модальные слова обособляются запятыми. Однако, вследствие недостаточно полной разработанности вопроса о модальных и вводных словах и их функции в тексте, многие при письме затрудняются в обособлении вводно-модальных слов. На это же ссылается Г. В. Горбушина в статье “Текстообразующая роль вводных слов (на материале удмуртского языка)”: “Школьники испытывают определенные трудности в использовании вводных слов и сочетаний как в плане употребления их в качестве связочных средств, так и в плане выделения знаками препинания. Это, на наш взгляд, связано с

тем, что в школьных учебниках указывается разряд вводных слов, случаи выделения их знаками препинания, но не сообщается их функциональная роль в тексте” [Горбушина 2002: 129].

Функция модальных слов совпадает с функцией отдельных групп вводных слов – это “выражение отношения говорящего к высказываемой мысли, характеристика способа оформления ее” [ГСУЯ 1970: 233]: *Пкзъёсыд но котмизы, луоз* (Валишин: 59). ‘И варезки твои, должно быть, промокли’. *Пиез укыр ортчыт выре, шуо, йыр-тэмась* (Валишин: 88). ‘Сын ее чересчур вызывающе, говорят, ведет себя, проказник’.

В этих примерах модальные слова *луоз* и *шуо* выражают значение предполагаемой достоверности (в первом примере) и ссылки на чужое мнение (во втором), и являются вводными словами.

Модальные слова по смыслу могут относиться как к целому предложению или к его части, так и к отдельным словам: *Соин ик лекъяське но мар, вылды* (Перевощиков, 1: 384). ‘Поэтому, возможно, и сердится’ – модальное слово *вылды* относится ко всему предложению. *Оло, вырньоз-а, тапала-а берытскоз шуыса, соос далай сьлһзы, но уг, уг вырньылы, умме усем, шкдске* (Перевощиков, 1: 274). ‘Думая, что, может, шелохнется или в эту сторону повернется, они немного еще постояли, но нет, не двигается, по-видимому, уснул’ – модальное слово *шкдске* относится к словосочетанию (*умме усъыны* – морфологически расчлененный составной глагол по семантике равен одному слову [Тараканов 2007: 135]). *Тынад, шуом, ужаса тыбырад горыб лутскиз, герыез луткаса, киосыд сюрмизы, нош мукетыз весь улытозяз гур вылаз кыллиз* (Гаврилов, 3: 212). ‘У тебя, например, от работы на спине горб вырос, плуг поднимая, руки в мозолях, а другой всю жизнь на печи отлеживался’ – модальное слово *шуом* относится к части предложения.

2. В речи очень часто встречаются случаи двойного выражения модальности к одной мысли, что выражается использованием одновременно модального слова и модальной частицы, либо двух, а то и больше модальных слов и модальных частиц: *А-а, тини мар! Иське, зэмзэ ик кинэ ке вите, шкдске. Нош соиз лега, дыр* (Перевощиков, 1: 7). ‘А-а, вот оно что! Значит, действительно кого-то, видимо, ждет. А тот,

наверное, задерживается’. *Озыеен, редакции ваньмыз табере та сярсы тодо ни, малпаз, дыр* (Перевощиков, 1: 237). ‘Значит, в редакции все об этом уже знают, подумал, наверное’. *Соку, не, нюлэсьёсын пкртэм пкйшуръёс вал, шуръёсысь чорыгез коть кобыен омыръя, нош ю-нянь асэрказ борд кадь лужалоз, огкылын вераса, соку калыклы рай вылэм* (Гаврилов, 3: 58). ‘Мол, тогда в лесах разных зверей множество было, в реках рыбу хоть ковшом черпай, а хлеба сами собой стеной поднимались, одним словом, для людей тогда рай был’. *Тодмаз монэ, киме кырмиз: ма, не, мон сыце мкзмыт, эн, не, сюлэмшугъяськы, ачим, шуэ, янгыш* (Валишин: 106). ‘Узнала меня, за руки взяла: что, мол, я такой грустный, не беспокойся, мол, я сама, говорит, виновата’.

Употребление в одном предложении нескольких модальных слов и частиц еще более усиливает модальное значение высказывания, отношение говорящего к данной информации.

3. Особенностью функционирования модальных слов в речи является то, что в диалогах они могут употребляться в роли слов-предложений. Обычно это ответы на замечания собеседника. Употребление модальных слов в функции слова-предложения возможно лишь тогда, когда говорящему известна (знакома) предыдущая речевая ситуация. Эти ответы по интонационному оформлению соответствуют предложению, поскольку совмещают в себе значение целого предложения и при этом выражают субъективное отношение говорящего: “*Машинкаез одӥг ке но, таосты пкртэм адямиос гожтӥзы. Со ноку тазыы уз йыринты*”. – “*Кйткӧд, ява, кйткӧд, Роман Петрович. Мон но, конечно, уг оскиськы. Но...*” (Перевощиков, 1: 200). “Хотя и на одной машинке, но это разные люди напечатали. Он никогда так не поступил бы” – “Ну, не знаю, не знаю, Роман Петрович. Я тоже, конечно, не верю. Но...” “*Укыр витӥнтэм шорысь луиз. Мон ведь... та сярсы нокин уг тод, кожасько вал. Ну и... кысканы ке кӧдъязы, кинлы умой?*” – “*Валамон. Озыеен, эшӥсты уз куштэ. Оскиськоды. Нош асьтэос... юнме шорысь ас кузӥдэс снтэманы кӧдъяськоды. Кыззы озы?*” (Перевощиков, 1: 480). “Совершенно неожиданно получилось. Я ведь... думал, что про это никто не знает. Ну и...если начнут искать, кому хорошо?”

– “Понятно. Значит, друзья не бросят? Надеетесь? А сами... своего начальника ни с того ни с сего очернить надумали. Как же так?”

Чаще всего в качестве слов-предложений выступают заимствованные с русского языка модальные слова:

– *Тае, бен, отец Миколай, татцы пыртатэк нэ уз-а яра? Бадньым ини. Педло потим ке, кынмоз, поди? Ъмнырзэ нэ пылаты но вот.*

– **Пожалуй**, – *бозыртһз пыдкукыриозяз ткдьы ул дэремен поп* (Перевощиков, 1: 133).

– А его, отец Николай, обязательно ли сюда окунать? Большой ведь уже. А на улицу выйдем, замерзнет, поди? Лицо только ополосните и вот.

–Пожалуй, – пробасил поп, до пят облаченный в белую ночную рубаху.

*“Иське, нокыце тушонкаос но, горд чорыг но, колбаса но кй вал?” – “Само собой, Роман Петрович, **само собой**. Кйткд олокытысь сыцеосты шедьтэ Касаткин”* (Перевощиков, 1: 478). “Значит, никакой тушенки, красной рыбы, колбасы не было?” – “Само собой, Роман Петрович, само собой. Непонятно, откуда все это нашел Касаткин”. *“Да-а...– Собере азяз нукисезлэсь серемпыргес ке но, лякыт учкись возьыттэм синмаз чклтһськыса ини: Соку, оло, шуръёс но, нюлэсьёс но кй вал?” – “Ну, **конечно, конечно**, Роман Петрович! Туж шонер валаськоды”* (Перевощиков, 1: 478). “Да-а...– Потом, глядя на доброжелательные, но бессовестные глаза сидящего напротив, добавил: Тогда, может, не было ни речки, ни лесов?” – “Ну, конечно, конечно, Роман Петрович! Очень хорошо понимаете”.

Иногда такие модальные слова-предложения употребляются в несобственно-прямой речи для передачи размышления героя: *Оло нош, адымилэн ужаз маке умыттэм но сое ватыны тыршыса озьы выре? Юалляськыны кутскод но сюлэмзэ эишо шуггес карод. **Кин тодэ, ява, кин тодэ**. Юнме уг шуо уг: мурт сюлэм, пе, пеймыт дунне* (Перевощиков, 1: 49). ‘Может, у человека на работе не все хорошо, и он так пытается это скрыть? Начнешь расспрашивать и сердцу еще хуже сделаешь. Как знать, как знать. Не зря ведь говорят: чужая душа, мол, потёмки’.

Мы рассматривали отношение модальных слов к вводным словам и функции модальных слов в предложении. Суммируя все вышеизложенное, можем сделать вывод, что в основном модальные слова в предложении выступают в функции вводных слов и являются ключом к пониманию модальности всего высказывания или его части. В диалогической и монологической (несобственно-прямой) речи модальные слова могут выступать в функции слов-предложений. Также в речи нередко модальность одного высказывания передается посредством нескольких лексических единиц: двух-трех модальных слов либо модальных слов и модальных частиц одновременно.

2.5. Грамматические значения модальных слов

В данном разделе мы рассматриваем собственно модальные слова, составляющие ядро части речи, то есть, те слова, которые, окончательно отделившись от классов знаменательных слов, в настоящее время употребляются для передачи модального значения высказывания или показывают отношение говорящего к содержанию высказывания.

Эти отношения могут строиться исходя из собственных наблюдений говорящего: “Если говорящий сообщает о ситуации, которую он сам наблюдал, его знание квалифицируется как полное, адекватное, достоверное... В этом случае говорят о значении очевидности, или прямой засвидетельствованности действия” [Проблемы функциональной грамматики 2000: 226]. К таким в удмуртском языке относятся модальные слова *валамон*, *валамон ини*, *зэм*, *зэмзэ*, *зэмзэ но*, *зэмзэ ик*, *зэмзэ ява*, *зэмен*, *шонер*.

Говорящий может также передавать информацию, полученную иными путями: “Источником информации может быть...сообщение другого лица (пересказательность)... Пересказательность в смысловом плане близка к цитированию: хозяин информации – не говорящий, а другое лицо; информация при этом может быть полной или неполной. Цитирование – это передача чужой речи с ее различными содержательными и формальными особенностями” [Проблемы функциональной грамматики 2000: 227]. В удмуртском языке передача чужой речи осуществляется посредством модальных слов *шуо*, *верало*.

Также говорящий может строить свое сообщение, основываясь на “собственном восприятии данной ситуации”, “в результате логического вывода”, который может также “основываться на информации, почерпнутой из сообщения другого лица, ...в результате хозяином информации является сам говорящий, полностью или частично, при этом информация заведомо неполна” (Проблемы функциональной грамматики: 228). К этой группе относятся модальные слова *адске (адњиське), вылды, луоз, кожалод, шкѣске (шкѣдњське), кѣтод*.

Свое отношение к содержанию высказывания говорящий может основывать на установлении причинно-следственных связей; информация при этом также может носить предположительный характер. К таким относятся модальные слова: *кылысь, нырысетњез (кыкетњез... и т.д.), озьыен, озьы бере, шуом, шуод, ярам, яралоз*.

Мы попытаемся рассмотреть по возможности все те оттенки значений, которые вносит в предложение то или иное модальное слово.

АДСКЕ (АДЊИСЬКЕ)

Модальное слово *адске (адњиське)* в современном удмуртском языке употребляется со значением ‘видимо, видно, кажется, вероятно’ и придает высказыванию значение предположения с большей долей уверенности говорящего в том, о чем он говорит. Слово *адске (адњиське)* генетически восходит к форме третьего лица единственного числа настоящего времени глагола возвратного залога *адскыны (адњиськыны)* ‘виднеться’ – ‘виднеется, находится в поле зрения’. В настоящее время модальное слово и глагол являются функциональными омонимами. Как видно, значение модального слова совершенно отличается от значения глагола и передает лишь модальное значение – предположение. Варианты *адске* и *адњиське* идентичны: значение *адске* эквивалентно значению *адњиське*. Слово образовано от переходного глагола первого спряжения *адњыны* «видеть» посредством возвратного суффикса *-ськ-*. В удмуртском литературном языке вариантом суффикса *-ськ-* (*-иськ-*) выступает суффикс *-ск-*, например: *дышетскыны* ‘учиться’ от *дышетыны* ‘учить’, *кыши-*

катскыны ‘испугаться’ от кышкатыны ‘пугать’; сравните: куиськыны ‘заниматься ткачеством’ от куыны ‘ткать’, кылһськыны ‘слышаться’ от кылыны ‘слышать’.

Анализ различных средств выражения модальности в удмуртском языке показывает, что модальное слово *адске* (*адһиське*) в настоящее время не имеет широкого употребления. Так, в приведенных примерах, собранных из различных источников – произведений удмуртских писателей, *адһиське* в качестве модального слова было обнаружено только в одном примере: “Эх, Алексей Кириллович...*со* ведь...*валтэмлэсь вал гинэ!*” – *вазиськиз Олексан агай. Адһиське, кемалась сюлмаз нуллэм малпанъёссэ поттэ со – сюлэмыз пыжем, уг ни чида вератэк* (Красильников: 275). “Эх, Алексей Кириллович...она ведь...только на безлошадье лошады!” – воскликнул дядя Олексан. Видно, давно волновавшую его душу тему высказал он – на душе накопело, не может уже не говорить’.

А в следующем примере слово *адһиське* использовано в качестве члена предложения, но явно чувствуется его модальное значение: *Ишан татын ассэ туж эрико возе: адһиське – татчы со ӟемысь вуылэ* (Нянькина: 165). ‘Девушка-привидение здесь себя свободно чувствует: видно – сюда она частенько приходит’.

Являясь знаменательным словом, глагол *адске* (*адһиське*) в предложении используется в функции сказуемого и передает значение ‘виднеется, смотрится, выглядит, видно’: *Ныльдон арес ёрос, нош ымнырызъя туж пересь адске, йырыз но пилеш ини* (Гаврилов, 3: 41). ‘Около сорока лет, но на лицо очень старым выглядит, и голова уже лысая’. *Туж лужыт кыз борды пуллэсь выж лэсьтэмын, тубат кузя отчы лутскид ке, син шоры котыр ёрос адһиське* (Валишин: 82). ‘На очень высокой ели из досок площадка выложена, если на нее взберёшься по лестнице, вся округа глазу видна’. *Озы ке но, принцессалэсь трослы чебергес адске со* (Валишин: 83). ‘Но все же, она выглядит намного красивее принцессы’. *Тумошо адске: куд-ог писпуос чужектыса но вуллямтэ на, нош лымы усе ини* (Валишин: 87). ‘Интересно смотрится: некоторые деревья еще и не пожелтели, а снег уже идет’. *Полина Ивановналэн сотэк но пичи мугорыз тамында калык полынь уката пичи но жалъ адһиське* (Красильников: 182). ‘Маленькая фигура Полины Ивановны среди такого множества лждей еще меньше и жалостливей смотрится’.

В “Удмуртско-русском словаре” 1983 года издания слова *адзиське* и *шодске* не помечены как модальное [], а в одноимённом словаре 2008 года издания уже имеется пометка «в значении модального слова» [УРС 2008: 773].

ВАЛАМОН (ВАЛАМОН ИНИ)

Модальное слово *валамон* ‘понятно, конечно, разумеется’ является лексическим омонимом наречия *валамон* ‘понятно, доходчиво, вразумительно’. В разряд наречий слово перешло из деепричастия с суффиксом *-мон* (например: *ваньмызлы валамон вераськиз* ‘говорил так, чтоб всем было понятно’). О переходе деепричастий в разряд наречий в “Грамматике современного удмуртского языка” отмечается: “Некоторые глагольные образования на *-мон*, употребляемые без зависимых слов, особенно такие образования, которые выражают чувственное восприятие окружающей действительности, почти совсем перешли в наречия, сохраняя лишь слабый оттенок глагольного значения” [ГСУЯ 1962: 291]. Среди приведенных примеров числится и слово *валамон*.

Кроме того, данное слово может употребляться в роли причастия. Как отмечено в “Грамматике современного удмуртского языка”, “особенностью этих глагольных образований является то, что они грамматически неоднозначны: в одной и той же форме могут употребляться и в значении причастия, и в значении деепричастия” [ГСУЯ 1962: 266].

Таким образом, модальное слово *валамон* имеет три омонимических грамматических формы: причастие, деепричастие, наречие. Деепричастие и причастие *валамон* образовались посредством присоединения суффикса *-мон* к основе глагола *валаны* ‘понять, понимать, осмыслить, осмысливать, осознать, осознавать, вникнуть, вникать, познать, знать’. Как видим, значение модального слова имеет этимологическую связь со значением своего этимона. Грамматическое различие наречия, причастия и деепричастия и модального слова друг от друга можно обнаружить лишь по контексту. Модальное слово *валамон* передает оттенок убежденности говорящего в высказываемой мысли. По месту расположения в предложении модальное слово *ва-*

ламон может стоять в начале или внутри предложения, являясь вводным словом, а также может выступать в функции слова-предложения: *Сыце дыръя, **валамон**, солэн синъёсыз кымысаз тубазы но – гудыръяз ке гудыръяз, ыайылыһз ке ыайылыһз ини!* (Перевощиков, 1: 349). ‘В такое время, конечно, он закатывл глаза и – гремел так уж гремел, шумел так шумел уж!’ *Юыны яратэ бере, **валамон**, кышноез куаретыны но кутскиз* (Перевощиков, 1: 385). ‘А раз начал выпивать, разумеется, жена стала ругаться’.

Когда модальное слово стоит в начале предложения, оно может выступать в двух функциях. С одной стороны, оно может выражать подтверждение предыдущей мысли. В таком случае оно чаще выступает в функции союза: *Ма, юскиськем мылкыдын сыцеезлэсь дасо бамзэ но уд вормы – куштод. **Валамон**, али мон аслэсь-тымъёссэ уг вераськы, вылаз ик, тини, мукет кулэтэм шуг-секутъёс кылдо, лэся* (Перевощиков, 1: 197). ‘Да, без настроения у такой (книги) и десять страниц не осилишь – отложишь. Разумеется, сейчас я не говорю о своих (произведениях), к тому же, кажется, и другие ненужные препятствия возникают еще’.

С другой стороны, может выражать оценку говорящего высказываемой в данный момент мысли, выражение уверенности, убежденности в том, о чем говорится: *Повестылэн но романлэн пуштроссы сярэсь мон вакчияк гинэ косыт кылын верай. **Валамон**, сояз но, таяз но произведениосын писательлэн малпанъёсыз сётэмын озьы, сыце образъёс пыр, соосын тодматскыса, асьмеос но геройёслэн улонэнызы, сюлэмшугъяськонэнызы улһмы кадь* (Шкляев: 397). ‘О содержании повести и романа я вкратце уже говорил. Естественно, и в том, и другом произведениях мысли писателя выражены так, через такие образы, что, познакомившись с ними, мы как будто сами жили жизнью героев, их переживаниями’. ***Валамон**, сыце куноос кабинетаз туж ик матысь эш мылкыдын уг пырало* (Перевощиков, 1: 310). ‘Разумеется, подобные гости в кабинет его с дружескими чувствами не приходят’. *Олома эн вераське. Мар-о, уд шкдһське шат сое?.. **Валамон**, куфектэ, пксекъяське, радтэм секыт!* (Перевощиков, 1: 340). ‘Не говорите, что попало. Что, не знаете его разве?.. Разумеется, страдает, нервничает, очень тяжело!’

Выступая в функции слова-предложения, данное модальное слово может выражать уверенность, убеждение говорящего, его рассудочную оценку действительности, догадку и согласие: *Иське, заявленизэ Леонтий Макарович ас мылкыд каремезъя кз гожсты – Алевтина Никитична кошз! А ведь нырысь ветлыкум, та сярсыч чик кз поттылы...Валамо-он...Озыен, марысь-мар ке шуыса, ас интыез понна кышказ но, чаляк мозмытскыны тыршиз* (Перевощиков, 1: 168). ‘Значит, заявление (свое) Леонтий Макарович не по собственному желанию написал – Алевтина Никитична вынудила! А ведь в первый (мой) приезд об этом ничего не упомянула...Поня-атно...Значит, прикинув, что если что-то случится – за свое место испугалась и постаралась побыстрее (от него) избавиться’. “*Кышное вань, нылпие кккл...*” – “*Валамон, – нод-нод вераз Миша. – Али ке кккл, луоз. Нылпитэм юрт, пе, – куштһськем гурт*” (Кубашев: 12). “Жена есть, ребенка нет” – “Понятно, – серьезно ответил Миша. – Если сейчас нет, будет. Дом без детей, говорят, – заброшенная деревня”.

В диалогической речи модальное слово *валамон* в функции слова-предложения может выражать согласие:

Л е н а: Уллай мон картме...Нош кулэ вылэм...

С е м а к и н: Мар бен кулэ вылэм?

(Лена уг куареты)

Г у б а н о в: Беляева, тынэсьтыд юало.

Л е н а: Мон номыр но уг вера.

С е м а к и н: (гожъя) Валамон...(Гаврилов, 6: 180)

Л е н а: Прогнала я мужа...А надо было...

С е м а к и н: Что же надо было?

(Лена молчит)

Г у б а н о в: Беляева, тебя спрашивают.

Л е н а: Больше я ничего не скажу

С е м а к и н: (записывает) Понятно.

В диалогической речи для выражения согласия в значении модального слова *валамон* встречаются случаи употребления глагола *валасько* в форме первого лица единственного числа настоящего времени – ‘(я) понимаю’:

З о р и н: Тужгес но али калыкез дасяськом. Пыцал тһрлык люкаськом. Толэзь бырыку лютскыны малпало. Положение ушьямон кькл. Лушкемен, асьтэос тодһськыды, ужаны секыт. Вылаз ик ЧК асьмелы пумит бадһым уж нуэ.

П о р у ч и к: **Валасько**. Нош татын али но положение умойлэсь но умой (Гаврилов, 2: 280).

З о р и н: Особенно сейчас людей готовим. Оружием запасаемся. К концу месяца думают подняться Положение не из лучших. Тайком, сами знаете, работать тяжело. К тому же ЧК против нас большую работу ведет.

П о р у ч и к: Понимаю. Ну, а здесь положение лучше лучшего.

З о р и н: Адһиськод-а? Отын пуко асьмелэн эшһёсмы? Ог вить-куать асьме адьямисты басьты но мын. Соосты, отысь поттыса, ыбыны нуэмь-яськыды...Охранаез куара-лангатэк быдтэ.

П о т а п о в: **Валасько!** (Гаврилов, 2: 282)

З о р и н: Видишь ли? Там сидят наши друзья. Возьми наших человек пять-шесть и иди. Выпустив их оттуда, ведите как будто на расстрел. Охрану без шума уберите.

П о т а п о в: Понимаю!

Модальное слово *валамон* в речи может сопровождаться с частицей *ини* ‘уж, уже’, которая усиливает выражение уверенности: *Мар юнме дыр быдтыса юалляськонэз? Верамез уг поты бере, медаз вера. Валамон ини, уин лушкемен һеч муртһёс уг ветло* (Леонтьев: 62). ‘Что его расспрашивать – время зря терять? Коли не хочет говорить, пусть не говорит. Понятно уж, ночью тайком добрые люди не ходят’. **Валамон ини**, ванһмыз гожъяме аслым но, мукетһёсызлы но кельшымон уггес пкрмы на (Валишин: 3). ‘Разумеется, все мною написанное еще не получается таким, чтобы и мне самому, и другим понравилось’.

Для сравнения приведем примеры, где слово *валамон* является членом предложения: *Кькл, кькл, олома умойтэм эн малпалэ – соиз так но кемалась тодмо: “нырысетһ премиен, конечно, ванһмыз валамон”* (Перевощиков, 1: 351). ‘Нет, нет, ни-

чего плохого не подумайте – это и так давно известно: “с первой премией, конечно, все понятно” (*валамон* – причастие, в предложении выступает в функции сказуемого). “*Оген будһсь ниспуэз ткл погыртэ*” *пословицалэн меңак валанэз, яке конкретной содержаниез, нырысь учкыса ик валамон* (Яшин: 42). ‘Прямой смысл, или конкретное содержание, пословицы “Одинокое стоящее дерево ветер валит” понятно уже с первого раза’ (*валамон* – причастие, в предложении сказуемое).

Выступая в функции наречия, слово *валамон* может употребляться в сравнительной степени: *Озы автор произведениезлэсь содержаниезэ но валамонгес гождэ, кылзэ но лэчытгес каре* (Яшин: 44). ‘Так автор и содержание произведения понятнее пишет, и язык острее делает’.

Таким образом, функции модального слова и исходного знаменательного слова в предложении совершенно отличаются.

Знаменательное слово *валамон* в качестве модального слова, возможно, стало употребляться в более поздние сроки развития литературного языка. Эта гипотеза связана с тем, что в фольклорных текстах (“Образцы удмуртской речи” [Кельмаков 1981], текстах Б.Мункачи [1952], удмуртских народных сказках), использованных в качестве иллюстративного материала, слово *валамон* в функции модального слова не обнаружено. Не указывается оно и в “Удмуртско-русском словаре” [1983]. Правда, в “Русско-удмуртском словаре” [1956] в словарных статьях к словам *понятно* (с. 768) и *разумеется* (с. 914) один из переводов *валамон* дается с пометкой “в значении вводного слова”.

ВЫЛДЫ

Модальное слово *вылды* ‘может быть, вероятно, по-видимому, наверно’ служит для выражения вероятности, предполагаемой достоверности, предположения, предполагаемой возможности, предполагаемой достоверности, для рассудочного умозаключения, вывода с долей предположения и в какой-то мере уверенности. В настоящее время в лексике удмуртского языка нет соответствующего знаменательного слова, от которого данное модальное слово произошло.

По образованию это сложное слово. По мнению И. В. Тараканова, *вылды* образовалось из сочетания *вал дыр* ‘наверно было’: “Переход *a* в позиции первого слога в *ы* закономерен, ср., *вал – вылэм, бадньым – быдньым*. Конечный *-р*, оказавшись в абсолютном конце слова, очевидно, отпал, как это произошло в слове *ма* из *мар* ‘что’” [ГСУЯ 1962: 366].

Возможно также, что модальное слово *вылды* образовалось из сочетания формы неочевидного прошедшего времени *вылэм* ‘было, оказывается’ с постпозитивной модальной частицей *дыр* ‘наверно, вероятно, по-видимому, должно быть, пожалуй’ – *вылэм дыр* – букв. ‘было, оказывается, наверно’. Затем сочетание упростилось по типу русского разговорного *можбыть* от *может быть* [Гвоздев 1973: 410] и преобразовалось в стяженную форму *вылды*.

Среди ученых, занимающихся изучением удмуртского языка, нет четкой позиции по отношению к слову *вылды* в том плане, считать ли его модальным словом или же частицей. В “Грамматике современного удмуртского языка” *вылды* рассматривается в разделе модальных слов [ГСУЯ 1962: 366]. Е. К. Майтинская слово *вылды*, наряду со словами других финно-угорских языков (мокш. *улема* ‘вероятно, пожалуй’, мар. *очыни* ‘вероятно’, коми *бурако* ‘наверно, видимо’, *дерт* ‘конечно’, *конко* ‘вероятно, наверно’) [Майтинская 1982: 118] рассматривает как частицы. В “Удмуртско-русском словаре” 1983 года слово *вылды* дается с пометкой “вводное слово” [1983: 101], но в издании 2008 года в “Удмуртско-русском словаре” данное слово даётся уже с пометкой “модальное слово” [УРС 2008: 150]. Одним из ранних упоминаний модального значения слова *вылды* находим в словаре Ю. Вихмана “Wotjakischer Wortschatz”: *inmarli vildi oz kule G (I 111) gewiss will Gott es so haben!* [Wichmann 1987: 320].

Данное модальное слово имеет широкий спектр употребления как в разговорной, так и в книжно-письменной речи, куда оно проникло из разговорной речи; в разговорной речи преимущественно встречается в речи носителей северного диалекта, о чем свидетельствует анализ произведений художественной литературы, авторы которых – представители северного и южного диалектов. Так, в романе Г. К. Перевощикова “Йквалег” (северное наречие) девяносто шесть случаев использова-

ния слова *вылды*, тогда как в романе И. Г. Гаврилова “Вордһськем пальёсын” (южное наречие) всего в четырех предложениях встречается рассматриваемое слово. В книге “Образцы разговорной речи. Северное наречие и срединные говоры” [Кельмаков 1981] в части “Северное наречие” обнаружено девять примеров в разных текстах, а в разделе “Срединные говоры” слово *вылды* встречается только в одном примере. В словаре Т. Борисова “Удмурт кыллюкам” слово *вылды* дается с пометкой “св., ср.”, то есть, “северное наречие”, “срединное наречие” [Борисов 1932: 70]. В словаре Бернада Мункачи слово *вылды* даётся с пометкой (Sar. Mal.) [Munkácsi 1896: 665].

Слово *вылды* передает различные оттенки значения модальности:

1. Предположение, предполагаемую достоверность, уверенное предположение, рассуждение: *луксы кэ кыл'э, луксэс но кис'то, вылды, оччы ик* (Образцы удмуртской речи: 87). ‘Если (у них) каша остается, и ее, наверно, вываливают туда же’. *Со-ослэн виссы но ог дас вить арес луоз, вылды* (Валишин: 74). ‘Разница в возрасте у них, должно быть, лет пятнадцать будет’. *Кема ик кылле, вылды: тушез согы кадь цогыр-цогыр луэм ини* (Валишин: 63). ‘Долго уже лежит, видно: борода, как щетка, жесткая уже стала’. *Но романэз гожтон вакытэ та удысын официальной идеология берланьгес вамыш лэсьтӱз вал ини. Соин, вылды, романын но та гурлэн куараез кызьы ке лушкеменгес сётэмын* (Ванюшев: 395). ‘Но когда он писал роман, официальная идеология сделала уже шаг назад в этой области. Поэтому, возможно, и в романе этот мотив звучит неотчетливо’. *Вазен удъёс шуллям, вылды, бадӟымесь шуръёслэн (Ваткалэн, Камлэн, Тодьы Камлэн) улыг Интыосазы улӝсьёсты* [Тараканов 1992: 5]. ‘В былые времена удами, скорее всего, называли жителей низовий больших рек (Вятки, Камы, Белой Камы)’.

2. Убеждение, вывод на основе рассуждения: *Автор озьы гожтэм бере, озьы кулэ, вылды* (Гаврилов, 3: 81). ‘Коль автор так написал, так и должно быть, значит’. *Ма бен верано на: Женя кошкиз кузпалэз доры, Логинов больницаысь потӱз ни – веросмы пуме точка но пуктыны луоз, вылды* (Валишин: 70). ‘Что же добавить еще: Женя уехала к мужу, Логинов уже выписался из больницы – можно, наверно, и точку ставить в конце (нашего) рассказа’.

3. Рассуждение про себя: “Шутэтском шат, пуклёке? – адыми шоры музэн, пуклёклы шуэ Дангыр. – Шутэтском но, малпаськом но, **вылды**, кырһалом но” (Кедра Митрей: 49). “Отдохнем, что ли, пенёчек? – обращаясь к пню, как к человеку, говорит Дангыр. – И отдохнем, и подумаем, наверно, и споём”

4. Удивление: *т'ат'амы оло кыз'ы, **вылды**, кз да·ллашы* (Кельмаков 1981: 87). ‘И как-то отец (наш) не стал ругаться’. *Кйткд, олокызыы гинэ, **вылды**, дораз вуиз – оло, лобһыса бертһз* (Перевошиков, 1: 134). ‘Непонятно, как он дома оказался – как будто прилетел’.

Модальному слову *вылды* по значению синонимичны модальные частицы *дыр* ‘наверно, вероятно, по-видимому, должно быть, пожалуй’ и *лэся* ‘вероятно, наверно, по-видимому’. Рассмотрим примеры: *Вань ужспум со бордын, **дыр**: вырһытһз-а, чепыльтһз-а со тынэсьтыд сюлэмдэ* (Перевошиков, 1: 15). ‘Все дело, пожалуй, в том: всколыхнул ли, прищемил ли он твое сердце’. *Оло, тон кд куты, Сережа? Синмыд пкртмаськиз, **дыр*** (Гаврилов, 3: 302). ‘Может, ты не поймал, Сережа? Не так увидел, наверно’. *Тодытэк уд улһськы, **дыр**, Катялэсь сямзэ: шаян ныл* (Гаврилов, 3: 17). ‘Знаешь ведь, должно быть, поведение Кати: распущенная девушка’. *Глаша ас понназ мур-мур лулскиз: шудо адымиос доры яратон ачиз лыктэ, нош Глашалэн аслаз шудэз палэнтигес кожыса кошкем, лэся* (Красильников: 25). ‘Глаша про себя глубоко вздохнула: к счастливым людям любовь сама приходит, а вот Глашино счастье ушло, видимо, стороной’. *Глаша ачиз но со интыын мкзмысал, **дыр**. Татияз Фаина Ивановна дышиз, лэся, уг ни бкрдылы, мылкыдыз канһыл, кутскыса-кутскыса ас понназ кырһаса ветлэ* (Красильников: 25). ‘На её месте Глаша и сама скучала бы, наверно. Теперь Фаина Ивановна привыкла, кажется, не плачет уже, настроение приподнятое, временами про себя песенки напевает’.

ЗЭМ (ЗЭМ НО, ЗЭМ ИК, ЗЭМЗЭ, ЗЭМЗЭ НО, ЗЭМЗЭ ИК, ЗЭМЗЭ ЯВА, ЗЭМЕН ИК)

Модальное слово *зэм* ‘правда, действительно, верно’ довольно широко употребляется в речи. С помощью данного слова говорящий выражает подтверждение того, о чем он говорит, соответствует ли данное высказывание действительности, а

также выражает свою уверенность в истинности своего высказывания: *Зэм, куректонэз быдэсак Педчаен Ондрей вылэ усиз* (Гаврилов, 3: 37). ‘Действительно, все горе легло на плечи Федосьи и Андрея’. *Зэм, Сергей, мон льоген куло...* (Гаврилов, 3: 242). ‘Верно, Сергей, я скоро умру...’ *Зэм, аслэсьтым малпанме кй ваты, мукет школаын, оло, зэмзэ ик умой луоз, шуи* (Перевощиков, 1: 169). ‘Действительно, свои мысли не скрывала, в другой школе, может быть, и правда будет лучше, сказала’. *Зэм, вунэтһз эмир купец сярысь, сое отьыны косэмзэ но* (Леонтьев: 22). ‘Действительно, забыл эмир о купце и о приказе пригласить его’. *Зэм, зэм, Евгений Петрович – туж паймымон адыми* (Нянькина: 88). ‘Правда, правда, Евгений Петрович – довольно удивительный человек’.

Кроме указанных значений, модальное слово *зэм* в значение утверждения истинности высказывания привносит оттенок допущения и уступки; в этом случае модальное слово частично выступает в функции союза и связывает два отдельных предложения: *Сергейлэсь шедьтэм пиез тани чырткем будэ! Зэм, со сярысь нокин но уг тоды, Вара ачиз но нырысь кз вала* (Гаврилов, 3: 497). ‘Сын от Сергея вон каким крепким растет! Правда, об этом никто не знает, Варя и сама вначале не поняла’. *Ваньзэс одһг мертэтэн мертаны уг яра. Тросэз мкйы писательёсмы мылыськыдысь ужало. Зэм, кудһзлэн сюлмазы али ке но мелкобуржуазной сямьёссы вань* (Гаврилов, 3: 370). ‘Всех одной меркой мерять нельзя. Большинство писателей старшего поколения работают с удовольствием. Правда, некоторые и сейчас имеют мелкобуржуазные настроения’. *Врачъёс но татын лякытэсь, Глашалы соос ваньзы умой потто. Зэм, кудһз-огез ужасъёс главной врачез «секыт адыми» шуо, характерез, пе, укыр пырыськисьтэм* (Красильников: 24). ‘И врачи здесь вежливые. Глаше все они нравятся. Правда, кое-кто из работников главного врача считает «тяжелым человеком», характер, мол, несговорчивый совсем’.

Как видно из приведенных примеров, модальное слово *зэм* преимущественно употребляется в начале предложения.

В удмуртском языке знаменательное слово *зэм* может употребляться в качестве имени существительного, имени прилагательного и наречия. Когда данное слово является знаменательным, то оно в структуре предложения интонационно не выделя-

ется и выполняет функцию члена предложения: *Квкл, квкл, со зэм квкл* (Гаврилов, 3: 15). ‘Нет, нет, это не правда’ (зэм – имя существительное, в предложении сказуемое). *Катя нырысь кз оскылы, нош борысь Васялэн котькуд кылыз зэм потыны кдъяз* (Гаврилов, 3: 11). ‘Катя вначале не верила, но потом каждое Васино слово стало казаться правдивым’ (зэм – имя прилагательное, в предложении является частью именного составного сказуемого со значением определения). *Зэм верамын* (Гаврилов, 1: 194). ‘Верно сказано’ (зэм – наречие, в предложении обстоятельство). *Зэм гурезъёсты но берыктоз* (Удмуртский фольклор: 93). ‘Правда и горы свернет’ (зэм – имя существительное, в предложении подлежащее).

Данное модальное слово этимологически восходит к имени существительному зэм ‘правда, истина’. В пользу этого суждения указывает то, что в речи модальное слово зэм часто употребляется в застывших падежных формах с союзами и частицами *но, ик, ява*: *зэмен ик, зэмзэ ик, зэмзэ ява*. Но в разряд модальных слов данная лексическая единица перешла из категории наречия.

Модальное слово зэм – явление общенародное и употребляется во всех стилях речи. В южных диалектах данному слову с этими же значениями модального и знаменательного слова встречается слово *чын*: *Цошен сылэмзэс адъяллям. Чын меда, квкл меда?* (Чернов: 30). ‘Видели их стоящими вместе. Правда ли это, нет ли?’ (*чын* – имя существительное, в предложении выполняет функцию подлежащего). «Тон *чынзэ* но какалмемед, лэся, - соку ик зһбломиз Иви.– Оло нош, чер йктһз-а?» (Чернов: 87). ‘Ты, кажется, и вправду обессилел, – тут же успокоился Иван. – Может, заболел?’ (*чынзэ* – наречие, в предложении выполняет функцию обстоятельства).

По происхождению слово *чын* – тюркское заимствование, поэтому преимущественно употребляется в разговорной речи “южных, некоторых срединных говоров” [Тараканов 1981: 89; 1992: 71]. Модальное слово *чын* имеется также и в марийском языке: в знаменательных словах *чын, чынак* ‘действительно, правда, верно’. Этот же корень в словах, выражающих сомнение, предположение и перешедших в разряд модальных слов: *очыни* ‘возможно, вероятно, наверно, видимо, по-видимому’ [Русско-марийский словарь 1991]. В описании модальных слов в марийском языке О.В. Анисимова приводит слова категорической достоверности *чын* ‘правда, действи-

тельно, верно, на самом деле’, *чынак* ‘правда, в самом деле, действительно’, *чынжым* ‘вправду, действительно’, *чынжымак* ‘вправду, на самом деле, в действительности’ и слово гипотетической достоверности *очыни* ‘возможно, может быть, видимо, наверное’ [Анисимова 2007: 11, 12]. Очевидно, что модальные слова *чын* в удмуртском языке и *чын*, *чынак*, *чынжым*, *чынжымак*, *очыни* в марийском языке по происхождению восходят к татарскому языку, с носителями которого удмурты и марийцы являются соседями.

Модальное слово *зэм* может быть выражено и в сочетании с частицами *но* ‘и’, *ик* ‘и, же’, которые усиливают модальное значение истинности, достоверности высказывания фактам действительности. *Зэм но* и *зэм ик* имеют идентичные значения ‘и правда, и вправду’: *Кабинет азе дугдыса, со шуак малпаз: зэм ик, мар бен умойтэмез, соосын цош Воложкае мынӱ ке?* (Гаврилов, 3: 297). ‘Остановившись перед дверями кабинета, он вдруг подумал: и правда, что в том плохого, если с ними вместе (я) пойду на Воложку?’ *Зэм ик, Сергей, солы маке вератэк уз луы, дыр, ук, нош ик вожалоз* (Гаврилов, 3: 347). “И правда, Сергей, ему придется ведь, наверно, что-то сказать, не то опять приревнует”. *Зэм но, возьмамез юнме кӱз луы – Огай лыктӱз* (Валишин: 60). ‘И верно, не зря ждала – Огай пришла’.

В отдельных случаях к модальному слову *зэм но* присоединяется частица *ук* ‘ведь, же’. В данном сочетании *зэм но ук* ‘а верно же’, ‘и правда ведь’, ‘действительно же’ передается внезапная догадка говорящего, его убежденность в правоте: *Зэм но ук, солэн ке тодаз но кӱй вал ни* (Перевощиков, 1: 291). “А ведь действительно, а у него даже и в мыслях не было”

Модальное слово *зэм* может быть употреблено и в форме *зэмзэ* ‘вправду, действительно, в самом деле, верно’, выраженной винительным падежом: *Оло нош, Костя, зэмзэ, яратоз но, котькинлэсь шудо луозы соос?* (Перевощиков, 1: 456). ‘Может, Костя, и вправду, полюбит, и счастливее всех будут они?’ *Сотэк тон, зэмзэ, уд быгатӱськы уго: тужгес секытсэ весь ас вылад басьтӱськод* (Перевощиков, 1: 336). ‘Без этого ты, и впрямь, не можешь: самое трудное все время на себя берешь’.

Модальное слово *зэмзэ* параллельно может выступать в роли знаменательного слова и до сих пор не оторвалось от своего первоначального этимона. Для сравнения приведем примеры, где слово *зэмзэ* знаменательное: *Эн пкя, Сергей, зэмзэ вера* (Гаврилов, 3: 84). ‘Не обманывай, Сергей, правду говори’ (*зэмзэ* – существительное, в предложении дополнение). *Ваньмызлы эн оскы, ваньмызлы зэмзэ эн вера* (УФ: 94). ‘Всем не верь, всем правду не говори’ (там же).

Кроме того, существительное *зэмзэ* может быть выражено в сочетании с частицами *но* ‘и’, *ик* ‘же, и’, *ке* ‘если’, *ява* ‘ведь, же’ и передавать модальные значения: *зэмзэ но* ‘и вправду, и впрямь, и в самом деле, и действительно’, *зэмзэ ик* ‘и вправду, и впрямь, и в самом деле, действительно же’, *зэмзэ ке* ‘если вправду, если по правде, если правду (говорить)’, *зэмзэ ява* ‘и правда ведь, и вправду, и ведь действительно же’.

Употребляясь в сочетании с частицами *но* и *ик*, модальные слова *зэмзэ но* и *зэмзэ ик* усиливают значение истинности, достоверности высказывания; при этом частицы *но* и *ик* усиливают модальное значение уверенности, убежденности говорящего в истинности высказывания: *Балетмейстер кз пкя: арня ортчыса, Свердловскысь, зэмзэ но, гожтэт вуиз* (Гаврилов, 3: 496). ‘Балетмейстер не обманул: через неделю из Свердловска, и в самом деле, письмо пришло’. *Зэмзэ но, малы асьмелы куинь комнатаен квартира?* (Гаврилова, 3: 528). ‘И правда, на что нам трехкомнатная квартира?’ *Сокузэ тодаз вайыса, Афанасьев секытэн лулскиз: «Зэмзэ но, оло, воксё уйльомылһ. Конечно, ачим виноват, мар-о кин ке вылэ погыльтонэз?»* (Перевощиков, 1: 106). ‘Вспоминая о прошлом, Афанасьев тяжело вздохнул: “И верно, может, растерялся совсем. Конечно, сам виноват, чего уж на кого-то сваливать?” Я бен соку, зэмзэ ик, туж усто (Перевощиков, 1: 393). ‘Ну что же, и вправду, очень хорошо’. *Костя берло вакыт, зэмзэ ик, сыце мылкыдын улһз* (Перевощиков, 1: 398). ‘В последнее время Костя, действительно, жил с таким настроением’.

Для сравнения приведем примеры, где рассматриваемое слово выступает в прямом значении знаменательного слова: *Зэмзэ но, зэмтээ но Вара оскымон вераны быгатэ* (Гаврилов, 3: 501). ‘И правду, и неправду Варя убедительно может преподнести’. *Собере?.. Сыл ай, сыл...зэмзэ ик кжыт оииськиллям... Ма нёшто со?!*

(Перевощиков, 1: 198). ‘Потом?.. Стой-ка, стой... А ведь действительно немного ви-сят... Да неужто он?!’

Модальное слово в сочетании с частицей *ке* – *зэмзэ ке*, кроме усиления значе-ния уверенности, придает высказыванию еще и оттенок уточнения: *Зэмзэ ке, мыл-кыд но ќвкл, мон... кылзыны яратһсько* (Перевощиков, 1: 306), ‘По правде, и настро-ения нет, я... я слушать люблю’. *Так вот: зэмзэ ке, номыр сыцеез кй вал. Кй вал* (Перевощиков, 1: 477), ‘Так вот: если по правде, ничего такого не было. Не было’.

Употребляясь в сочетании с частицей *ява* – *зэмзэ ява*, придает высказыванию значение допущения: *Чылкак шомем Роман Петрович ма карыны ёрмыса («эке, зэмзэ ява, кулоз!») усьтыр-табыр магазинэ!* (Перевощиков, 1: 12). ‘Вовсе расте-рявшийся Роман Петрович, не зная, что и предпринять («эхе, и в самом деле ведь умрет!»), со всех ног – в магазин!’.

Модальное слово *зэм* может быть употреблено в форме творительного падежа имени существительного – *зэмен* ‘правдой’. Данное модальное слово в сочетании с усилительной частицей *ик* – *зэмен ик* (букв. «с правдой же») ‘и правда, действи-тельно, и вправду’ – выражает утверждение говорящего, его уверенность в истинности, достоверности высказывания : *Василий Назарович копак ыштһськиз: ма, мар-о та луэ, оло ке сое, сыце кадырлы муртэ, зэмен ик, лёгаса кельто ни-а?* (Перевощиков, 1: 353). ‘Василий Назарович совсем растерялся: да что же такое происходит, или же его, такого уважаемого человека, и вправду, растаптывают уже?’. *Кин тодэ, куд-ог замечаниосы, мылкыд каронъёсы, оло, зэмен ик, отчитгес луизы* (Перевощиков, 1: 357). ‘Как знать, некоторые (мои) замечания, пожелания, может, и впрямь, были чрезмерными’.

Модальные слова *зэмзэ* и *зэмен*, употребляясь в предложении в качестве знаме-нательного слова, могут выполнять те или иные синтаксические функции, являясь тем или иным членом предложения: *Касаткинъёслэн улон-вылонзы зэмзэ озьы радъяськыса кошкиз ке, егит семьялэн та адһонэз зэмен ик мумызы бордысь потэм кадь* (Перевощиков, 1: 462). ‘Если жизнь Касаткиных и вправду так наладит-ся, судьба молодых людей как будто действительно от матери зависела’ (*зэмзэ* и *зэмен* в предложении обстоятельства, выраженные наречием).

Завершая анализ модального слова *зэм* и производных от него других модальных слов с частицами, необходимо заметить, что в вопросе о соотносительности модальных слов этой группы с существительным или наречием нет однозначного подхода, поскольку грамматическое значение модального слова обусловлено лексическим значением либо имени существительного, либо наречия. Об этом свидетельствуют приведенные ниже примеры, где слова с корневым элементом *зэм* в одних случаях являются существительным, в других – наречием. В “Русско-удмуртском словаре” тоже указаны модальные значения существительного *правда* и наречия *действительно*: “действительно в знач. ввод. сл. и утверждает. частицы *зэм* *ик*, *зэмзэ* *но* (*ик*)” [РУС 1956: 203]; “*правда* в знач. ввод. сл. (действительно) *зэмзэ* (*зэм*, *зэмен* *ик*)” [РУС 1956: 792]. В словаре Т. К. Борисова значение слова *зэм* дается только как наречие: «*зэм* св., ср., чын юж, тат. – правильно, верно, истинно» [Борисов 1932: 109]. В “Удмуртско-русском словаре” 1983 года издания слова *зэм*, *зэмзэ* даны без какой-либо пометки [УРС 1983: 158].

КОЖАЛОД

Модальное слово *кожалод* ‘кажется, как будто’ (букв. «предположишь, подумаешь, представишь») выражает предположение, сравнение, не совсем полную уверенность. В предложении чаще всего является вводным словом. По происхождению восходит к глаголу *кожаны* ‘думать, представить, представлять, полагать, предполагать, предположить’, выраженному в форме изъявительного наклонения второго лица единственного числа будущего времени. Данное модальное слово почти дифференцировалось от этимона, поскольку форма *кожалод* в роли предиката употребляется крайне редко. Однако ни в одном из словарей и грамматик [Сочинения... 1775, З. Кротов 1785, М. Могилин 1786, Т. Борисов 1932, “Русско-удмуртский словарь” 1956, “Удмуртско-русский словарь” 1983, “Удмуртско-русский, русско-удмуртский словарь” 1995, “Удмурт кылын шонер гожъяськонъя кыллюкам” 2002] форма *кожалод* не зафиксирована. В “Грамматике современного удмуртского языка” [1962, 1970, 1974] ни в разделе “Модальные слова”, ни в разделе “Вводные сло-

ва”, “Безличные глаголы”, “Бессоюзные сложные предложения” также слово *кожалод* не рассматривается.

Возможно, это связано с тем, что лексическое значение исходного глагола *кожаны* уже по своей сути выражает модальное значение предположения. Личные формы глагола *кожаны* чаще встречаются в гипотактических конструкциях (об этом мы писали выше) и обозначают предположение действия, процесса, состояния, выраженного другим глаголом: *Яратћ ке но, солэсь палэнсконо кожай* (Нянькина: 179). ‘Хотя и полюбила, но подумала, что от нее надо избавиться’.

В этом примере глагол *кожай* ‘(я) подумала’ действительно обозначает действие первого лица – предположение говорящего.

Что касается слова *кожалод*, то оно уже не употребляется применительно ко второму лицу, а имеет отвлеченное, обобщенное значение: говорящий чаще выражает свое предположение, но формой отвлеченного второго лица: *Та кышномурт кошкем бере, цыпет кырыськиз, кожалод: ву цашетэм сямен, ваньмыз вераськыны кутскизы* (Валишин: 64). ‘После того, как ушла эта женщина, будто плотину прорвало: подобно шумящему потоку воды, все стали разговаривать’. *Но со кыце ке лултэм, кезьыт – усто скульптор сое возпыр йклэсь лэсьтэм, кожалод* (Валишин: 83). ‘Но она какая-то неживая, холодная – кажется, будто хороший скульптор изваял ее из зеленоватого льда’. *Вот ведь, зэмзэ ик адями эшезлэн творчествоез, поэзиез узырмытон сярэсь сюлмаське, кожалод* (Перевощиков, 1: 216). ‘Вот ведь, подумаешь, будто человек о творчестве друга, об обогащении его поэзии беспокоится’. *Кабзэ ньеч адямиос быриллям ни, кожалод* (Перевощиков, 1: 222). ‘Кажется, будто перевелись уже добрые люди’. *Мукет ужасьёс ваньзы кошкемын ини, быдэс корпусын шыпыт, нокинэз кэккл кожалод* (Красильников: 24). ‘Остальные работники все уже ушли, во всем корпусе тихо, кажется, будто никого нет’. *пар уг по-ты, сийамын ик кожалод* (Кельмаков 1981: 86). ‘Пар не поднимается, подумаешь, будто остыл’.

В следующих предложениях (как и в двух последних) слово *кожалод* не обособлено, поскольку по контексту видно, что оно совмещает в себе значение и глагола-сказуемого, и модального слова: *Шур дуре, пе, ваське вал но шурын гумыосын олокызьы но чипсыса, шуласа шудэ, тылобурдоос ик кожалод* (КМ: 148).

‘К реке, мол, спускается и стебельками трав по-разному насвистывает, наигрывает, кажется, будто птицы’. *Дуннеын ортчись ужпумъёс сярысь вераськыны кутско ке, Эльвираез дышетскись кожалод, нош картсэ кыце ке газетсь комментатор* (Валишин: 18). ‘Когда начинают разговор о международных событиях, Эльвиру ученицей представишь, а мужа комментатором какой-то газеты’.

Но и в подобных примерах явно выражено отвлеченное значение второго лица – в предложениях и по контексту нет присутствия второго лица или обращения ко второму лицу.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что слово *кожалод* в настоящее время больше тяготеет к категории модальных слов, но процесс перехода, по-видимому, еще не завершился.

Слово *кожаны* общепермское. В коми языке корень *кеж-* (*kez-*) имеет значение ‘ждать, ожидать, надеяться’. Авторы “Краткого этимологического словаря коми языка” считают, что «...значения «ожидать, полагать, надеяться, думать» близки друг к другу. – Общеп. **kez-* ‘полагать, думать, верить’ [КЭСКЯ, 1970: 120].

В удмуртском языке глагол *кожаны* имеет два совершенно разных омонима. Одно из значений – ‘сворачивать, завернуть по пути куда-то’. В “Удмуртско-русском словаре” эти слова даются отдельными словарными статьями [УРС 1983: 203]. Модальное значение развилось только у одного значения – ‘думать, представлять, полагать, предполагать’.

КЫЛСЯРЫСЬ

Слово *кылсярысь* ‘например, к примеру, к слову, кстати’ нельзя полностью отнести к модальным словам. Пожалуй, это слово занимает промежуточное положение между частицей, союзом и модальным словом. В. В. Виноградов подобные слова (например, то есть, именно, так) определял как промежуточные между союзами и модальными словами: “Эти модальные слова по своей функции близки к союзам. Модальные слова этого типа выражают не соотношение связываемых синтаксических единиц, а обозначают разные виды логического или экспрессивного отношения последующей мысли к предшествующему сообщению. Они не вызываются самим

этим сообщением. Они характеризуют субъективную манеру перехода от одной мысли к другой или присоединения одной мысли к другой” [Виноградов 1947: 739]. Конечно, определенная степень модальности заключается в этом слове – подтверждение предыдущей мысли примерами, выделение какого-либо примера, слова, подтверждающего мысль.

По образованию это сложное слово. Состоит из сращения двух слов: существительного *кыл* ‘слово’ и послелога *сярысь* ‘о, об’; *кылсярысь* букв.: ‘о слове’. Данное слово не имеет омонима среди знаменательных слов. Его место в предложении – обычно в середине или конце высказывания: *Нош чыры-пыры правилоос пиналлэсь йырзэ гинэ сурало кадь потэ мыным. Тани, **кылсярысь**, одӥгез гинэ соос пкӧлысь: юшатон оборотъёс, сказуемой интыын луыкузы, обособиться уг карисько* (ВК: 62). “А разные примечания к правилам, мне кажется, только путают ребят. Вот, к примеру, одно из них: сравнительные обороты, употребленные в роли сказуемого, не обособляются”. *Озьы ке но, одӥг национальной литература но будыны уг быгаты, огласянь, отын кылдэм традициосты чаклатэк но, мукет ласянь, со традициосты ялан вьльдытэк, узырмытытэк. Геннадий Красильниковлэн гожъямъёсысь тыз, **кылсярысь**, адӧныськом Григорий Медведевлэн трилогияз кутскем ужез азинтэмзэ* (Ванюшев: 392). “Но все же ни одна национальная литература не может развиваться, с одной стороны, не соблюдая сложившихся в ней традиций, и, с другой стороны, постоянно не обновляя и не обогащая эти традиции. В произведениях Геннадия Красильникова, например, видим развитие проблем, поднятых в трилогии Григория Медведева”.

Иногда слово может стоять в начале предложения, но это скорее из-за индивидуальной манеры говорящего разделять высказывание на отдельные синтагмы: *Котькуд нылпи садын вань удмурт калыклэн улэм-вылэмезлы сӥзем сӥрег. **Кылсярысь**, Ильинск черко гуртын усътӥськиз нимысьтыз музей, кытын бадӧым саклык висъяське сям-йылолъёслы* (ВК № 1 – 2, 2001, 5). “В каждом детском саду есть уголок, посвященный жизни удмуртского народа. Например, в селе Ильинском открылся специальный музей, в котором большое внимание уделено ритуалам и обрядам”. Особенностью употребления слова *кылсярысь* является и то, что оно не может

выступать в функции слова-предложения, поскольку всегда служит для выделения, подчеркивания какого-либо слова, к которому примыкает. Слово *кылсярысь* употребляется во всех стилях речи, но особенно часто употребляется в научном, деловом стилях.

ЛУОЗ

Модальное слово *луоз* “наверно, может быть, вероятно, возможно, скорее всего, очевидно” выражает обоснованное предположение, предположение с большей степенью уверенности. По происхождению восходит к глаголу *луыны* ‘быть’ в форме третьего лица единственного числа будущего времени *луоз* ‘будет’, который в предложении выступает в роли сказуемого: *Орина, картэзлэн анаез, книжкаысьтыз басьтыса сётыны турттэ вал но, Катъырна ачиз ик алһз: басьтһд ке, уксеэдлэсь бадһым вераськон луоз* (Валишин: 90). ‘Орина, мать мужа, хотела снять с книжки и отдать, но Катерина сама же и отговорила: если снимешь, разговоров больше будет, чем денег’.

Модальное слово *луоз* в предложении интонационно выделяется, выступает в функции вводного слова, на письме обособляется. В предложении обычно занимает место в конце высказывания и, реже, в середине высказывания. В начале предложения модальное слово *луоз* не употребляется: *Кытчы ке мынһзы, луоз* (Гаврилов, 3: 15). ‘Вероятно, куда-то ушли’. *Лушкемак ординаторской пала учкиз: отысь номыр уг кылһськы, Фаина Ивановна шутэтскыны выдэм, луоз* (Красильников: 25). ‘Украдкой посмотрела в сторону ординаторской: оттуда ни звука не слышно, видимо, Фаина Ивановна отдохнуть прилегла’. *Толон уйшорозь валесаз книгаен пукиз, луоз* (Красильников: 7). ‘Скорее всего, вчера в постели с книгой до полуночи просидела’. *Созэ асьтэос но шкдһды ни, луоз* (Перевощиков, 1: 116). ‘Это и сами (вы) почувствовали уже, наверно’. *Овчинников сое кй тодма, кожа, луоз* (Перевощиков, 1: 374). ‘Вероятно, Овчинников полагает, что я его не узнал’. *Мон сямен ик тодазы ваизы, луоз, юг-юг простынясын шобыртэм койкаоссэс, шуныт эстэм комнатаоссэс* (Валишин: 101). ‘Как и я же, вспомнили, очевидно, покрытые ослепительно белыми простынями кровати, тепло протопленные комнаты’.

В следующих примерах слово *луоз*, употребленное с явно модальным значением, не обособлено. Но это, видимо, объясняется тем, что издатели произведений Кедра Митрея сохранили авторскую пунктуацию, хотя, по правилам современной пунктуации, данное слово, в предложении выступая в позиции вводного слова, должно обособляться: *Захар Платонычез (кд вунэты на луоз) военной суд тюрьмае пытсаз* (Кедра Митрей: 176). ‘Захара Платоныча (не забыл еще, наверно) военный суд в тюрьму посадил’. «*Кытын ке зоре ни луоз*», – *Игошка жальмаса учке* (Кедра Митрей: 130). ‘Где-то, видимо, уже дождь идет», – засмотрелся Игошка’.

Кроме значения предположения, очевидности, вероятности, слово *луоз* выявлено и в значении выражения согласия ‘ладно, хорошо’ в текстах Берната Мункачи: *kuz'olän vozez potämanez vorjosez uttsaane kutskäm-no, voräz settäm-no vorle veram kuz'o: “pupäz voz'etä vuttä val” swäm. kuz'o veram vorle: “menis'kem d'ermä kur-kariz” swäm. vor veram kuz'ole: “луоз! swäm”* (Bernhard Munkacsi: 286). ‘От злости хозяин стал искать воров, нашел их, и говорит хозяин: “Опозорили бы (вы) попа”. Хозяин сказал вору: “Он меня обидел”. Вор ответил хозяину: “Ладно!” (букв.: будет)’.

В разговорной речи модальное слово *луоз* встречается редко. В “Образцах удмуртской речи” (Кельмаков 1981) и в текстах Б. Мункачи (1952) не обнаружено ни одного случая, кроме вышеописанного, употребления этого слова в качестве модального слова. Из этого можно предположить, что слово *луоз* преимущественно употребляется в произведениях художественной литературы. В живой разговорной речи в качестве эквивалента ему выступает модальная частица *дыр* ‘наверно, вероятно, по-видимому, может быть, должно быть, пожалуй’: *Лыдньиськон конференции ветлыкум пумиськылһм, дыр», – таки тодматэк малпаз Овчинников* (Перевощиков, 1: 39). “На читательской конференции встречались, вероятно”, – так и не узнав, предположил Овчинников’. *Туэ аспирантурае мыныны турттһсько вал, уз луы, дыр* (Гаврилов, 3: 520). ‘В этом году намеревался поступать в аспирантуру, не получится, наверно’. Кстати, слово *дыр* – единственное в “Удмуртско-русском словаре” дается с пометкой ‘модальное слово’ [УРС 1983: 132], хотя в “Грамматике современного удмуртского языка” *дыр* рассматривается как модальная частица [ГСУЯ 1962: 348]. Мы тоже придерживаемся мнения, что это частица, поскольку в настоя-

щее время вещественное значение этого слова не соотносится со значением знаменательного слова.

НЫРЫСЕТЃЕЗ (НЫРЫСЬ ИК), КЫКЕТЃЕЗ...

В современном языкознании (русском, удмуртском) не определено морфологическое выражение вводных слов, обозначающих логическую последовательность, ход мыслей: *нырысетЃез (нырысь ик)* ‘первое, во-первых’, *кыкетЃез* ‘второе, во-вторых’, *куиньметЃез* ‘третье, в-третьих’ и т.д., *собере* ‘потом’, *азыланяз* ‘далее’ и т.д. В синтаксисе они указываются как вводные слова, обозначенные порядковыми числительными или наречиями. Но более пристальное рассмотрение значений, вносимых в высказывание этими словами, дает понять, что это уже не столько порядковые числительные и наречия, сколько слова, близкие к классу модальных слов. Если порядковые числительные в речи используются для определения порядкового номера предмета или явления, то модальные слова служат для иных целей. Конечно, определенная степень указания на порядок имеется (порядок изложения мыслей, указание на мысль), но все же эти слова используются скорее как сигнализаторы о важности последующей мысли (пример дается в сокращении): *Нырысь ик, валано уроклэсь цельзэ, та ужспум уроклы дасяськонлэн шорсюлмыз луэ... КыкетЃез, чаклано, кыце типъем урок луоз... КуинетЃез, быръёно урокез ортчытон амал (семинар, лекция, диспут, традиционной но мукет)...* *НылетЃез, малпано, кыце пайдаё амальёсын урокез умойгес ортчытыны луоз...* *ВуметЃез, чаклано уроклэсь котькуд ёзэзлэсь пуштроссэ, быдӧналазэ...* *КуатетЃез, азьвыл ик чаклам вань ужсьёсты одно ик урокын быдэстыны тыршоно...* *Одӧг кылын вераса, уроклы дасяськыкуз, дышетӧсь ас азяз тацеесьгес юанӧёс мед пуктысал...* (ВК №4, 2001: 45–46). ‘Во-первых, необходимо понять цель урока, если данная работа в центре занятия... Во-вторых, нужно определить тип урока... В-третьих, нужно выбрать форму занятия (семинар, лекция, диспут, традиционный урок и др.)... В-четвертых, определить, какие приемы будут наиболее приемлемыми... В-пятых, определить объем каждого

этапа урока... В-шестых, на уроке постараться выполнить все намеченное... Одним словом, при подготовке к уроку, учитель перед собой ставил бы следующие задачи...’.

По мнению М. Н. Рудковской, подобные модальные слова “поясняют, уточняют, ограничивают те или иные части текста, а также служат для сопоставления, соединения, противопоставления частей высказывания и для выражения итога, заключения, обобщения сказанного, указания на порядок следования частей сообщения” [Рудковская 1982: 116]. Г. П. Немец также считает целесообразным включать их в класс модальных слов: “Исключение из системы модальных отношений средств, выражающих эмоциональное отношение к фактам действительности: уточнения, пояснения, ограничения, а также указывающих на связь мнений, порядок их изложения, на способ оформления языковых единиц, близких по функции к союзам, — нам думается, недостаточно обосновано, т.к. включение названных средств в разряд категории состояния еще менее правомочно, поскольку представление их как аномалии при наличии модальных идентификаторов является искусственным отторжением от достаточно доказательной системы модальных отношений. Широкий диапазон классификации средств языка, выражающих модальные отношения, должен включать в себя и выражения эмоционального отношения к фактам действительности, и выражения уточнения, пояснения, ограничения, а также средства, указывающие на связь мыслей, порядок их изложения, способ оформления и т.п., как и их идентификаторы” [Немец 1989: 4].

ОЗЬЫЕН (ОЗЬЫ, ОЗЬЫ БЕРЕ)

Слово *озьыен* ‘итак, значит, таким образом, стало быть’ в современном удмуртском языке употребляется исключительно в модальном значении и в предложении всегда является вводным словом. В лексике современного удмуртского языка нет исходного знаменательного слова в такой же форме, омонимичной слову *озьыен*.

По происхождению модальное слово *озьыен* восходит к наречию образа действия *озьы* ‘так, таким образом’. В таком случае не совсем понятно наличие в слове именного суффикса творительного падежа *-ен*, который, присоединяясь к имени,

придает значение совместности действия (с кем?) или орудие действия (чем? с чем?). Возможно, наречие *озьы* по происхождению восходит к местоимению. На именное происхождение этого наречия указывают и другие застывшие падежные формы слова *озьы*, которые ныне встречаются в наречных выражениях *озьытэк-а* «не без этого, не так ли?», *озьылэсь тазьы* ‘через пень колоду’ (букв.: ‘чем так, эдак’), *озьыез озьы* ‘так-то оно так’. В диалектах встречается вариант *созьы*, где первый элемент *со-* совпадает с указательным местоимением *со* ‘тот’ (сравните, наречие *тазьы* ‘так, таким образом, эдак’, где первый элемент *та-* также восходит к указательному местоимению *та* ‘этот’). Второй слог *-зьы* встречается в вопросительном наречии *кызьы* ‘как?, каким образом?’ Возможно, *озьы* представляет собой стяженную форму сочетания *со кызьы* ‘как он, как тот’, то есть, таким же образом. В “Кратком этимологическом словаре коми языка” происхождение первого элемента удмуртского наречия *озьы* (коми *этадз* ‘вот так’, *тадз* ‘так’), *отын* ‘там’, *отысь* ‘оттуда’ возводится к допермской указательной частице **-е* [КЭСКЯ: 332]; вторая часть, по мнению авторов этимологического словаря, по одной из версий, сопоставляется с «марийским суффиксом *-зе* : *кузе* ‘как’ [КЭСКЯ: 150], по другой – ‘вторая часть представляет собой застывшие суффиксы *«d-i, d-ik, r n, c-et, z, n, en* и т.д.’ [КЭСКЯ: 126].

Модальное слово *озьыен* имеет значение подтверждения с некоторыми оттенками обобщения, заключения высказываемого, вместе с тем оно имеет семантический оттенок союза, соединяющего данное предложение с предыдущим’ [ГСУЯ 1962: 368]: *Соку ик куймыр учкылэмез но тодаз лыктӧз – озьыен, уг янгыша вылэм со* (Перевошиков, 1: 405). ‘Тогда же и вспомнились ему ее поглядывания исподлобья – значит, не ошибался, оказывается, он’.

В этом примере *озьыен* “выражает уверенность говорящего и одновременно указывает на логический вывод по поводу высказываемой мысли и, таким образом, служит для связи двух предложений. Модальное слово *озьыен*, являясь в предложении вводным словом, ‘указывает на связь мыслей, последовательность изложения” [ГСУЯ 1970: 234]. Значение вывода наиболее полно обнаруживается, если в тексте дается последовательное изложение с применением вводно-модальных слов *нырысь*

ик ‘во-первых’, кыкетһез ‘во-вторых, второе’ и т.д.: Кызы со лэсьтэмын, со бордысь маиз, кытысь басьтэмын сэрттом-пертчом.

Нырысь ик – был тусэз. Тусэз дирижабльлы тупа.

Кыкетһез – ветлонзэ электромотор`ёсын ветлэ. Ток ез`ёс кузя трамвайёслэн сямен сётһське.

Куиньметһез – кажной вагонлэн питран`ёсыз кык гинэ. Велосипедлэн озьы ик питран`ёсыз кык.

Нылетһез – моторез питран пушкын. Унициклын но озьы ик.

Витетһез – котькыце сюрестһ со уг мыны, юри лэсьтэм сюрес`ёстһ гинэ мынэ. Поезд`ёс но трамвайёс озьы ик юри лэсьтэм сюрес`ёстһ гинэ ветло. Шаропоездлэн питран`ёсыз гинэ мукетэсь но соослы сюрес но мукет.

Куатетһез – питран`ёсыз груз нулһсь автомашинаослэн сямен резинаен кыскемын.

Озьыен, со соку ик дирижабльлы, трамвайлы, унициклы, поездлы но автомобильлы ке но кельше, котьмалэсь аслыз ачиз – шаропоезды кельше (Абрамов: 74 – 75).

‘Как он выполнен, откуда, из чего состоит, разберем подробно.

Во-первых – внешний вид. По виду как дирижабль.

Во-вторых – движется с помощью электромоторов. Ток, как и у трамваев, подается через провода.

В-третьих – в каждом вагоне только по два колеса. У велосипеда также два колеса.

В-четвертых – мотор внутри колеса. В уницикле так же.

В-пятых – по всякой дороге он не ходит, а лишь по специально изготовленной дороге. Поезда и трамваи тоже передвигаются по специальным путям. У шаропоезда колеса другие, и им другие дороги требуются.

В-шестых – колеса, как у грузовых автомобилей, стянуты резиной.

Таким образом, хотя он в одно и то же время походит на дирижабль, трамвай, уницикл, поезд и автомобиль, все же в первую очередь походит на себя – на шаропоезд’.

Модальное слово *озьыен*, передавая логические размышления говорящего, его оценку высказывания в плане утверждения, уверенного умозаключения, относится

сразу к двум (а то и более) высказываниям, и стоит, как правило, в начале второго (последнего) предложения, поскольку, как было отмечено выше, совмещает в себе и значение союза: *Мон верай ни, Сергей Демидович, нокудмес шонере уг поттһськы, но сыце дыръя нырысь ик... бадһым кивалтһсь кыл кутэ. Котьку. Котьма понна. Озьиен, воштһсезлэн янгышез понна но. Бен, бен, Сергей Демидович* (Перевощиков, 1: 344). ‘Я уже сказал, Сергей Демидович, никого не пытаюсь (я) оправдывать, но в таких случаях... начальник повыше слово держит. Всегда. За все. Значит (выходит), и за ошибки своего подчиненного. Да, да, Сергей Демидович’. *Вася, синһёссэ сак карыса, ваньзэ эскере, кинэ ке утча. Бакчаын одһг мурт но уг адскы, гидкуазязы кыце ке адямиос поръяло. Кунооссы вань, дыр. Озьиен, Катя дораз!* (Гаврилов 3: 15). ‘Вася внимательно все разглядывает, кого-то ищет. В огороде никого не видно, во дворе (у них) какие-то люди ходят. Гости есть, наверно. Значит, Катя дома!’

В отдельных случаях к основному значению выражения уверенности, подтверждения и вывода добавляется еще и значение эмоциональной оценки говорящего, такие, как радость, осуждение, огорчение и т.д.: *Ми номыр км вазе, но котькудһз йыркурен малпаз, дыр: «Кыце тон тип, озьиен, коньдонлы гинэ лыктһд выльвылэ?...»* (Валишин: 102). ‘Мы ничего не ответили, но каждый с досадой подумал, наверно: “Какой же ты тип, только ради денег, выходит, ты приехал на целину?...”’

Модальное слово *озьиен* имеет широкую сферу употребления как в разговорной речи, так и в книжно-письменной, особенно в научном и публицистическом стилях.

К модальному слову *озьиен* по значению близки сочетание наречия *озьы* с послелогом *бере* ‘если, коли’ – *озьы бере* ‘если так, стало быть, значит’ и наречное выражение *озьыез озьы* ‘так-то оно так’, которые тоже придают высказыванию модальное значение утверждения через вывод: *Ведь ачиз но кык улонэз уз улы, озьы бере, та быдһа юртэз кинлы ке но утёно* (Гаврилов, 3: 48). ‘Ведь сам он две жизни не проживет, а коли так, за таким большим хозяйством кому-то надо присматривать’. *Озьыез, ма, озьы, номыр лэсьтымтэ ай, ваньмыз валантэм, но азьпал ва-мышһёсыд син азяд пуксё ке, сюлмад кыце ке оскон кылдэ ини* (Перевощиков, 1:

379). ‘Так-то оно так, ничего еще не сделано, все непонятно, но если будущие шаги представляешь, в душе какая-то вера появляется уже’.

Само наречие *озьы* может выступать в модальном значении подтверждения. С помощью этого слова говорящий выражает уверенность в том, о чем он говорит, согласие с предыдущей мыслью:

“Изъыны выдѣмы ни вал. Та вие киуже мар кѣкл. Малы бен юнме шорысь карасин быдтыса пукод, малпасько”. – “Озьы, озьы, кума, карасинэз али шуг шедьтыны”, – йырзэ мыкырѣя Ондырѣян, мыкыртэмезлы быдэ кечлэн выллем тушез ангес ултѣз куасалске (Валишин: 91). “Спать легла было уже. В это время никакого рукоделья нет. Что, думаю, зря керосин жечь”. – “Верно, верно (так, так), кума, керосин сейчас трудно достать”, – головой кивает Андриян, и при каждом кивке его козлиная борода сгибается под подбородком’.

Модальному слову *озьыен* по значению близка модальная частица *иське* ‘значит, стало быть, в таком случае’. Эта близость не абсолютная, а лишь в плане передачи ‘взаимоотношения мыслей, установления выводов на основании каких-то данных’ [ГСУЯ 1962: 349]: *Соку ведь... нуаллы быдэ тынад синмад учконо луысал. Нуналаз олоккня пол. Иське, сомында пол ик му пыр виялласал* (Перевошиков, 1: 286). ‘Тогда ведь...каждый день пришлось бы смотреть тебе в глаза. В день по несколько раз. Значит, столько же раз бы мне приходилось от стыда сквозь землю проваливаться’.

“Зэм, пиек, гожтыны гожтѣд. Самой ьырдыт темаез љутѣд. Асьмелэн сыце темаос кѣ на вал. Быгатыса возматэмед гурт улонэз. Пьесаед мыным кельшиз, пырак сюлмаз сюремед”. – “Иське, љоген спектакль но луоз? – шумпотэмзэ возматыыны турттытэк юаз Сергей” (Гаврилов, 3: 180). ‘Верно, паренек, написать написал. Самую актуальную тему поднял. У нас таких пьес еще не было. Умело показал деревенскую жизнь. Пьеса [твоя] мне очень понравилась, прямо в сердце попал’. – “Значит, вскоре и спектакль будет? – стараясь скрыть радость, спросил Сергей”.

Наряду с удмуртским словом *озьыен*, в речи довольно активно функционирует заимствованное с русского языка модальное слово *значит* (см. раздел “Заимство-

ванные модальные слова”): *Лидалэн сюлмыз тэтчоно кадь жугиське. Со юаны медэ вал, малы Степан ъегатске шуыса, со вие тодмотэм куно нош ик вазиськиз: “Значит, тӱляд кузпалды Загребин Степан Иванович?”* (Воронцов: 53). ‘Лидино сердце готово выскочить из груди. Она хотела было уже спросить, почему Степан задерживается, но в это время незнакомый гость снова обратился: – Значит, ваш муж Загребин Степан Иванович?’ *вож потлэн выжыез пас'кыт кэ будэмын, значит, ӧзг удалтоз* (Кельмаков 1981: 146). ‘Если корни у лебеды широко разрослись, значит, рожь уродится’.

КЙТКД

Модальное слово *кйткд* преимущественно употребляется в разговорной речи. На русский язык оно переводится ‘не знаю’ [УРС 1983: 326]. Данное слово можно перевести и как ‘непонятно, неизвестно’. Выражение ‘не знаю’ на удмуртском языке *уг тодӱськы*.

Слово *кйткд* по образованию сложное, состоит из сращения двух глаголов: отрицательного вспомогательного глагола первого лица единственного числа прошедшего времени *кй* ‘(я) не’ и корня *ткд-* от глагола *тодыны* ‘знать’. Корень *ткд-* восходит к общепермскому **tod-* ‘знать’ (раннепермский **tud-*) [КЭСКЯ: 283]; «Исторический вокализм пермских языков» 1964: 127). Корень *ткд-* в настоящее время имеется в коми языках: *ткдны* ‘знать, узнавать, распознать, отгадать’, *ткд* ‘память’ [КЭСКЯ: 283], *ткдкмысь* ‘конечно’ (‘из знания’), *ткдкм* ‘знание’ [СКЯ 1955: 297]; *ткдны*, *ткдавын*, *ткдкм*, *ткдса* и др. [КПРС 1985: 481-482], а в удмуртском языке корень *ткд-* встречается только в рассматриваемом слове, в остальных однокоренных словах корень *тод-*. Возможно, *кйткд* преобразовалось от сочетания *кй тоды* ‘(я) не знал’.

Модальное слово *кйткд* в структуре предложения выполняет функцию вводного слова, а также может выступать в функции отдельного слова-предложения. Словом *кйткд* говорящий может выразить свое отношение к предмету речи в плане неуверенности, предположения. Данное модальное слово, как правило, стоит в начале предложения, относясь к предыдущему высказыванию.

Модальным словом *k̑it̑k̑d* говорящий может выражать неосведомленность, неуверенность в чем-либо. Рассмотрим подробнее значения, вносимые в предложение словом *k̑it̑k̑d*.

1. При помощи *k̑it̑k̑d* говорящий выражает свое незнание, неведение о предмете речи: *“Колхозын уни ми табере, нылы, – шокчиз Педча.– Кык тулыс кизёнэз колхозын ортчыт̑м. K̑it̑k̑d, кызьы меда луоз азьпалан...”* (Гаврилов, 3: 322). *“В колхозе мы теперь уже, дочка, – вздохнула Федосья.– Два весенних сева в колхозе провели. Непонятно, как уж будет в дальнейшем...” Со дырысен нокыце иворез к̑в̑кл – k̑it̑k̑d, олокызыь улэ, вылды, уни* (Перевошиков, 1: 12). *‘С тех пор никаких известий нет – неизвестно, как уж он там живет’.* *Роман валаз: Рина та л̑к̑ксэ юри солы шуыса октэм. Малы? K̑it̑k̑d.* (Перевошиков, 1: 46). *‘Роман понял: Рина специально для него собрала этот стол. Почему? Непонятно’.* *Усто врач шуо тае. K̑it̑k̑d, аслам приёме ветлэме к̑в̑кл* (Красильников: 166). *‘Хорошим врачом считают его. Не знаю, сам на приём не ходил’.*

2. Словом *k̑it̑k̑d* говорящий может выражать и недопонимание того, как он сам совершает действие, почему он так поступает или оценивает поступки других. При квалификации поступков других людей нередко передается чувство осуждения: *Чугун сюрес переезд доры вуыкузы, отын сыл̑хсь машинаос доры султыса вуиллям-а, к̑в̑кл-а – берласянь соосыз прицепен луо вортт̑хсь ЗИЛ мыр̑нем но азязы сыл̑хсь машина борды лякем – кабен паньгатэм: шофerez куд̑ъемын вылэм. K̑it̑k̑d, олокызыь гинэ ачиз машинаысьтыз тэтчыса вуэм на, нош кышноеныз пиез...* (Перевошиков, 1: 12). *‘Когда подъехали к железнодорожному переезду, успели только встать за стоящими там машинами, – сзади их подтолкнул перевозивший песок ЗИЛ и прибил к стоящей впереди машине – все сплющило: водитель оказался пьяным. Непонятно, как сам успел выскочить из машины, а вот жена с сыном...’.* *K̑it̑k̑d, олома луиз соку мыным* (Перевошиков, 1: 23). *‘Непонятно, что со мной тогда случилось’.* *Малы, шуиськоды-а? K̑it̑k̑d, ма вераны ик уг валаськы* (Валишин: 98). *‘Спрашиваете: отчего? Не знаю, не понимаю, что и сказать’.* *«Коыиш̑ёс, дыр, – кушетскиз Роман. – Паймод та адямиослы. Кулэтэм ке, олома вордэм̑ьясько. Шудо, шудо но кушто. K̑it̑k̑d, куд̑һз-куд̑һз чик сьолэмтэмесь-а, мар-а* (Перевошиков, 1:

84). ‘Кошки, наверно, – вздрогнул Роман.– Удивляешься только этим людям. Если они им не нужны, почему тогда пытаются держать? Играют, играют, а потом бросают. Не понимаю, некоторые совсем бессердечные, что ли’.

3. Слово *кйткд* нередко употребляется для выражения сомнения: “*Катя, мон азьвыл Камашев квкл ни.*” – “*Кйткд, маке уг адњиськы*” (Гаврилов, 3: 680). “Катя, я уже не тот прежний Камашев”. – “Не знаю, что-то не вижу”. *Кйткд, сокем-сокем гомњытыны пишмытћз оло кз но, литкружжыкысь эшњёсыз кизэ кутылыса њечкылазы, “Кам тыльёсы” дэмлазы* (Перевошиков, 1: 16). ‘Получилось у него настолько или нет, но друзья с литкружка поздравляли, руки пожимали, в “Камские огни” предложили напечатать’. *Азьланяз тазыы ик кыце ке кайгуэ жимысал ке, вормысал-а сое, кй чигысал-а? Кйткд. Кйткд, Сергей Демидович* (Перевошиков, 1: 343). ‘А если бы в будущем попал в такую передрагу, в такое горе, осилил бы его, не сломался ли бы? Не знаю. Не знаю, Сергей Демидович’.

4. Слово *кйткд* иногда используется в тех случаях, когда говорящий раздумывает или стоит перед выбором: совершить ли то или иное действие или нет:

“*Я, кызыы, Климов эш, мыномы-а гуртэ?*” – “*Кйткд, – шуиз Сергей, улань учкыса. – Берлогес шат?*” (Гаврилов, 3:182). “Ну, как, товарищ Климов, поедem в деревню?” – “Не знаю, – сказал Сергей, глядя вниз. – Может, попозже?” *Мукетсэ но уг ват: чылк-чылк дун я копак пож сямю гинэ, дистиллированной адямиос, мон сямен, квкл. Кйткд, оло, янгышасько, но мыным озыы кадъ йктэ* (Перевошиков, 1: 97). ‘И другое не скрою: абсолютно чистых или вовсе грязных, дистиллированных людей, по моему, нет. Не знаю, может, (я) ошибаюсь, но мне так кажется’. *Ачид жаль, Окыльна, ачид: кызыы улод со Зинаен – кйткд* (Валишин: 57). ‘Тебя саму жаль, Акулина, саму: как уж будешь жить с этой Зиной – непонятно’.

5. *Кйткд* употребляется также для возражения или выражения несогласия с собеседником: “*Адями ке, адями ик лу! Кин виноват? Ачид! Ымад ведь куужмысь нокин уг кисьта*”. – “*Озыез озыы, конечно... Но куддыръя...*” – “*Кйткд, кйткд, Роман Петрович. Мон сямен, адямилэн шудэз но, маиз но – ваньмыз ас кияз*” (Перевошиков, 1: 29). “Если человек, человеком и будь! Кто виноват? Сам! В рот ведь никто силой не наливает”. – “Так-то оно так, конечно...Но иногда...” – “Не знаю, не

знаю, Роман Петрович. По- моему, и счастье, и все у человека – все в его руках”. *Кудһз шуэ, сложной предложение, пе, удмурт кыллы уг тупа. Кйтк-кд* (Перевощиков, 1: 195). ‘Кое-кто говорит, сложное предложение, дескать, не подходит для удмуртского языка. Не зна-аю’.

6. Модальное слово *кйткд* также служит для выражения предположения:

Но берет Эграла ветлыкуз, куд-ог выль тодмоосыз шуылһзы: кйткд, комсомолын ужакуз-а, мар-а, пе, Кирилловнамы командир сям шедьтэм но, ӱапак со алямгес, лэся – татһяз кытһ-отһ укыргес тодһсьяськыны шктаз кадь, аслэсьтыз гинэ мал-панъёссэ шонерен лыдъяны кдъяз (Перевощиков, 1: 103). ‘Но когда после вновь приезжал в Эгру, новые знакомые поговаривали: когда в комсомоле работала, что ли, мол, у (нашей) Кирилловны командирский тон появился и овладел, кажется, ею целиком – в последнее время слишком заумничать стала, своего мнения только стала придерживаться’. *Но сыце произведениоссэ асьмеос ум тодһське. Кйткд, оло ке, соос вал но* (Ванюшев: 394). ‘Но таких произведений (у него) мы не знаем. Известно, может, и были они’.

Параллельно со словом *кйткд* в удмуртской разговорной речи функционирует заимствованное с русского языка слово *незнай* ‘не знаю’, которое тоже передает модальное значение предположения, незнания, непонимания, сомнения говорящего о предмете речи (см. раздел “Заимствованные модальные слова”).

ШОНЕР

Для выражения значения уверенности в своих мыслях, действиях, для подтверждения и одобрения высказывания в удмуртском языке употребляется модальное слово *шонер* ‘верно, правильно, действительно, точно’. Как модальное слово, оно отдифференцировалось от наречия *шонер* ‘верно, прямо, правильно, справедливо, точно’. Переход знаменательного слова в модальное мог произойти путем преобразования сложного предложения в простое с соответствующим модальным словом: *Шонер вераськод, отчы ӱошен мыныны кулэ шуыса* ‘Правильно говоришь, что туда вместе идти нужно’ – *Шонер вераськод: отчы ӱошен мыныны кулэ* ‘Правильно го-

воришь: туда вместе идти нужно’ – *Шонер, отчы цошен мыныны кулэ* ‘Правильно, туда вместе идти нужно’.

Из примера видно, как постепенно, упрощаясь, сложное предложение преобразовывается в простое с вводным модальным словом. По такой же схеме, возможно, происходило преобразование глаголов *адске (адньиське)*, *шкдске (шкдһське)* в модальные слова, которые в структуре предложения тоже стали употребляться в функции вводного слова.

Теория о преобразовании сложных предложений в простые с соответствующими вводными словами принадлежит академику Д. Н. Овсяннику-Куликовскому. Вводные слова он рассматривал как “результат сокращения некогда полного предложения, от которого осталась та или иная часть” [см. об этом: Виноградов 1947: 727].

Модальное слово *шонер* преимущественно употребляется в диалогической речи и чаще всего служит для выражения согласия, одобрения, подтверждения высказанной предыдущей мысли. Поэтому данное модальное слово чаще всего стоит в начале предложения либо употребляется в функции слова-предложения: *Тани лыдньисьёсмы гожто: берло вакыт, пе, журнламы зэмос бадһым произведениос туж кжыт печатласько. Шонер. Ушьяськытэк, мултэс буйгатскытэк принципиально учконо ке, татын асьмелэн берло арёсы «зарни пырыос» вообще кз лужалэ* (Перевощиков, 1: 221). ‘Вот (наши) читатели пишут: дескать, в последнее время в (нашем) журнале мало печатается крупных произведений. Действительно. Если посмотреть без хвастовства, без успокоенности, здесь у нас в последние годы «золотые россыпи» вообще не всходили’. *Тини ук, Маляшурысь библиотекарьзэс ик, Зоя Викентьевнаез, токма шорысь кутскид но уляд. Копаськись, пе, нокинэн но уг тэры, котькин шоры пуны кадь утэ, лыдньисьёсты интэма. Шонер, лыдньисьёссэ цемысь тышкаськылэм. Книгаосты паньсамзы, книгаосты кесямзы понна* (Перевощиков, 1: 182). ‘Вон ведь, библиотекаря из Маляшура, Зою Викентьевну, совершенно без причины взял и выгнал. Копаются, мол, ни с кем не уживается, на всех, как собака, лает, читателей оскорбляет. Верно, читателей частенько ругала. За небрежное обращение с книгами’. “*Марым...Петя...ккняетһ арын вордскиз ай та Лермонтов? Маке йы-*

ры...” – “1814 арын” – “**Шонер**...Мон озьы ик малпасько вал...” (Валишин: 102). “Это...Петя...в каком это году родился Лермонтов? Голова что-то...” – “В 1814 году” – “Точно...Я так и подумал было...”

Модальное слово *шонер* может выступать в составе словосочетаний, где к стержневому слову *шонер* могут присоединяться различные аффиксы: *шонерзэ вераса* ‘по правде говоря’, *шонергес вераса* ‘вернее говоря, точнее говоря’, *шонерак вераса* ‘прямо говоря’, *шонерзэ ке верано* ‘если правду сказать, если по правде’ (см. раздел “Модальные словосочетания”), которые в высказывание вносят значение уточнения с оттенком уступки: *Шонерзэ вераса, солэн аслаз но тыро-пыдо ужабез кйлась* (Перевошиков, 2: 125). ‘По правде говоря, он и сам толком поработать не смог’. *Соку газетазы выльдһськон сярысь статья потһз. Шонергес вераса, выльдһськонлэн районазы шкдһськымтэз сярысь* (Перевошиков, 2: 128). ‘Тогда в газете появилась статья о перестройке. Точнее сказать, о не-ощущении перестройки в районе’.

Наречие *шонер* в предложении выступает в роли обстоятельства или сказуемого: *Нош отһяз кычак шонер, шуиз* (Перевошиков, 2: 128). ‘А все остальное верно, сказал’. *Кудрявцев кунэрскиз: критикаез шонер уг валало* (Перевошиков, 2: 129). ‘Кудрявцев поморщился: критику правильно не воспринимают’.

ШКДСКЕ (ШКДҺСЬКЕ)

Модальное слово *шкдске (шкдһське)* ‘кажется, вероятно, по-видимому, видимо’ в современном удмуртском языке выступает в обоих вариантах. Высказыванию придает значение вероятности, передает предположение говорящего. Данное слово генетически восходит к форме третьего лица единственного числа настоящего времени глагола возвратного залога *шкдһськыны* ‘чувствоваться, ощущаться, догадываться’ – *шкдске (шкдһське)* ‘чувствуется, ощущается, догадывается’. Как видим, в лексическом значении самого глагола заключается модальное значение предположения, поэтому не удивительно, что форма *шкдске (шкдһське)* в результате частого употребления отдифференцировалась от знаменательного слова и стала функционировать в качестве модального слова.

Формы *шкдске* и *шкдһське*, как и модальные слова *адске* и *адһиське*, в современном удмуртском языке выступают в двух вариантах; *шкдске* преобразовалось от *шкдһське* аналогично, как и *адске* от *адһиське* (см. выше).

Хотя оба варианта однозначны, все же в речи чаще используется вариант *шкдске*. Данное модальное слово преимущественно употребляется в составе повествовательного предложения, в редких случаях в составе вопросительного и не употребляется в побудительных предложениях.

Данное слово придает высказыванию различные оттенки предположения, а именно:

1. Значение предположения: *Нина копак ӧудӱз, шкдске*, – *со но гордэктӱз, со бере «я, ӧеч луэ, дыртисько», шуыса, ури-бери кошкез, нош Костя уката ӧштӱськыса кылиз* (Перевошиков, 1: 425). ‘Нина вовсе растерялась, кажется – и она покраснела, потом со словами “ладно, до свидания, тороплюсь” ушла без оглядки, а Костя остался в еще большем недоумении’. *Котьма шу но, солы туж ӧож, туж секыт, шкдске* (Гаврилов, 3: 6). ‘Что ни говори, но ей, видимо, очень тоскливо, очень тяжело’. *Тон со сярись уд ик малпаськы, шкдһське, Москвае университетэ кошкезы турттӱськод* (Гаврилов, 3: 162). ‘Ты о ней и не думаешь, по-видимому, в Москву в университет собираешься уезжать’.

2. Значение предположения с большей степенью уверенности: *Тон, Богатырёв, мынэсьтым верамме вунэтэмед, шкдске!* (Гаврилов, 3: 235). ‘Ты, Богатырев, видно, забыл о моих словах!’ *Лади сярись Анют ог дас ареслы егитгес ке но, секыт ужаменыз, шкдске, Ладиен одӱг ёз адһиське* (Нянькина: 8). ‘Хотя Анюта в сравнении с Ладом моложе лет на десять, все же, по-видимому, из-за тяжелой работы, одного возраста с ним выглядит’. *Власть бен асьмелэн но, – вераз Андрей, – только улыны, шкдске, ум быгатӱське* (Гаврилов, 3: 41). ‘Власть действительно наша, – сказал Андрей, – но только жить (мы), видимо, не умеем’. *Фашистӥс таӥезэ витиллямтэ, шкдске, ма карыны ёрмизы* (Гаврилов, 3: 642). ‘Скорее всего, фашисты такого не ожидали – растерялись, не знают, что делать’. *Тон, шодӱське, визьтэм кӧкл, тодӱськод кызы вераськыны* (Гаврилов, 3: 200). ‘Ты, видать, не глупый, знаешь, как разговаривать’.

3. Значение обобщения с оттенком предположения: *А-а, тини мар! Иське, зэмзэ ик кинэ ке но вите, шкѡске. Нош соуз љега, дыр* (Перевощиков, 1: 7). ‘А-а, вон оно что! Значит, и вправду кого-то ждет, видимо. А тот, вероятно, задерживается’. *Мар сыце? Зэмзэ ик, кинлэн ке солэсь скнѣссэ зольямез потэм, шкѡске: кытын ке кы-дѣкынгес маке њабыльто, нош трубкае пелляло, пырсйыло, оло нырзэс кыскало* (Перевощиков, 1: 496). ‘Что такое? Действительно, кому-то захотелось, видно, поиграть на его нервах: где-то вдалеке голоса слышны, а в трубку дуют, прыскают от смеха или же носом шмыгают’.

В данных примерах значение уверенности усиливается имеющимися в предложениях модальными словами и частицами *иське* ‘значит, стало быть’ и *зэмзэ ик* ‘и вправду’, что позволяет сделать выводы с оттенком предположения.

4. Сомнение: *Ваньзэ, ваньзэ? – Верочка озгес оскы, шкѡске* (Перевощиков, 1: 75). ‘Все, все? – Верочка, кажется, не совсем поверила’

5. Кроме модальных значений, слово *шкѡске* (*шкѡдѣське*) используется для выражения различных значений эмоционально-экспрессивных чувств: упрека, осмеяния, злорадства, страха: *Йырад номыриз кѡкл, шкѡдѣське, шат уд валаськы, та книга узырьѣслы гожтэмын, асьме кадь визьтэмѣсты пкѡян понна* (Гаврилов, 3: 223). ‘В голове у тебя, видать, пусто, разве не понимаешь: эта книга для богатеев написана, чтобы нас, дураков, обманывать’. *Њеч ивор ваиды тѣ мыным. Мар ке но караванэн луэм, шкѡске. Туж тодэме потэ вал, кыце муген одѣг интыязы кыкетѣ уйлы љегазы* (Леонтьев: 122). ‘Добрую весть вы мне принесли. С караваном, видимо, что-то случилось. Очень хотелось бы мне узнать, по какой причине на одном месте ещё на одну ночь они остались’. *Эх, то-он. Кышноед марда ик, ачид но усыкчем ни, шкѡске* (Перевощиков, 1: 435). ‘Эх ты-ы. Как и жена же, и сам ты, видно, будто угорелый’. *Шулѣктэм шоферлэн синѣсyz доллы питырскизы: “Мар та, мар та, шузимиз, шкѡске, шузими-из!”* (Перевощиков, 1: 256). ‘От страха глаза шофера округлились: “Что это, что это, сдурел, кажется, сдуре-ел!”

Параллельно с модальным словом в речи употребляется глагол *шѡдске* (*шѡдѣське*), который в предложении является сказуемым: *Пальтоезлэн гырпумыз одѣг интыетиз туж быгатыса, лачмытак гинэ кышѣямын – анаезлэн ки бервылыз*

шкдһське (Валишин: 92). ‘Рукав пальто в одном месте мастерски, аккуратно зашит заплаткой – чувствуется мамина рука’. *Нош чиданы трос кылдэм, шкдске – пайдаез весь уг шкдһськы* (Перевошиков, 1: 295). ‘А терпеть, видимо, много пришлось – польза все не ощущается’. *Шкдһсько, бадһьмез (чорыг) сюриз* (Гаврилов, 3: 307). ‘Чувствую, большая (рыба) попалась’.

В последнем примере глагол *шкдһсько* ‘чувствую’ – часть бессознательного сложного предложения, но по контексту явно ощущается модальное значение предположения с оттенком уверенности. Возможно, подобные предложения со словами *адзисько* ‘вижу’ и *шкдһсько* ‘чувствую’ – это как раз та модель, по которой мы можем наблюдать процесс преобразования знаменательного слова и переход его в класс модальных слов. То же можно сказать и о следующем примере:

Шкдһське, кинлы ке туж вожез потэмын, но ачиз возьматыхтэк турттэ (Красильников: 154). ‘Чувствуется, на кого-то очень сердится, но сам старается не показывать’

ШУО

В современном удмуртском языке субъективная передача чужой речи, мысли, а также её оценка со стороны говорящего осуществляется посредством модального слова *шуо* ‘говорят, сказывают, де, дескать, мол’. Модальное слово *шуо* перешло в разряд модальных слов из самостоятельного глагола *шуыны* ‘говорить’ в форме третьего лица множественного числа настоящего времени – *шуо* ‘говорят’. В значении модального слова *шуо* употребляется для воспроизведения чужой речи, а также для воспроизведения высказываний, автора которых невозможно установить (все говорят, неизвестно, кто конкретно говорит). По этой причине оно чаще всего употребляется в пословицах, поговорках, приметах: *Котьма ке но, яратон понна нюръяськоно, шуо* (Перевошиков, 1: 463). ‘Но все же, за любовь, говорят, нужно бороться’. *Нош огъя кужымен гурезез но берыктод, шуо* (Перевошиков, 1: 504). ‘А общими усилиями, говорят, и гору свернешь’. *Нылкышнолэн ужез одһг – пкзътон, миськон но цушалтон, шуо, – ас понназ лабыртэ Богатырёв. – Мон соосты асьсэды ко-сысал одһг нунал ке но корка котырын берганы* (Гаврилов, 3: 366). ‘У женщин, мол, одна работа – сварить, мыть да подтирать, – ворчит про себя Богатырёв. – Я бы их

самих заставил хоть один день по дому поработать’. «*Нош Волга дорын фашистё-слы зол йкътэм, шуо*», – вера Наташа (Гаврилов, 3: 673), “Рассказывают, фашистам у Волги здорово досталось”, – говорит Наташа’. *Вунэм, эхма, вунэм, пересь муртлэн визьмыз сис кадь луэ, шуо* (Красильников: 19). ‘Забылось, эхма, забылось, у стариков, говорят, память как сито становится’.

Модальное слово *шуо* может при себе иметь частицы *но* ‘ведь, дак’, *ук* ‘ведь, же’, *кадь* ‘будто, как будто’. В указанных сочетаниях *шуо* выражает значение уверенности или неуверенности говорящего в том, что он сообщает. В сочетании с частицей *но* уверенность говорящего сопровождается со значением оттенка уступки: *Укыр номыре ќвќл ни, Бен-а? Љоген потоды ни, шуо кадь* (Перевошиков, 1: 498). ‘Теперь вроде ничего уже, а? Скоро будто выпишетесь уже, говорят’. *Муртлэн п́ксъкыез уг висъы, шуо но, со выллемгес-а, мар-а* (Перевошиков, 1: 40). ‘Чужой нарыв не беспокоит, говорят ведь, вроде этого, что ли’. *Ма, ассэ ачиз быдтэм, шуо ук!* (Гаврилов, 3: 42). ‘Собой покончила, говорят ведь!’

В предложении с субъективной передачей чужой речи модальные отношения могут быть выражены одновременно двумя способами: модальным словом *шуо* и модальной частицей *не*. В таком случае частица *не* усиливает то значение, что данная мысль не принадлежит говорящему, при этом высказыванию придается оттенок предположения. Говорящий таким образом передает услышанное опосредованно, через вторые лица и выражает степень неуверенности в истинности того, о чем он говорит (так говорят, но верно это или нет – говорящему неизвестно): *Егитэз хирург Георгий Ильич солы синмасъкем, шуо, киное цошен ветлыло, не* (Красильников: 25). ‘Молодой хирург Георгий Ильич, говорят, в неё влюблен, в кино, мол, вместе ходят’. *Роман тодэ, Мати кенак, не, тифен висъыкуз, укыр юн лябньем – лы вылэ ку гинэ кылем на, шуо* (Перевошиков, 1: 135). ‘Роман знает: тетя Матрена, мол, когда тифом болела, очень сильно ослабла – кожа да кости, говорят, осталась’. *Кабзэ, не, оло, йырыз сурасъкемын, шуо, палатаез ик нимаз* (Перевошиков, 1: 57). ‘Мол, действительно, с головой (у него) не все, говорят, в порядке, даже палата отдельная’.

С помощью слова *шуо* говорящий также может передавать несобственно-прямую речь определенных лиц, известных по контексту, но не указанных в выска-

зывании: *Спиридон Васильевич сярысь гуртын олома но мадё, бадньым начальник луэм, узырмем, уд тодма ни, шуо* (Гаврилов, 3: 25). ‘О Спиридоне Васильевиче в деревне что попало рассказывают, большой начальник стал, разбогател, не узнаешь уже, говорят’. *Табере тани музьемез люконо, шуо* (Гаврилов, 3: 46). ‘Теперь вот землю делить надо, говорят’. *Ккня ке нунал ортчыса, товариществоос асьсэ полы куанеръёсты пыртылыны кутскизы. Троссэ кз, ккнязэ ке гинэ. Монэ но ктизы. Тынэсьтыд, шуо, пай но ум куре, гожтһськы* (Гаврилов, 3: 197). ‘Несколько дней спустя члены товарищества стали принимать в свои ряды бедноту. Не всех, немногих только. Меня тоже пригласили. С тебя, говорят, пай не потребуем, записывайся’. *Вераськон куспазы соосты трос нылкышноос котыртһзы. Фронтын ужъёс сярысь юаллясько: картэнызы яке пиенызы шош ожмаськыны кз кылды-а, шуо* (Гаврилов, 1: 712). ‘Во время разговора их окружили женщины. Расспрашивают о положении на фронте: с сыном или мужем, мол, не пришлось ли вместе воевать’.

Говорящий может воспроизводить не только чужую речь, но и речь конкретного лица. Для передачи косвенной речи определенного лица используется глагольная форма третьего лица единственного числа настоящего времени *шуэ* ‘говорит’ и *шуэ, пе* ‘говорит, мол’, если говорящий сам не слышал этих слов: *Огпол со доры пыри, шуисько, кутэ монэ пклады. Кутон, шуэ, мон, шуэ, кемалась малпасько вал ини тонэ товариществе пыртон сярысь* (Гаврилов, 3: 196). ‘Один раз я зашел к нему, говорю, возьмите меня к себе. Возьмем, говорит, я, говорит, давно думал уже о твоём зачислении в товарищество’. *Берло со монэ литературной бандит шуиз на. Ваньмес, пе, кион сямен кесямед потэ. Мон, шуэ, вань улытозям революция понна кырһасько* (Гаврилов, 3: 363). ‘Потом меня литературным бандитом еще обозвал. Всех нас, мол, хочешь, как волк, растерзать. Я, говорит, всю жизнь революцию воспеваю’. *Виыны – жаль, шош виытэк – ноказыы уг луы, пе, шуэ* (Гаврилов, 3: 275). ‘Убивать – жалко, но не убивать, мол, никак нельзя, говорит’.

Говорящий может воспроизводить также и собственные, ранее высказанные мысли. Для воспроизведения собственной ранее высказанной речи используется форма глагола первого лица единственного числа настоящего времени *шуисько* ‘(я) говорю’. При передаче своих слов может быть использована частица *пкй* ‘мол, де’:

Соин ик, оло, мырак гинэ-а кароно, **шуисько** ни вал, мар, **пкй**, со яраез бугыръяса улод (Перовщиков, 1: 365). ‘Поэтому, может, и забыть все это нужно, говорю уж было, что, мол, ещё эту рану берeditь’.

Нередко слово *шуисько* опускается, и тогда частица *пй* берет на себя функцию глагольной формы *шуисько*: *Керетонзэ но керети соку. Какой, **пкй**, тон дышетһсь?!* (Перовщиков, 1: 106). ‘И ругаться (я) тогда сильно ругалась. Какой, мол, ты учитель?!’

Слова, передающие ранее высказанные речи известных по контексту лиц, типа удмуртского *шуэ*, *шуисько*, в “Современном коми языке” не рассматриваются как модальные слова. Они “являются обычными глаголами, употребленными в роли вводного слова, так как они не представляют собой застывшую форму” [СКЯ 1955: 298 – 299]. Мы так же рассматриваем эти слова. Однако в указанном пособии в этот же ряд отнесено слово *висьталоны* ‘говорят, рассказывают’, которое способствует воспроизведению слов неопределенного круга лиц: *Тэ, висьталоны, сьывны ыджыд мастер* (Кр.) ‘Ты, говорят, петь великий мастерище’.

С подобными рассуждениями коми исследователей мы не совсем согласны, поскольку в коми слове *висьталоны* и удмуртском слове *шуо* заключается модальное значение неочевидности, значит, в какой-то степени предположения. Поэтому слово *шуо* мы относим к модальным словам.

Глагол *шуо* в предложении выступает в роли сказуемого и обозначает действие неопределенного круга лиц: *Мкйы няня – сое больницаын ваньмыз Сергеевна гинэ **шуо** – Сосновлы халат сётһз, дисяны юрттһз* (Красильников: 19). ‘Пожилая няня – в больнице ее все Сергеевной только величают – подала Соснову халат, помогла надеть’. «*Кд ке лыктэ школае дышетскыны, кужмысь ваёмы*», – **шуо** ини табере (Кедра Митрей: 78). “Если не придете в школу учиться, насильно приведем”, – говорят уже теперь’.

Из приведенных примеров видно, что модальное слово *шуо* не потеряло своей этимологической связи с исходной глагольной формой. Преобразование глагольной формы в модальное слово для субъективной передачи чужой речи характерно для многих, в том числе и для финно-угорских, языков. По мнению Е. К. Майтинской,

“частицы, выражающие субъективную передачу чужой речи, соответствующие русским *мол, де(ска́ть)*, в марийском и венгерском языках формировались на основе глаголов, обозначающих ‘говорить’; ср. мар. *манеш* ‘мол’ – *манеш* ‘говорит’; венг. *ugy mond* ‘мол’ – *ugy mond* ‘так он говорит’, венг. *allitolag* ‘якобы, мол’ – ср. *allitani* ‘утверждать” [Майтинская 1982: 135]. Мы не разделяем точку зрения автора этой цитаты в причислении данных слов к частицам; все же, на наш взгляд, это модальные слова, соответствующие определенным формам знаменательных слов.

ШУОМ, ШУОД

Модальное слово *шуом* ‘допустим, скажем, положим, предположим, к примеру’ указывает на ход мыслей говорящего, его рассуждения, размышления о чем-либо. Следовательно, на неуверенность его в высказываемой мысли, неуверенное предположение, но в то же время оно вносит оттенок уточнения в высказываемую мысль. Кроме значения предположения, данное модальное слово, являясь в предложении вводным словом, служит для рассудочного, логического оформления мысли: *Нош...адямилэн...дышетскемез ке уг пот? Уг пот но тини! Азьтэмез ворме. Яке, шуом, малы ке юри кчкарыса урокъёссэ уг дася, мытылэ, олома но йыртэма* (Первошиков, 1: 159). ‘А если...человек...учиться не хочет? Не хочет и все! Лень побеждает. Или, скажем, специально вредничая, уроки не готовит, пререкается, что-нибудь да вытворяет’. *Собере, кабзэ ёрмыса уни: талы, пкй, музон школае карись-коно ке шат? Станция ик, шуом* (Первошиков, 1: 169). ‘Потом, не зная уже, что и делать: ему, мол, в другую школу, может, перевестись? На станцию же, например’. *Ярам, нырысь-валысь, шуом, ваньмыз умой вал* (Первошиков, 1: 82). ‘Ладно, вначале, допустим, все было хорошо’. *Дышетскемез, шуом, трос квкл, нош колхоз понна юн висе* (Гаврилов, 3: 449). ‘Образования (у него), допустим, немного, но за колхоз сильно переживает’. *Ярам, шуом, озьы но тазьы улһмы, кураськыса км ветлэ, ась-мелы сиён асьмеос ик шедьтһм* (Гаврилов, 3: 465). ‘Ладно, значит, так и сяк жили, не побирались, сами себе еду добывали’. *Вера вал, мар понна тонэ татын главной врачын возё? Малы, шуом, тон интыын мукетызлэн пукемез уз луы – визьмогесэз-лэн, егитэзлэн?* (Красильников: 62). ‘Скажи, пожалуйста, за что тебя здесь держат

главным врачом? Почему, например, на твоём месте другой не может сидеть – более умный, молодой?’ *Ну, ярам, шуом, дораз берытскыны малпаз. Нош Галяез кутоз на-а сое?* (Перевощиков, 1: 466). ‘Ну, ладно, предположим, задумал (он) домой вернуться. А Галя примет ли ещё его?’

В значении модального слова *шуом* в настоящее время нередко выступает вариант *шуод*, омонимичное глагольной форме ‘(ты) скажешь, будешь говорить’. Также, как и модальное слово *шуом*, *шуод* передает значение предположения, рассуждения, логического хода мыслей: *Иньмаре-кылчинэ! Базарын улгоды вылэм ук. Ай вагзалын-а, шуод. Либо детсадын* (Перевощиков, 1: 400). ‘Господи! На базаре живете ведь, оказывается. Или, скажем, на вокзале. Либо в детском саду’. *Нош кин, мар люкетһз тыныд? Аслад пкрмостэмед гинэ? Яке, шуод, тыро-пыдо малпаськыны дыр уг тырмы?* (Перевощиков, 1: 335). ‘Но кто, что помешало тебе? Только ли твоя непутевость? Или, допустим, хорошенько подумать времени не хватает?’ *Соин ик редактордэс олокызы но куртчылыны тыршиз. Туж чакласькыса, лушкем, конечно. Журналзы сярсы “анонимкаез” ик эскерыку, шуод* (Перевощиков, 1: 357). ‘Поэтому и пытался всячески «укусить» редактора. Очень осторожно, тайно, конечно. Например, когда разбирали «анонимку» на журнал’.

Особенность использования модальных слов *шуом* и *шуод* в том, что они, употребляясь в одном конкретном предложении, являются связующим элементом с предыдущим высказыванием или высказываниями, как правило вопросительными: *Сыл ай, оло, кышноез сое азьвылгес юн вксь кариз но, йырыз курен озьы пуаз? Яке, шуод, огшоры куаретһзы вал но, куатаськиз гинэ?* (Перевощиков, 1: 377). ‘Постойка, может, жена его ещё раньше сильно обидела, и от обиды (он) так поступил? Или, положим, по пустякам поссорились было, и (он) просто обиделся?’

В употреблении модальных слов *шуом* и *шуод* обращает внимание и то, что они используются и в разговорном стиле, и в книжном – произведениях публицистического жанра, художественной литературы. Возможно, слово *шуом* является калькой русского модального слова *скажем*, которое тоже употребляется для выражения предположения, логического рассуждения, допущения.

Глагол *шуом* в предложении выступает в роли сказуемого и обозначает действие первого лица множественного числа будущего времени: *Кыкмы но цош ке пумитамы, губи бичаськом шуом* (Чернов: 59). ‘Если оба вместе встретим, скажем, что грибы собираем’ (*шуом* – сказуемое в предложении с гипотактической конструкцией: *губи бичаськом шуом* букв. ‘грибы собираем скажем’).

Глагол *шуод* обозначает действие второго лица единственного числа будущего времени: “*Ой, нош тон шуод*”, – *возьдаськиз Даша* (Чернов: 93). “Ой, ты уж скажешь”, – *засмушалась Даша*. *Туж ке секыт, кытчы ке кушты. Кулһз шуод но тини* (Гаврилов: 207). ‘Если очень тяжело, куда-нибудь брось. Умер, скажешь и все’.

В современном удмуртском языке, особенно в разговорной речи, вместо модального слова *шуом* иногда употребляется заимствованное с русского языка модальное слово *скажем*: *и со вожо вылти лытаз'э потан но ук, пэ, лэз'о вал. ну, тан'и ныл калыкэс, скажэм, туж оз'ы над'ожной пиосйос бордын гинэ, пэ, лэз'о вал, а так уг, макэ со шоры шэд'от, пэ, шуо вал* (Кельмаков 1981: 117). ‘И вот в период вожо по вечерам не разрешали даже выходить. Ну, вот, к примеру, девушкам. Выпускали так лишь с очень надежными парнями, иначе нет, боялись, кабы не встретились со злыми силами’.

ЯРАМ (ЯРАМ КОТЬ/ ХОТЬ, ЯРАМ АЙ, ЯРАНО)

Для выражения различных оттенков согласия, подтверждения в речи выступает модальное слово *ярам* ‘ладно, хорошо’. Выражая согласие говорящего с предыдущей мыслью, слово *ярам* в некотором роде по значению приближается к утвердительной частице.

Модальное слово *ярам* отдифференцировалось от формы третьего лица единственного числа прошедшего времени глагола *яраны* ‘понравиться, нравиться; пригодиться, годиться; подойти, подходить’ – *ярам* ‘понравился, подошел’.

Слово *ярам* может выражать следующие модальные значения:

1. Полное согласие говорящего с тем, о чем идет речь:

Серге е в: Груня, татчы кин ке лыктһз, милемды юаз ке - уд тодһськы. Нокинлы но. Валаськод-а?

Груня: **Ярам**, уг куареты (Гаврилов, 2: 217).

Сергеев: Груня, если сюда кто-нибудь придет, нас спросит – не знаешь. Никому. Понимаешь?

Груня: Хорошо, не обмолвлюсь”.

Ярам, ярам, Лидия Семеновна, мон ваньзэ валай (Перевощиков, 1: 96). ‘Хорошо, хорошо, Лидия Семеновна, я все понял’.

2. Уступку, вынужденное согласие:

Сергеев: Уд кышкаськы, иське?

Груня: Монэ, нуныен муртэ, уз исалэ.

Сергеев: **Ярам**, иське. Тһ, эшъёс, мынэ, дасяське. Мон б́крсяды вуо (Гаврилов, 2: 217).

Сергеев: Не боишься, значит?

Груня: Меня, женщину с ребенком, не тронут.

Сергеев: Ну, хорошо. Вы, товарищи, идите, готовьтесь. Я следом же прибуду.

Ну, **ярам**, ќвкл ке ќвкл. Ќвклэн судэз но ќвкл (Гаврилов, 2: 211). ‘Ну, ладно, нет так нет. На нет и суда нет’. Ну, **ярам**, берло верало. Тон ќклһськод ни, лэся (Гаврилов, 3: 117). ‘Ну, ладно, потом расскажу. Ты, кажется, спишь уже’.

3. Просьбу: Огвакыт соос ма карыны ёрмыса сылһзы, но тани Телегинэз шуиз: «Ну, **ярам, ярам**, тон монэ извинить кар (Перевощиков, 1: 305). ‘Некоторые время они стояли молча, не зная, что делать, но вот Телегин сказал: “Ну, ладно, ладно, ты меня извини”. Таксиысьтыз потһ. Со но. Шуисько: «**Ярам**, мар вал – вал! Одһгзэ куриьско: пожалуйста, эн ни ветлы, монэ эскерыса». (Нянькина: 167). ‘Вышла (я) из (ее) такси. Она тоже. Говорю: “Ну, ладно, что было – было. Об одном прошу: пожалуйста, не следи, не ходи за мной”’.

4. Ограничение: «**Ярам**, тырмоз,» – вазиз юбо лъуждаез (Нянькина: 146). “Ладно, хватит”, – сказал высокий’. Визьтэм тон, Аня. Визьтэм но синтэм. Асьмелы мошен нылпиосмес пьд йылазы султытоно, нош тон...**Ярам**, тырмоз б́крдыны. Мар ке вал – вал, ќй ке вал – ќй вал (Романова: 31). ‘Дурочка ты, Аня, дурочка. Дурочка и

слепая. Нам вместе детей на ноги поставить нужно, а ты...Ладно, хватит плакать. Что было – было, а если не было – не было’.

5. Допущение: **Ярам**, *Серга, ветлы, иське* (Красильников: 197). ‘Ладно, Серега, сходи уж’. **Ярам**, *шуом, азьвыл маке вал – вал* (Перевощиков, 1: 105). ‘Ладно, скажем, раньше что было – было’. «*Со дырысен быдэс ар ортчиз уни...Тон сое кинэн ке сураськод...*» – «**Ярам**, *огнам ке луысал, цок вылэм, вунысал но, дыр, ни. Нош Гришук...*» (Нянькина: 77). “С тех пор целый год прошел уже...Ты его с кем-то путаешь...” – “Ладно, если бы одна была, ничего бы, забылось бы уже, наверно. Но Гришенька...”

Модальное слово *ярам*, сопровождаясь различными частицами, нередко способствует передаче выражения различных эмоционально-экспрессивных чувств: радости, одобрения, удовлетворения, надежды: *Со ныр вылаз корт вуго очки понһз но бумага шоры учке, собере монэ эскере. Адһисько, уг оскы. Ярам ай, паспортэ но бордам вал* (Гаврилов, 3: 514). ‘Надел он на нос очки с железным ободком и на бумагу смотрит, потом меня исследует. Вижу: не верит. Хорошо еще, паспорт с собой был’. **Ярано хоть**, *Георгий Ильич азьын Соснов сокем уг уродьяськы* (Красильников: 49). ‘Хорошо хоть, перед Георгием Ильичом Соснов так сильно не ругается’. *Шокчы...Эшишо...Мургес шокчы...Табере шокандэ кут. Так, ярам. Дһсяськы* (Красильников: 22). ‘Дыши...Еще...Глубже дыши...Теперь задержи дыхание. Так, хорошо...Одевайся’. *Юрттһз, малы ке шуоно, Лизавета конкурс пыр кз ортчы, озьы ке но, сизьыл юрфакысь студентка луиз. Ярам коть, дунне вылын сыце-сыце сюлмаськись анай-атайзы вал* (Нянькина: 106). ‘Помог, потому что Лизавета конкурс не выдержала, но, несмотря на это, осенью стала студенткой юрфака. Хорошо хоть, на свете были такие заботливые родители’. **Ярам коть**, *ул дэремен изьыны выдһ вал* (Нянькина: 82). «Ладно хоть, в сорочке спать легла было». *Нунальёс пересьёслы кузесь потыны кутскизы. Ярано, Одотья ськраз пыдвыл керттыны басьтэмез вал, а то ма карыны ёрмысал* (Нянькина: 27). ‘Дни старикам стали казаться длинными. Хорошо еще, Евдокия взяла с собой вязание, а то бы не знала, что и делать’. **Ярам коть**, *пеймыт залын цыж-горд луэм бамзэ Коля кз адһы* (Садовников: 20). ‘Хорошо хоть, в темном зале Коля не увидел зардевших щек’.

Модальное слово *ярано* – это фонетически упрощенный вариант модального слова *ярам* с частицей *но*: *ярам но – ярано*. Заимствованная из русского языка частица *хоть* в удмуртском языке выступает в двух вариантах: как в языке-источнике – *хоть*, и приспособленное под удмуртское произношение – *котъ*.

Слово *ярам* рассказчиком иногда используется как частица, служащая для перехода к продолжению повествования. При этом она ни модальные, ни эмоционально-экспрессивные значения не выражает: *Тазы пукукумы, дорам бускеле лыктһз но кжыт шыпытгес кариськыны куриз: пинальёсмы, пе, изё ни. Ми, зэм но, соя кариськымы. Юоно ке, асьтэос тодһськоды, педло бызьылыса кал быре, коридорысен пичияк серектыны но мар шедьтһськеммы, луоз. Вылаз ик – ньукыртһсь ксьёс, выж пульёс...Ярам, озы пукеммы бере мон эше доры кклыны кошки, нош Маринаен Дима мон доры ик кылызы* (Нянькина: 81). ‘Когда мы так сидели, к нам пришел (мой) сосед и попросил быть немного тише: дескать, ребяташки спят уже. Мы, и вправду, послушались его. Когда выпьешь, сами знаете, все время бегаешь в туалет, в коридоре, наверно, немного посмеялись. К тому же двери, половицы скрипят...Ладно, так посидели, и я пошла ночевать к подруге, а Марина с Димой остались у меня’. “Но...таин валче мынам но юанэ кылдһз. Тани тһ “чылкыт” шуиды. Мар-о, Петров семьяяз маке уродъяськылһз шат? Яке соослэн Соняен яратонзы пож?” – “Квкъл бен но...” – “**Ярам**, соку валэктыны тыршо” (Перевошиков, 1: 96). “Но...в связи с этим и у меня возник вопрос. Вот вы “чистая” говорите. А что, Петров разве в семье безобразничал? Или у них с Соней любовь не чистая?” – “Нет, но...” – “Хорошо, тогда постараюсь объяснить”.

Омонимичный модальному слову глагол *ярам* в предложении выполняет роль сказуемого: **Ярам** вал ини, адымилы аслыз турнаны соку ик нунал сётысалзы ке (Романова: 52). ‘Хорошо было бы уж, если бы людям для себя сено косить тогда же день предоставили’. *Кин тодэ, оло, солэн висёнэз тазы ик ортчоз, операция кулэ уз луы. Ярам, вандылытэк ик ортчысалыз ке: операция нокинлы но шумпотон уж квкъл* (Красильников: 24). ‘Кто знает, может, болезнь его так же и пройдет, операция не будет нужна. Хорошо, если бы не надо было резать: операция ни для кого не в радость’.

ЯРАЛОЗ

Синонимичным слову *ярам* выступает модальное слово *яралоз*, которое соответствует форме глагола третьего лица единственного числа будущего времени *яралоз* ‘сгодится, пригодится, подойдет, понравится’: *Вай татчы дэремдэ, аслыд ик кулыны яралоз ай!* (Нянькина: 37). ‘Дай сюда рубашку, тебе самому же для похорон пригодится еще!’

Модальное слово *яралоз* тоже употребляется для выражения согласия, одобрения, удовлетворения: “*Врачъёсмы милям туж умоесь. Яралоз-а, Риммочка?*” – “*Яралоз*”, – *шыпыртћз Римма, нош ик каллен мынектыса* (Красильников: 14). “Врачи у нас очень хорошие. Годится ли, Риммочка?” – “Хорошо”, – прошептала Римма, вновь слабо улыбнувшись”. “*Нимтулы – Николай Иванов. Нош тћ монэ Коля гинэ шуэ*”. – “*Яралоз, мон табере тћледыз Коля шуыса гинэ нимало*”, – *серектћз актриса* (Садовников: 19). “Зовут меня Николай Иванов. Но вы меня называйте просто Колей”. – “Хорошо, я теперь вас только Колей буду называть”, – засмеялась актриса’. *Нош театрад берытскыны косо бере, берытскы, Оля. Калыкъёслы шумпотон ваёд – со нянь кадь ик кулэ маке*» – «*Яралоз, Коля, театре мон берытско, выльысь сцена вылын шудыны кутско, актриса луо*» (Садовников: 95). “А если просят вернуться в театр, возвращайся, Оля. Людям радость будешь доставлять – это так же необходимо, как и хлеб”. – “Хорошо, Коля, в театр я вернусь, снова буду играть на сцене, актрисой буду”.

В удмуртском языке слова *ярам*, (*ярано, ярам ай, ярам коть/хоть, яралоз*) не зафиксированы ни как модальные частицы, ни как модальные слова. В “Удмуртско-русском словаре” они обозначены пометкой “частица утвердительная” [УРС 1983: 538]. По происхождению это слово тюркское заимствование, проникло в удмуртский язык из татарского [Тараканов 1981: 58].

В значении модального слова *ярам*, выражая согласие, одобрение, уступку, нередко выступает заимствованное с русского языка слово *ладно*: *Ну, ладно, Соснов, мон тазэ огшоры гинэ верай. Вунэт со сярись* (Красильников: 42). “Ну, ладно, Соснов, я это к слову сказал. Забудь об этом”. “*Йырийськиськод-а? Давай-давай! Ин-*

женере потӱд ке, милемыз эн кушты...” – *“Кӱткӱд али, агай, мар луоз...”* – *“Ладно, ладно, дышетскы. Кинлы мар тупатэмын та дуннеын: огезлы книга, мукетызлы лопатка. Ясно?”* (Красильников: 197). “Грызешь? Давай, давай! Как выйдешь в инженеры, нас не забывай...” – “Неизвестно еще, брат, что будет...” – “Ладно, ладно, учись. Кому что предназначено в этой жизни: одному книга, другому лопата. Ясно?”

2.6. Заимствованные слова и словосочетания в удмуртском языке

Лексика удмуртского языка, как и лексика любого другого языка, неоднородна по происхождению. Удмуртский язык, являясь одним из представителей финно-угорской языковой общности, кроме слов финно-угорского происхождения и исконной лексики, содержит в своем составе большой процент иноязычных слов – по подсчетам лингвистов, 14 – 15% [Тараканов 1992: 59].

Территория Волго-Камья, где с древнейших времен проживают удмурты, по словам профессора И. В. Тараканова, – “сосредоточие разноязычных племен и народов” [Тараканов 1981: 3]. Это способствовало тому, что удмурты вступали в различные контакты с соседними народами. И в таких условиях, наряду с культурно-экономическим обменом, естественным образом проходил процесс освоения языков и заимствования иноязычных слов. Заимствование – это “элемент чужого языка..., перенесенный из одного языка в другой в результате контактов языковых, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой” [ЛЭС: 158]. Исследователь иноязычной лексики в мордовских языках Н. В. Бутылов отмечает: “Одним из необходимых условий, вследствие которого происходит заимствование слов, является двуязычие. Иноязычное слово сначала употребляется в среде двуязычно говорящих людей, а затем получает более широкое распространение” [Бутылов 2006: 9].

Проблеме изучения иноязычной лексики в современном удмуртском языке посвящены работы Б. А. Серебренникова [1983], И. В. Тараканова [1981, 1992], В. К. Кельмакова [1981, 1986], Р. Ш. Насибуллина [1999], М. Г. Атаманова [1988, 1997] и других ученых, но отдельных трудов, посвященных изучению заимствованных модальных слов, до настоящего времени не было.

И. В. Тараканов в книге “Иноязычная лексика в современном удмуртском языке” приводит примеры заимствованных из тюркских языков модальных слов: *керек* ‘может быть, наверное’, *дыр* ‘наверное’, *арна* ‘наверное’, *эсьмаса* ‘по крайней мере’. Однако для большинства носителей удмуртского языка данные заимствования из тюркских языков не соотносятся со значениями знаменательных слов, от которых они отдифференцировались. Поэтому трудно их отнести к модальным словам, скорее всего, они воспринимаются как модальные частицы.

Наряду со словами индоиранского, индоевропейского, тюркского и пр. происхождений, в лексике удмуртского языка ученые выделяют целый пласт русских заимствований. По мнению Р. Ш. Насибуллина, “в удмуртском языке по сравнению с другими заимствованиями русские лексические заимствования по количеству теперь занимают первое место” [Насибуллин 1999: 5].

Как свидетельствуют историки и лингвисты, русские племена на территории нашего края стали появляться с XII – XIII веков, а активный контакт с ними стал осуществляться примерно со времени вхождения удмуртов в состав России – с XVI века [Кельмаков 1976; Насибуллин 1999].

Однако, как показывают результаты изучения трудов, посвященных русским заимствованиям в удмуртском языке, по исследуемой нами проблеме специальных наблюдений не проводилось, и лишь несколько примеров заимствованных модальных слов приводятся в «Грамматике современного удмуртского языка» [1962: 368, 370]. Р. Ш. Насибуллин в своей докторской диссертации, посвященной изучению русских заимствований, приводит несколько заимствованных модальных слов: *видно* (с.29), *может быть* (с.105), *может* (с. 105), *например* (с. 188) [Насибуллин 1999].

Наблюдения показывают, что в разговорной речи очень часто используются заимствованные из русского языка модальные слова. А каков же их количественный состав, какова частотность употребления в речи? В силу каких причин заимствуются русские модальные слова? Какие значения они вносят в высказывание? Возможна ли их замена соответствующими удмуртскими модальными словами и частицами?

Вопросы эти немаловажные для изучения природы и функционирования заимствованных русских модальных слов, и поэтому мы поставили перед собой задачу

выявить количественный состав и сферу употребления русских заимствованных модальных слов.

В ходе исследований нам удалось выявить ряд заимствованных из русского языка модальных слов. Наиболее часто встречаются такие модальные слова, как: *может/ можот, можот быть, пожалуй, поди, незнай, положим, интересно, допустим, конечно/ конечно, соглаш, надеюсь, безусловно, видно, наверно, стало быть, значит, само собой, видимо, правда.*

Анализ толковых словарей русского языка показал, что большая часть приведенных выше модальных слов представлена в качестве вводных без указания их модальности. Можем ли мы в таком случае считать их модальными словами русского языка?

Профессор Е. М. Галкина-Федорук на этот счет имеет следующее мнение: “На основе близости функции отождествляют модальные слова с вводными словами и вводными предложениями” [СРЯ 1952: 405], а в “Лингвистическом энциклопедическом словаре” отмечено, что “субъективная модальность реализуется специальным лексико-грамматическим классом слов”, которые “обычно занимают в составе высказывания синтагматически автономную позицию и функционируют в качестве вводных единиц” [ЛЭС: 303]. В “Грамматике современного удмуртского языка” о роли вводных слов в предложении говорится, что их основная функция – это “выражение отношения говорящего к высказываемой мысли” [ГСУЯ 1970: 233].

Таким образом, модальные слова в высказывании выделяются интонационно и являются вводными единицами. Отсюда мы можем составить суждение о рассматриваемых словах как о заимствованных модальных словах.

Рассмотрим далее на примерах, какие значения выражают заимствованные модальные слова, какие из модальных слов чаще используются в речи.

1. Модальное слово *безусловно* передает значение уверенного утверждения, подтверждения; говорящий с помощью этого модального слова может выразить также свое полное согласие. По значению оно близко к словам *конечно, без сомнения*. В русском языке восходит к наречию и является омонимом наречию *безусловно*:

“*Ти мыным юрттоды, дыр?*” – “*Как же, как же, Зочка, безусловно*”, – вазиз Павел Тимофеевич, ини машина доры вамыштыса (Перевошиков: 412). “Вы мне поможете?” – “*Как же, как же, Зочка, безусловно*”, – откликнулся Павел Тимофеевич, подходя к машине.

Данному модальному слову не удалось подобрать идентичного удмуртского модального слова. Отсюда можно сделать вывод, что слово *безусловно* заняло свое место в ряду удмуртских модальных слов для выражения уверенного утверждения, полного согласия. Модальное слово *безусловно* в удмуртский язык слово вошло без каких-либо фонетических изменений.

2. Модальное слово *видно* придает высказыванию значение возможности, предполагаемой достоверности. В русском языке оно однотипно со словом категории состояния. По значению близко к словам *по-видимому, наверно*, а в удмуртском языке ему соответствует модальное слово *шкӧдске*:

Давай-ко, Яковлич, одӥзэ жадем вылад, – чарказэ тырмытыса, нырысь ик Костязе сӥлы кариэ Павел Тимофеевич. – А то, видно, та сюресэн сӥрен мылкыдыд ик шонӥамын (Перевошиков: 413). “Давай-ка, Яковлич, по одной за усталость, – наполнив стопку, вначале он Костю уважил. – А то, видно, вовсе испортилось твоё настроение из-за такой дороги”. *Ма, калыклэсь но, видно, туж возьыт луиз* (Перевошиков: 471). ‘Да и перед людьми, видно, стыдно стало очень’. *Тон мар? Детсад-а, мар-а кожаськод татын? Видно, ужед кӧкл, таӝе шудонӥёсын выриськод бере!* (Гаврилов: 606). ‘Ты что? Думаешь, детсад тебе здесь? Видно, у тебя нет никаких дел, коли в такие игры играешь!’

Заимствованное модальное слово *видно* активно функционирует в удмуртском языке наряду с идентичным с ним удмуртским модальным словом *шкӧдске*. В разговорной речи слово *видно* подвергается фонетическому преобразованию:

аз'лон вэд' улил'л'ам улынгэс, прут котырын, сойин ик со интыйӥз “вужгурт” шуо ал'и но. сӥрэ, винно кэ, вылӥгэс тубил'л'ам (Кельмаков 1998: 205). ‘В прошлом ведь жили чуть пониже, вокруг пруда, поэтому то место и сейчас называют Старой Деревней. Затем, по-видимому, поднялись чуть повыше’.

3. Модальное слово *видимо* близко по значению к слову *видно*, оно также придает высказыванию значения предполагаемой достоверности, близкой к уверенности. Говорящий также этим словом может выразить, что он не является очевидцем, а передает чужую мысль. По происхождению восходит к причастию. В удмуртском языке ему близки, но не идентичны по значению слова *вылды*, *озьыен*, в русском – *оказывается*, *по-видимому*:

Во-от, видимо, в чем дело? Ну, Овчинников! Ну, шедӱськод кадь (Перевошиков: 362). ‘Во-от в чем, видимо, дело? Ну, Овчинников! Ну, кажется, попался!’ *Правда, нокин дӱне уг мын, лэся. А вот дораз возьманы, видимо, пумит кӱкл. Значит, лытцук нуоно-ваёно луоз* (Перевошиков: 398) ‘Правда, ни к кому не идет, видно, а вот дома водиться, видимо, не против. Значит, по утрам и вечерам надо будет приводить и забирать’.

Во втором сложном предложении субъективная модальность в первой части выражена посредством модального слова *правда*, модальной частицы *лэся*, а во второй – модальным словом *видимо*. Как мы уже отмечали, модальному слову *видимо* невозможно подобрать полностью соответствующего по значению удмуртского модального слова.

4. В приведенном выше примере употреблено еще одно заимствованное модальное слово *правда*, которое выражает уверенное подтверждение говорящего, но в данном примере в сочетании с частицей *лэся* придает высказыванию значения уступки и некоторой доли неуверенности в высказываемой мысли. Кроме того, модальная частица *лэся* указывает еще и на то, что это утверждение принадлежит какому-то другому лицу.

По происхождению слово соотносится с существительным *правда*. В удмуртском языке ему по значению близко модальное слово *зэм*.

5. Модальное слово *значит* служит для передачи уверенности говорящего, а также совмещает в себе значение вывода, следствия из вышеизложенного. По этой причине академик В. В. Виноградов отмечает, что это слово и подобные ему по своей функции близки к союзам: “Отдельный разряд образуют модальные слова и словосочетания, выражающие отношение содержания какого-нибудь отрезка речи к

общей последовательности мыслей в ходе высказывания. Эти модальные слова по своей функции близки к союзам. Однако модальные слова этого типа выражают не соотношение связываемых синтаксических единиц, а обозначают разные виды логического или экспрессивного отношения последующей мысли к предшествующему сообщению. Они характеризуют субъективную манеру перехода от одной мысли к другой” [Виноградов 1947: 739]. К таким словам, в числе других, академик относит модальное слово *значит* и модальное словосочетание *стало быть*.

Несколько иные взгляды на природу названных модальных слов у профессора Е. М. Галкиной-Федорук. Ссылаясь на мнение академика В. В. Виноградова, она утверждает следующее: “Вряд ли можно считать модальными словами такие слова и словосочетания, которые выражают отношения содержания какой-либо части речи к последовательности мыслей в ходе высказывания. Академик Виноградов совершенно правильно указывает, что подобные слова по своей функции близки к союзам, хотя и не служат выражением простой связи мыслей, а высказывают еще и добавочный смысл характера этой связи последующей мысли и предыдущей, например: *значит, стало быть* и др.” [СРЯ 1952: 409]. Однако нам кажется, что слова *значит* и *стало быть* в удмуртском языке совмещают в себе значение модальности (уверенность говорящего, его выводы, умозаключение) и выражение общей последовательности мыслей в ходе высказывания. Примеры:

Но главноез – главноез! – отñяз ай. Асьмеос ведь трудовой книжкад но озбыик гождом: ас мылкыд каремезъя. Стало быть, котькытчы Интыяськы, нокытын, нокин пал кыл но уз вера, шумпотыса кутозы. Значит, выль ужад квартира лаянь но таце шуг-секытъёс уз кылдэ (Перевощиков: 449). ‘Но главное – главное! – еще впереди. Мы ведь и в трудовой книжке твоей так и напишем: по собственному желанию. Стало быть, куда хочешь устраивайся, нигде, никто ни слова не скажет, с радостью возьмут. Значит, на новом месте и по квартирному вопросу не будет никаких трудностей’. *Сыце статья мозмытэм муртлы табере мукет уже но интыяськыны секыт. Тожо учкозы ай. Стало быть, квартира сярысь веранэз но кэкл ни* (Перевощиков: 447). ‘Уволенному по такой статье теперь на другую работу устроиться трудно. Тоже посмотрят еще. Стало быть, о квартире нечего и говорить’.

Юртъеред умой, пудо-животэд вань, музъем кутӥськод, стало быть, тон юн вор-горон, тынэсьтыд выт но уногес кысконо (Гаврилов: 45). ‘Хозяйство твое крепкое. Скотина водится, земли держишь, стало быть, ты крепкий хозяин, с тебя и налоги надо взимать больше’.

Модальным словам *значит* и *стало быть* по своему значению в русском языке соответствует модальное слово *следовательно*, а в удмуртском – модальное слово *озьыен*.

Слово *значит* восходит к глаголу *значить*, а сочетание *стало быть* – “безлично-глагольное сочетание” [Виноградов 1947: 735]. Слова *значит* и *стало быть* в удмуртском языке активно употребляются для выражения модальности наряду с соответствующим им удмуртским модальным словом *озьыен*. В разговорной речи встречается фонетический вариант *зна·читсы: соос ныу д’уаны лыктил’л’ам вылэм, зна·читсы, монэ* (Кельмаков 1998: 258). ‘Те приехали, оказывается, свататься, значит, [сватать] меня’.

6. Модальное слово *допустим* придает высказыванию значение предположения, не совсем уверенного подтверждения, допущения возможности, кроме того, это модальное слово совмещает в себе значение логического рассуждения в ходе мыслей:

Вае тунаськыса ум улэ, Роман Петрович. Соин ик тазыы учком. Допустим, выговор лякызы. Ну... шуом, юись адямиез ас мылкыд каремезъя мозмытэме понна. Во-от. (Перевошиков: 480). ‘Давайте не будем гадать, Роман Петрович. Поэтому так посмотрим. Допустим, мне влили выговор. Ну... скажем, за то, что алкоголика уволил по собственному желанию. Во-от’. *Так вот, мар шуыны турттӥсько вал мон. Допустим, выговор. Мыным со пӥсь но, кезыт но кӥкл* (Перевошиков: 480). ‘Так вот, что я хотел сказать. Допустим, выговор. Мне от этого ни жарко, ни холодно’.

Модальное слово *допустим* придает высказыванию значение допущения, возможности и логического рассуждения. По происхождению оно восходит к глаголу *допустить*. В удмуртском языке ему соответствует модальное слово *шуом* ‘скажем’.

7. К модальному слову *допустим* близко по значению слово *положим*, также глагольного происхождения. Высказыванию придает значение предположения, допущения, возможности, неуверенного утверждения, к слову сказанной мысли:

*Ну, типография, **положим**, ответственной секретарьлэн ужез* (Перевошиков: 210). ‘Ну, типография, положим, дело ответственного секретаря’.

В данном примере это модальное слово обозначает «рассудочную, логическую оценку сообщения» [Виноградов 1947: 739]. В удмуртском языке ему также соответствует слово *шуом*.

8. Модальное слово *пожалуй* выражает значение допущения возможного, склонности согласиться, неуверенного согласия, предположения, вероятности, а также «эмоционально-волевого отношения говорящего лица к предмету сообщения» [Виноградов 1947: 739]:

***Пожалуй**, горгазэ жингыртоно* (Перевошиков: 321). ‘Пожалуй, в горгаз надо позвонить.’ *Нош туннэ, **пожалуй**, берт но шутэтскы* (Перевошиков: 440). ‘А сегодня, пожалуй, иди домой и отдохни’. ***Пожалуй**, вераса кельтоно, а то умойтэм луоз* (Перевошиков: 278). ‘Пожалуй, надо предупредить, а то нехорошо будет’. *Пксь чай, **пожалуй**, юо, – Сергей, койка вылысь султыны турттыса, вырыны кутскиз* (Гаврилов). ‘Горячий чай, пожалуй, выпью, – Сергей зашевелился, пытаюсь встать с кровати’. *Визьмо со вераськиз. Суро-пожо ке но, трос интереснойзэ вераз. **Пожалуй**, записной книжкае гожтоно луоз* (Гаврилов: 655). ‘Умно он говорил. Хотя и сумбурно, но все же много интересного рассказал. Пожалуй, надо будет в записную книжку занести’.

В последних двух примерах модальное слово передает значение уверенности говорящего в намерении выполнить действие.

Как видно из примеров, данное модальное слово в предложении выступает в функции вводного слова, но, кроме того, выявлен случай, когда это слово выступает в функции слова-предложения:

*«Тае бен, отец Миколай, татцы пыртатэк нэ уз-а яра? Бадӟым ини. Педло потӥм ке, кынмоз, поди? Ымнырзэ нэ пылаты но вот». – «**Пожалуй**, – бозыртӥз пыдкупыриозяз тӥдӧы ул дэремен поп». (Перевошиков: 133). “А его, отец Миколай,*

обязательно сюда окунать? Большой ведь уже. А на улицу выйдем, замерзнет, поди? Лицо только ополосните и вот”. – “Пожалуй, – пробасил поп, до пят облаченный в белую ночную рубаху”.

В удмуртском языке слову *пожалуй* соответствуют модальные частицы *дыр*, *лэся*, в диалектах *арна*, модальное слово *вылды*, однако не всегда слово *пожалуй* можно заменить ими, например, в функции слова-предложения ни одно из этих соответствий не может выступить.

По происхождению слово восходит к форме повелительного наклонения глагола *пожаловать* [Гвоздев 1973: 410].

9. Модальное слово *поди* используется для передачи уверенного предположения:

Айдате, пкй, ужантһяз ветлом, поди, отысь шедьтом (Перевощиков: 386). ‘Айдате, мол, на работу к нему ходим, поди, там найдем’ «*Дусымезлэн, поди, квартираез умой но, вот и...*» (Перевощиков: 387). ‘У любовницы, поди, квартира хорошая, вот и...’

В удмуртском языке слову *поди* соответствуют частицы *оло*, *дыр*. Модальное слово *поди* в предложении функционирует в роли вводного слова, поэтому обособляется. Но нами обнаружено слово, очень близкое к слову *поди* и по звучанию, и по смысловому употреблению:

Комната пушказ учкалтыса, Надя но ма карыны ньудһзгес, лэся, ёрмытак солань-талань утчаськиз: «Таос дһне буди?» (Перевощиков: 382). ‘Оглядев комнату, и Надя, кажется, не нашлась, с беспокойством туда-сюда посмотрела: “К ним, поди?”’

В данном предложении слово *буди* употребляется для выражения предположения, близкого к сомнению. В тексте почему-то не выделено запятой, но это, скорее всего, опечатка. Модальное слово *поди* функционирует в языке параллельно с частицами *дыр* и *оло*, частотность употребления которых очень высока: соответственно 384 и 479 случаев в романе Г. Перевощикова «Йквалег».

10. По одному примеру удалось выявить заимствованные модальные слова *надеюсь* и *наверно*. Слово *надеюсь* передает значение уверенности говорящего, его надежды, желания в осуществлении мысли:

*Лым луиз ке, ладно. Созэ, **надеюсь**, цукна визнанэн но кутом.* (Перевощиков: 412). ‘Если уха будет, ладно. Ее (рыбу), надеюсь, утром на удочку поймает’.

По происхождению слово восходит к глаголу *надеяться*. В удмуртском языке ему соответствуют глаголы *оскисько* (верю) и *малпасько* (думаю), которые в речи все чаще употребляются в функции модальных слов.

Модальное слово *наверно* выражает значение предположения, вероятности, допущения:

***Наверно**, эшъёсыдлы, тодмоосыдлы вазиськылӧ.* (Перевощиков: 428). ‘Наверно, к друзьям, к знакомым обращался’.

11. В произведениях удмуртских авторов выявлено несколько примеров, указывающих на переход в разряд модальных слов в удмуртском языке наречия *интересно*. В словарях русского языка данное слово не указывается ни как модальное, ни как вводное. В русской грамматике, например, в пособии «Современный русский язык» слово *интересно* рассматривается как слово категории состояния, «выражающее интеллектуальное состояние», и указывается, что “в сложном предложении выполняет роль сказуемого в главном безличном предложении” [СРЯ 1952: 400].

Однако примеры показывают, что данное слово передает предположение говорящего, его рассуждение в возможности высказываемой мысли. В удмуртском языке модальное слово *интересно* употребляется в вопросительных предложениях. Примеры:

***Интересно**, валаськод меда ачид, та повестед нкзъгес шуыса?* (Перевощиков: 216). ‘Интересно, а сам понимаешь ли ты, что повесть твоя «сырая»?» ‘

В «Грамматике современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения» в разделе о вводных словах и предложениях приведены примеры с заимствованными вводными словами, где в числе других имеется и слово *интересно*: “В функции вводных слов употребляются также заимствованные слова из русского языка (значит, пожалуй, пожалуйста, конечно, интересно, может, понимаешь и др.)”

[ГСУЯ 1970: 238]. Значит, нам можно выдвинуть гипотезу о преобразовании слова категории состояния в русском языке в модальное слово в удмуртском языке в результате освоения слова. В самом деле, по определению сложного предложения, “входящие в его состав отдельные предложения не обладают самостоятельностью и законченностью и представляют собой взаимосвязанные и дополняющие друг друга элементы целого сложного предложения” [Гвоздев 1968: 199]. В таком случае проследим, изменится ли целостность предложения, если лишить его модального слова. Сравните: “*Интересно, Надя сое тодэ-а, уг-а?*” (Перевошиков: 385). ‘Интересно, Надя знает ли это или нет?’ и “*Надя сое тодэ-а, уг-а?*” – ‘Надя знает ли это или нет?’

Как видим из примеров, смысл высказывания изменился только в выражении субъективной модальности, а целостность предложения не нарушилась. Таким образом, нам кажется возможным считать слово *интересно* модальным в удмуртском языке.

В предложениях с модальным словом *интересно* предположение говорящего выражается также и с помощью вопросительных частиц *-а* и *меда*.

12. Модальное слово *соглаш* является вариантом русского краткого прилагательного *согласен*. В удмуртском языке слово подверглось фонетическим изменениям и выступает в форме *соглаш*. При этом его лексическое значение сохранилось. Оно выражает значение согласия, уверенного утверждения. Выявлен один пример употребления этого слова:

Мон тонэ шонере уг поттӱськы, Сергей Демидович. Соглаш, кӱ ке кошкысалды, Борисмы туннэ но пӱламы луысал, дыр (Перевошиков: 343). ‘Я тебя не оправдываю, Сергей Демидович. Согласен, если бы не ушли, Борис, возможно, и сегодня был бы с нами’.

Следует обратить внимание в данном примере на то, что в этом предложении модальность передается двумя словами: с одной стороны, утверждение – *соглаш*, с другой, – предположение, выраженное модальной частицей *дыр*. Поэтому можно отметить, что здесь мы имеем значение предположительного согласия или согласия с оговоркой. В удмуртском языке модальному слову *соглаш* близко по значению модальное слово *валамон*, *зэм*, но только в какой-то степени. Полностью соответ-

ствующего данному модальному слову для выражения предположительного согласия в удмуртском языке нет. Поэтому мы можем сказать, что слово *соглаш*, как и слово *интересно*, занимает свою нишу в ряду удмуртских модальных слов.

13. В разговорной речи встречается словосочетание *само собой*, выражающее “понятие вероятности утвердительно” [СРЯ 1952: 407], значение “не имеет никакого сомнения, безусловно, конечно” [Фразеологический словарь русского языка 1967: 407]. Нами выявлен один пример использования данного заимствованного словосочетания, выступающего в функции слова-предложения в диалогической речи:

“Иське, нокыце тушонкаос но, горд чорыг но, колбаса но кй вал?” – “Само собой, Роман Петрович, само собой”. (Перевошиков: 478). “Значит, никаких тушеноч, красной рыбы, колбас не было?” – “Само собой, Роман Петрович, само собой”.

В удмуртском языке ему соответствует утвердительная частица *бен*, однако эта частица не полностью передает тех оттенков значений, которые совмещаются в модальном словосочетании *само собой*. Следовательно, и это сочетание способствует обогащению состава модальных слов в удмуртском языке.

Данное модальное сочетание по происхождению восходит к сочетанию определительного и возвратного местоимений.

14. Наиболее употребительным заимствованным модальным словом, выражающим уверенность говорящего, является слово *конечно* / *конечно*. Оно окончательно закрепило за собой модальную функцию, употребляется только в роли вводного слова или слова-предложения, утверждающего реальность мысли предыдущего высказывания.

Заимствованное модальное слово *конечно* в художественной литературе встречается в двух фонетических вариантах: *конечно* и *конешно*. Употребляется во всех типах предложений, может относиться ко всему предложению или только к его части:

Ну, мон, конешно, оскисько тыныд (Перевошиков: 449). «Ну, я, конечно, верю тебе». «*Мукетъёсыз со интыын кышкасалзы, конешно, – ассэ кужмысь мышласянь донгыса выллем, азылань вырныз Костя. – Асьсэлэн йырзы дуногес потысал*» (Пере-

вощиков, 1: 450). ‘Другие на его месте трусили бы, конечно, – заставляя идти себя вперед через силу, тронулся вперед Костя. – Своя голова показалась бы дороже’.

Кроме того, модальное слово *конечно* придает высказыванию значение уступки, допущения с добавочным значением утверждения:

Да-а... Огласянь, конечно, мон тонэныд соглаш, но мукет ласянь...нош ик мултэс пксектэмедлэн емышез кадь та (Перевощиков: 388). ‘Да-а... С одной стороны, конечно, я с тобой согласен, но с другой стороны...это как будто результат твоей излишней эмоциональности’. *Соиз, конечно, асьтэлэн ужды, но одно гождтоно ке ини, милемлы уд ке оскиське, мон тһледлы «Литературной газетэ» вазиськыны дэмласал* (Перевощиков: 311). ‘Это, конечно, ваше дело, но если уж обязательно надо написать, если нам не доверяете, я бы вам посоветовал обратиться в «Литературную газету»’.

Модальное слово *конечно/конечно* в разговорной речи нередко употребляется и в функции слова-предложения:

Нош утылскыны цош ветлһм ке? Ну конечно! Цошен кема-а ма! (Перевощиков: 397). ‘А если прибираться вместе будем ходить? Ну конечно! Вместе долго ли!’

В этом примере «*Ну конечно!*» – восклицательное предложение, указывает на полную уверенность говорящего в высказываемой мысли. В удмуртском языке ему близки по значению слова *мазэ веранэз, бен, тодмо ини* (что и говорить, да, известно уж). Однако не всегда возможна замена слова *конечно* удмуртским вариантом.

15. Довольно частым по употреблению в удмуртской разговорной речи является и модальное слово *может* с вариантом *можот* и словосочетание *может быть/можот быть*. Данное модальное слово и словосочетание выражают неуверенное подтверждение, вероятность, возможность: *Кылзы-ай, соку, можот... лэзём сое? Раз уг яра... А?* (Перевощиков: 407). ‘Послушай-ка, тогда, может... отпустим его? Раз нельзя... А?’ *А, можот, Танюшка так гинэ кызэ?* (Перевощиков: 433). ‘А может, Танюшка просто так кашляет?’ *Можот, таре нокинэн пумиськылыны, нокинэн вераськыны уг лу ни?* (Перевощиков: 424). ‘Может, теперь ни с кем и встречаться, ни с кем поговорить уже нельзя?’ «*Можот быть, можот быть...*» – *ас понназ выллем гинэ шуиз со, чалмытэз кылыса* (Перевощиков: 368). ‘Может быть, может

быть...” – словно про себя сказал он, вслушиваясь в тишину’. В этом предложении сочетание *можот быть* выступает в функции слова-предложения.

В удмуртском языке сочетанию *можот быть* соответствия нет, а слову *можот* соответствуют модальные частицы *дыр, оло*. По происхождению относится к глагольному сочетанию *может быть*.

16. В разговорной речи также встречается модальное слово *незнай*, выражающее сомнение, нерешительность, предположение:

Незнай, кытӥяз югыт тылсиослэсь ортчыт пеймыт вужеръёс син шоры йӧктылогес кадь (Перевощиков: 221). ‘Непонятно, иногда яснее светлых вспышек перед глазами проходят темные тени’. *Дак, незнай, учкисько ке, тон сякой сьӧд лушьёсын ӧыгыръясъкыны косод на!* (Перевощиков: 227). ‘Дак, если посмотрю, ты меня заставишь еще со всякими обниматься!’

В данном примере невозможно подобрать идентичный вариант перевода слова *незнай*. По происхождению это слово восходит к отрицательному глаголу *не знаю*. В удмуртском языке слово подверглось фонетическому преобразованию. Отрицательный глагол *не знаю* в русском языке не употребляется в качестве модального слова и не выступает в предложениях в функции вводного слова. Но в любом случае слово *незнай* заимствовано из русского языка, и модальным оно стало уже в удмуртском языке в результате переосмысления и изменения его функции в предложении. В приведенных выше примерах модальное слово *незнай* не может быть заменено соответствующим глаголу *не знаю* в удмуртском языке выражением *уг тодӥськы*. В удмуртском языке ему соответствует модальное слово *кӧйтӧд*.

Итак, мы рассмотрели случаи употребления заимствованных из русского языка модальных слов. Для выявления частотности употребления заимствованных модальных слов наряду с исконными модальными словами были проанализированы произведения двух авторов: роман «Йӧвалег» Г. К. Перевощикова и роман-трилогия «Вордиськем пальёсын» И. Г. Гаврилова. В таблице № 2 представлена частотность употребления заимствованных модальных слов у этих авторов в сравнении.

Таблица 2.

Частотность употребления заимствованных модальных слов в произведениях Г. Перевощикова и И. Гаврилова

	конечно	может/может	может быть	видно	значит	пожалуй	интересно	незнай	поди	стало быть	видимо	само собой	правда	значит	соглаш	безусловно	наверно	допустим	надеюсь
И.Гаврилов «Вордиськем пальёсын»	14	1	-	1	-	3	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Г. Перевощиков «Йовалег»	149	23	2	9	3	10	6	2	19	2	2	2	1	3	1	1	1	2	1

Как видно из таблицы, наибольшее количество случаев употребления заимствованных модальных слов встречается в романе Г. Перевощикова – всего 239 примеров из общего числа использованных модальных слов в произведении (1101), а у И. Гаврилова – 20 примеров из 213. Данный подсчёт наглядно демонстрирует, что заимствованные из русского языка модальные слова заняли свою определённую нишу в ряду модальных слов в удмуртском языке. Здесь необходимо заметить, что и в марийском языке зафиксированы многие из рассмотренных модальных слов: модальные слова категорической достоверности *вернак, верне, конешне*; гипотетические модальные слова *витне, можыч, наверне, пожале*. [Анисимова 2007: 11 – 12].

Однако в своём исследовании О. В. Анисимова не отметила их как заимствованные слова из русского языка.

Анализ употребления героями произведений заимствованных модальных слов также показал, что в романе «Йќвалег» автор модальные слова использует не только для выражения модального отношения к высказываемой мысли, но и в качестве средства персонизации героев. Подобную мысль находим и у Н. В. Бутылова: “Помимо чисто утилитарных функций точного обозначения внешнекультурного элемента и ориентации адресата в область определенной иноязычной культуры, заимствования несут в себе элемент национального колорита, внешнекультурную коннотацию, ...иноязычные вкрапления ... употребляются окказиально в устной и письменной практике в силу моды, создания эффекта национального колорита” [Бутылов 2006: 9].

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы: заимствованные модальные слова активно употребляются в речи наряду со словами исконного происхождения; они способствуют обогащению речи в плане способов выражения субъективного отношения к действительности. Очевидно также, что пополнение состава модальных слов в удмуртском языке происходит как за счет собственных лексических ресурсов (перехода знаменательных слов в модальные вследствие их «семантического усыхания» – утери их лексического значения и употребления в речи в иной грамматической функции), так и за счет заимствования из русского языка.

Глава 3. Модальные словосочетания и вводные конструкции в удмуртском языке

Для выражения модальности высказывания, наряду с модальными словами, в удмуртском языке используются и модальные словосочетания. Словосочетание (в прямом значении) представляет собой “сложное (но расчлененное) наименование предметов, явлений, процессов...” [ГСУЯ 1970: 6]. В отличие от этого понимания, модальные словосочетания так же, как и модальные слова, лишены номинативной функции и синтаксической роли члена предложения. Они способствуют выражению субъективного отношения к высказываемому. Например: *Кйткд, Рина. Зэмзэ вераса, чидантэм вксъ но вал, йыркуръяськылъ но* (Перевощиков, 1: 287). ‘Не знаю, Рина. По правде говоря, и нестерпимо больно было, и обижался я’.

Сочетание *зэмзэ вераса* здесь не служит обозначением добавочного действия к сказуемому, а служит для выражения уточнения, внесения ясности в высказываемую мысль. В следующем примере: *Кин тодэ, ккня озьы жолмаса выллем сьлӥз* [Там же, с. 21] ‘Кто знает, сколько он так стоял, словно оцепенев’ сочетание *кин тодэ* не предполагает прямого вопроса и ответа на него, а служит для выражения предположения. Этим – общностью функций в высказывании – модальные словосочетания приближаются к модальным словам.

Как видно из примеров, значение модального словосочетания складывается из конкретных значений входящих в него компонентов и в целом служит для выражения модальности. У модальных словосочетаний мы тоже наблюдаем генетическую связь с сочетанием слов в прямом значении.

В имеющихся немногочисленных трудах, посвященных изучению проблемы выражения языковой модальности, последнему уделено незначительно внимания. Связано это, по-видимому, с тем, что, как отмечают многие лингвисты, место модальных слов и лексико-грамматические пределы этого разряда слов до сих пор неясны и не вполне определены [В. В. Виноградов, Е. М. Галкина-Федорук, Н. Е. Петров, М. Р. Федотов, А. Н. Гвоздев и др.]. По словам О. В. Агуца, “по своим функциям модальные словосочетания сближаются с модальными словами” [Агуца 1998: 8].

В связи с этим в разряд модальных слов включают и устойчивые словосочетания (например, в русском языке: *может быть, стало быть, должно быть и др.*) и сочетания слов, сохраняющие обычные их значения (*по моему мнению, по сообщению синоптиков, по уверению техника и др.*) [Гвоздев 1968: 411]. Первая группа устойчивых модальных словосочетаний по своему значению очень тесно примыкает к категории модальных слов, поскольку, как указывает А. Н. Гвоздев [Там же, 410], происходит их лексикализация и некоторые из таких сочетаний в процессе живой разговорной речи подвергаются эллипсии: *может быть – может, по моему мнению – по-моему*; или происходит их фонетическая деформация: *стало быть – стал-быть, может быть – можбыть*.

Вторая группа словосочетаний с модальным значением дает широкую возможность для выражения модальности высказывания, поскольку в этих вводных сочетаниях каждое слово, выступая в своем лексическом значении, свободно и может быть заменено в других предложениях соответствующими высказыванию другими словами (например: *по сообщениям синоптиков, по сообщениям СМИ, по сообщениям надежных источников и др.*)

Поскольку в удмуртском языкознании вопрос о средствах выражения модальности высказывания до сих пор детально не разработан, нам кажется необходимым сделать подробный анализ модальных словосочетаний в удмуртском языке в количественном, лексико-грамматическом, структурно-семантическом аспектах.

В ходе исследований за выражением языковой модальности в произведениях удмуртских писателей, а также в ходе наблюдений за живой разговорной речью нам удалось выявить следующий ряд модальных словосочетаний, или, по словам академик В. В. Виноградова, идиоматизмов [Виноградов 1947: 736]: *кин тодэ, мар шуод / ма шуод, номыр уд шуы, мар карод, соиз зэм, асьтэос тодӱськоды, ачид валаськод, шуг вераны, потэ мыным, шуо вал ук, мецак верано ке, шонерак верано ке, зэмзэ верано ке, зэмзэ вераса, шонерзэ вераса, шонергес вераса, шонерак вераса, мецак вераса, вакчияк вераса, огкылын вераса, огсямен вераса, оглом вераса, огъя вераса, кӱжытсэ вераса, котьма ке но, соиз валамон, веранэз кӱкл, шуэм сямен, мон сямен,*

мынам малпамея, калык мадемъя, асьтэос шуэмзэ, озьы бере, озьыез озьы, инмар понна, тыл понна, тани та шундые.

Для выявления природы модальных словосочетаний обратимся к трудам русских языковедов. Как отмечает В. В. Виноградов, модальные отношения “выражаются не только грамматическими формами глагола или особыми формальными показателями. Они могут выражаться также своеобразным “вводным” использованием как форм разных частей речи, так и целых синтагм или даже предложений”. “Понятно, — пишет он далее, — что многие слова и даже вводные словосочетания и «предложения», обозначающие отношения предложения или частей его к реальности, могут превратиться в частицы и грамматикализироваться, т. е. они становятся простыми грамматическими выразителями модальности предложения, лишенными лексической самостоятельности и раздельности” [Виноградов 1947: 725]. Из этой цитаты мы видим, что модальными могут становиться словосочетания и даже предложения.

Вопрос о происхождении модальных словосочетаний в русском языкознании волновал многих лингвистов еще с XIX века. А. Х. Востоков в “Русской грамматике” писал о вводных предложениях: “Между частями главного предложения может вставлено быть особое предложение, называемое вводным, которое не привязывается местоимениями или союзами к главному предложению и может быть опущено без нарушения смысла: напр.: Он, я думаю, скоро возвратится. Мы, вероятно, увидим его” [Востоков 1831: 229]. А Д. Н. Овсянико-Куликовский вводные слова и сочетания рассматривал как “часть неоконченного, недоговоренного предложения, от которого осталась та или иная часть, иногда превращаясь в частицу” [см. об этом: В. В. Виноградов 1947: 727]. В своих трудах акад. В. В. Виноградов анализирует взгляды языковедов на происхождение модальных слов и словосочетаний. Так, он пишет, что в учении Потебни вводные слова изображались как вводные предложения или как остатки вводных предложений. Взгляды А. М. Пешковского на процесс изменения “предложений, вставленных в середину других предложений, но не соединенных с ними грамматически”, пишет В. В. Виноградов, сводятся к тому, что “чем короче такое выражение и чем чаще оно употребляется, тем больше теряет оно свое

первоначальное значение”. Однако, пишет далее В. В. Виноградов, сам А. М. Пешковский утверждал, что “неверно было бы считать такие одиночные слова и сочетания предложениями, хотя бы неполными”. Но сам академик, однако, соглашается с взглядами предшествующих исследователей грамматики в том плане, что “многие из модальных слов, действительно, произошли из вставных предложений” [Виноградов 1947: 730]. Ф. И. Буслаев также обращал внимание на происхождение вводных предложений: “Иногда стоят рядом, или же одно в другом, без всякой видимой грамматической связи, такие два предложения, которые, по своему смыслу, должны бы быть соединены по способу подчинения. Напр.: «Наши предки, кажется, имели весьма ограниченное представление о живописи». Такие предложения называются вводными” [Буслаев 1959: 281]. Он считал, что предложения с вводными элементами есть результат слияния двух предложений и сокращения одного из них: “При слиянии предложений, соединенных по способу подчинения, одно предложение, слитое с другим, хотя и может быть рассматриваемо как целое предложение, но употребляется в смысле отдельной части речи” [Буслаев 1959: 285].

Действительно, на это указывают те из модальных слов и частиц, которые произошли от глаголов (например, в русском языке: *признаюсь, видите ли, кажется, как говорится*, в удмуртском языке: *шќдске, адске, шонергес ке верано*). Вполне возможно, что предложения с модальными словами и словосочетаниями глагольного происхождения есть не что иное, как редуцированные сложноподчиненные предложения. Возьмем, к примеру, предложение: *Дышетскемез но тыро-ныдо ќвкл, шќдске* (Гаврилов, 1: 8). ‘Чувствуется, и знания у нее незначительны’.

Попробуем реконструировать такое предложение в сложноподчиненное: *Шќдске, дышетскемез но солэн тыро-ныдо ќвкл шуыса* ‘Чувствуется, что и знания у нее незначительны’.

Из этого примера видно, что предложение с модальным словом глагольного происхождения легко восстанавливается в сложноподчиненное. Но это не значит, что все употребляющиеся в современном удмуртском языке модальные слова возникли и оформились из некогда самостоятельных предложений, включенных в основное высказывание извне. Вполне возможно, что, как определяет Д. И. Ганич,

“большая часть модальных слов не прошла эволюции от предложения до показателя модальности другого высказывания” [Ганич 1953а: 253].

По своим стержневым словам (по главным словам) все модальные словосочетания в удмуртском языке можно разделить на несколько групп:

- а) словосочетания с стержневым словом глагольного происхождения;
- б) словосочетания с деепричастной формой в качестве стержневого слова;
- в) словосочетания с наречной формой в качестве стержневого слова;
- г) словосочетания и вводные конструкции с отглагольно-именной формой в качестве стержневого слова.

Остановимся подробнее на рассмотрении каждой группы модальных словосочетаний отдельно.

3.1. Модальные словосочетания с стержневым словом глагольного происхождения

К этому разряду относятся сочетания *зэмзэ ке верано* / *зэмзэ верано ке* ‘если правду сказать’, *шонерак верано ке* ‘если прямо сказать’, *мецак верано ке* ‘если откровенно сказать’, *мар шуод/ ма шуод* ‘что скажешь’, *тод вылэм* ‘кабы знать, знать бы’ (букв.: знай было), *шуг вераны* ‘трудно сказать’, *кин тодэ* ‘кто знает, как знать’, *асьтэос тодӱськоды* ‘сами знаете’, *асьтэос валаськоды* ‘сами понимаете’, *ачид валаськод* ‘сам понимаешь’, *шуо вал ук* ‘говорили ведь было’, *потэ мыным* ‘мне кажется, я полагаю’, *шуыны луоз* ‘можно сказать’, *номыр уд шуы* ‘нечего сказать, конечно, безусловно, ничего не поделаешь’ (букв.: ничего не скажешь).

В составе высказывания перечисленные сочетания, действительно, выглядят как главная часть сложноподчиненного предложения, поскольку в некоторых из них наличествуют и подлежащее и сказуемое или они представляют собой односоставные обобщенно-личные и безличные предложения. Но в отличие от сложноподчиненных предложений, во-первых, они не имеют при себе придаточной части с союзами, а во-вторых, их главными можно назвать лишь условно, так как весомыми по содержанию являются так называемые придаточные части. Эти предложения в структуре высказывания в результате частого употребления утратили уже свою син-

таксическую самостоятельность, они имеют лишь добавочное модальное значение. Поэтому дальше мы их будем называть модальными словосочетаниями глагольного происхождения.

Модальное словосочетание *зэмзэ ке верано/зэмзэ верано ке* состоит из сочетания безличного глагола и существительного в винительном падеже. Наличие условного союза *ке* свидетельствует о том, что по происхождению данное словосочетание восходит к условному придаточному предложению. В “Грамматике современного удмуртского языка” в разделе “Вводные слова и предложения” также отмечается сходство некоторых глагольных вводных слов и словосочетаний с односоставными предложениями [ГСУЯ 1970: 237–238]. Данное модальное словосочетание указывает на выражение уверенности говорящего: *Маке ќкъл со, Роман! – верантэм паймиз кышноез. – Зэмзэ верано ке, Борис Алексеевичлы кин-о тон мындад юрттһз?* (Перевощиков, 1: 333). “Еще чего, Роман! – очень удивилась его жена. – Если правду сказать, Борису Алексеевичу кто же больше тебя помог?” *Ваньмыз та пумысен шугаса (зэмзэ верано ке, Риналэн картэзлы телеграмма сётыны чик мылкыдыз ќкъл), Роман малпанзэ шара поттһз* (Перевощиков, 1: 275). ‘Обеспокоенный всем этим (по правде, у Рины никакого желания не было мужу телеграмму отправлять), Роман свои мысли высказал вслух’.

Сочетания *мецак верано ке* и *шонерак верано ке* близки и по значению и по происхождению: они состоят из безличного глагола и примыкающего к нему наречия и условного союза, высказыванию придают значения уверенности говорящего: *Но ведь, мецак верано ке, соослэсь осконзэс тон матын но кулэзъя уд быдэсьясъ-кы, цем дыръя пленумъёсын, заседаниосын, совещаниосын чал-чал пукемен но решениос кутыку кидэ лютъямен гинэ вань уждэ быре* (Перевощиков, 1: 335). ‘Но ведь, если откровенно сказать, их доверие ты и близко не оправдываешь, чаще всего сидишь тише воды на пленумах, заседаниях, совещаниях и ограничиваешься поднятием руки во время голосований’. *Шонерак верано ке, ми ма карыны абдрам ни, соин ик ёрмыса, депутатмылы но писательмылы шуыса, Тһледлы вазиськоно кариським, оло, п́кй, кыце ке визьнод сётоды, кызьы ке ик юрттыны быгатоды* (Перевощиков, 1: 376). ‘Прямо сказать, мы уже не знаем, что и делать, и поэтому от безысходности

решили обратиться к Вам, как писателю и нашему депутату, может, мол, чем-нибудь сможете помочь’.

Данные сочетания, кроме значения модальности, имеют еще добавочное указание на порядок оформления мысли.

Модальное сочетание *мар шуод/ма шуод*, состоящее из глагола второго лица единственного числа будущего времени и дополнения-местоимения в винительном падеже, в предложении выполняет функцию вводного сочетания и придает высказыванию значение несомненности, полного согласия: *Мар шуод, куспазы но сооступаса, огкылысь улһллям, кыкназылэн ик ужзы ккътсыя* (Перевощиков, 1: 100). ‘Что скажешь, между собой они жили дружно, ладно, у обоих работа по душе’. *Ма шуод, бадньым ськлык* (Гаврилов, 1: 168). ‘Что скажешь, большой грех’. *Егит адями, мар шуод, Глаша ачиз но со интыын мкзмысал, дыр* (Гаврилов, 1: 25). ‘Молодая девушка, что скажешь, Глаша и сама на ее месте тосковала бы, наверно’.

Для наглядности рассмотрим предложение, где *мар шуод* главная часть сложноподчиненного предложения с придаточным условным: *Пака, нылмес телевизор пыр возьматһзы ке, мар шуод?* (Нянькина: 94). ‘Прасковья, если нашу дочку по телевизору покажут, что скажешь?’

Словосочетание *шуг вераны* состоит из глагола-инфинитива и примыкающего к нему наречия, указывает на сомнение говорящего, его неуверенность в выборе одного из вариантов высказывания: *Шуг вераны, вань вераськемзэс кылэм-а, али гинэ вуэм-а* (Перевощиков, 1: 374). ‘Трудно сказать, или весь разговор слышала она, или только что пришла’. *Шуг вераны, туж-а малпаськиз та вамышсэ лэсьтон аяз, кз-а, но али сое ӧечен уг лыдья, шкӧдске* (Перевощиков, 1: 390). ‘Трудно сказать, хорошо ли он подумал, прежде чем идти на этот шаг, или нет, но теперь, по-видимому, не считает это хорошим поступком’.

Данное словосочетание восходит к безличному предложению. На близость его с предложением указывает то, что все предложение с данным модальным сочетанием как бы распадается на две части, и первая часть его выступает в роли главной, а функцию подчинительного союза выполняют вопросительные частицы *-а* и *меда*.

Словосочетание *тод вылэм* состоит из сочетания двух глаголов: глагола повелительного наклонения *тод* и глагола второго прошедшего времени *вылэм* (букв.: знай было), служит для выражения сомнения, неуверенности говорящего: *Тод вылэм, мар луиз соин, кызы вордскиз но быдэ вуиз та шурмыт адһонэз?* (Перевощиков, 1: 13). ‘Знать бы, что с ним случилось, когда родилась и выросла такая его участь?’ Эх, Ваня, Ваня... *Тод вылэм, мар йкһтһз тыныд, малы квкльзэ но вань карид?..* (Перевощиков, 2: 195) ‘Эх, Ваня, Ваня... Кабы знать, что стало с тобой, почему небыль за быль выдаешь?..’

Сочетание *номыр уд шуы* ‘ничего не скажешь, конечно, безусловно’ выражает значение безусловности в истинности высказывания. Выражение состоит из сочетания отрицательного глагола второго лица единственного числа будущего времени и отрицательного местоимения в винительном падеже с нулевым аффиксом. Говорящий таким образом показывает, что к сказанному не может быть возражений: *Номыр уд шуы, врачез гажало, туж гажало, уката ик гуртэ мынһськод ке: отын тонэ кызы утялтыны, маин куно карыны ик уг тодо* (Красильников: 29). ‘Безусловно, врача уважают, очень уважают, особенно если едешь в деревню: там уже и не знают, как и чем тебя угостить’.

Сочетание *шуыны луоз* ‘можно сказать’ выступает в модальном значении допущения. Говорящий выражает подтверждение с оттенком уступки: *Нош удмурт кылэз но литератураез вань улытозям дышетһ: школаын но, педучилищеын но, институтын но. Бен али но, шуыны луоз* (Перевощиков, 2: 253). ‘А удмуртский язык и литературу всю жизнь (я) учил: и в школе, и в педучилище, и в институте. Да и сейчас еще, можно сказать’.

Сравним, где сочетание *шуыны луоз* выступает в прямом значении: *Оло нош, шуыны луоз: мар ини писателез лэсьтымтэз понна пыкылонэз?* (Ванюшев: 395). ‘Или, можно сказать: что уж писателя упрекать за неделанное?’

Сочетание *кин тодэ* ‘кто знает’ представляет из себя предложение в застывшей форме. Свою прямую функцию – функцию главной части в сложноподчиненном предложении – это сочетание уже не выполняет, а применяется в речи для передачи модального значения предположения: *Гужем ук, Михаил Филиппович. Уж пумтэм.*

Мукет мурт ке кутскиз, кин тодэ, мар луоз (Чернов, 1: 120). ‘Лето ведь, Михаил Филиппович. Дел невпроворот. Если другой возьмется, как знать, что будет’.

В модальном значении вынужденного согласия, уступки обстоятельствам, вынужденного принятия обстоятельств выступает сочетание *мар карод* ‘что поделаешь’: *Вераны кулэ, Трефилов Лозовыре берытскемысь, Иван чик шум кз пот. Но, мар карод, улляса уд лэзь ведь* (Перевошиков, 2: 288). ‘Кстати сказать, возвращению Трефилова в Лозовыр Иван совсем не обрадовался. Но, что делать, не выгонишь ведь’. *Мар карод, озьы луиз. Куке но ми соин эшъёс вал, одӥг парта ськрын пуким...* (Красильников: 342). ‘Что поделаешь, так вышло. Когда-то мы с ним друзьями были, за одной партой сидели...’

Выше была высказана мысль, что модальные слова и словосочетания не что иное, как редуцированные предложения, и некоторые из этих глагольных словосочетаний в настоящее время представляют собой односоставные предложения, потерявшие свое первоначальное значение и выполняющие синтаксическую функцию главной части сложноподчиненного предложения. Подтверждением тому могут служить следующие примеры.

Модальные слова *шонергес ке* и *зэмзэ ке* ‘если верно, если вправду’ можно легко реконструировать в словосочетания *шонергес ке верано, зэмзэ ке верано*. Вследствие утери одного элемента – глагола *верано* – остались лишь существительное с союзом. Примеры: *Шонергес ке, бен, атай ик, дыр, но егит атай, ас нылпио-сызлы атай, нош мукетъеслы – эш* (Перевошиков, 1: 470). ‘Если точнее, да, отец, наверное, но молодой отец, своим детям отец, а для остальных – друг’. *Зэмзэ ке, мылкыд но квкл, мон...кылзыны яратӥсько* (Перевошиков, 1: 306). ‘По правде, и настроения нет, я... люблю слушать’.

3.2. Модальные словосочетания с деепричастной формой в качестве стержневого слова

Модальные словосочетания с деепричастной формой в качестве стержневого слова в удмуртском языке все связаны словом *вераса* ‘говоря’.

К ним относятся: *шонерзэ вераса* ‘верно говоря, по правде говоря’, *зэмзэ вераса* ‘по правде говоря’, *кжытсэ вераса* ‘самое малое, немного говоря, немногим более, самое меньшее’, *шонергес вераса* ‘точнее говоря’, *шонерак вераса* ‘прямо говоря’, *меуак вераса* ‘откровенно говоря, прямо говоря, говоря напрямик’, *вакчияк вераса* ‘короче говоря, короче’, *кжытсэ вераса* ‘самое малое’, *огкылын вераса* ‘одним словом, говоря одним словом’, *огсямен вераса* ‘одним словом, попросту говоря’, *оглом вераса* ‘вообще говоря, в целом, вообще, в общем’, *огъя вераса* ‘одним словом, таким образом’. Одни из этих сочетаний указывают на степень достоверности сообщения или утверждения [ГСУЯ 1962: 368]: *шонерзэ вераса*, *шонергес вераса*, *шонерак вераса*, *меуак вераса*, *зэмзэ вераса*, *кжытсэ вераса*; другие указывают на приемы и способы оформления мыслей, указывают на переход к иному способу изложения [ГСУЯ 1970: 235]: *вакчияк вераса*, *огкылын вераса*, *огсямен вераса*, *оглом вераса*, *огъя вераса*.

Рассмотрим каждое словосочетание в отдельности.

Словосочетания *шонерзэ вераса* и *зэмзэ вераса* близки между собой и по значению, и по происхождению, и по частотности употребления. Образовались путем сочетания деепричастия *вераса* с существительными в винительном падеже *шонерзэ* и *зэмзэ*. Примеры: *Зэмзэ вераса, Сергейлы та уе ваньмыз ик чебер, шулдыр* (Гаврилов, 3: 618). ‘По правде говоря, Сергею в эту ночь все красиво, весело’. *Шонерзэ вераса, озьы кошкемез ноказыы йыре уг тэр* (Перевошиков, 1: 384). ‘По правде говоря, его такой уход в голове не укладывается’.

Деепричастные сочетания *шонерак вераса* и *шонергес вераса* состоят из деепричастия с наречиями: *шонерак* ‘прямо’, и наречия в сравнительной степени *шонергес* ‘точнее’. Данные сочетания, кроме выражения модальности, используются для связи частей высказывания, если стоят в начале предложения, или служат для уточнения предыдущего слова, если стоят в середине высказывания: *Шонерак вераса, мон тае журналамы кй поттысал, Сергей Демидович* (Перевошиков, 1: 214). ‘Откровенно говоря, я это не стал бы печатать в нашем журнале, Сергей Демидович’. *Пинал дыръяз вал ай со, пксь гужем нуналэ, шонергес вераса, тулысэн гужем вискын, картошка мерттон вакыт* (Перевошиков, 1: 190). ‘Это было еще в юности,

в жаркий летний день, точнее говоря, между весной и летом, во время посадки картофеля’.

Словосочетание *кжытсэ вераса* ‘самое малое’ представляет собой сочетание деепричастия с прилагательным в винительном падеже, высказыванию придает значение предположения; а также данное словосочетание способствует более цельному оформлению высказывания: *Бакинлы, кжытсэ вераса, витьтон арес, дыр, ини, нош Вара туж егит на* (Гаврилов, 3: 176). ‘Бакину, самое малое, пятьдесят лет уже, наверное, а Вара еще очень молода’.

Сочетание *мецак вераса* состоит из связи деепричастия с наречием, показывает абсолютную уверенность говорящего: *Соос уг валало асьмелэсь сюлэм висёнмес, иемьсь валамзы но уг поты. Мецак вераса, данакезлы чик кулэ но квкл асьмелэн кылмы* (Перевошиков, 2: 252). ‘Они не понимают нашей сердечной боли, а чаще и понимать не хотят. Откровенно говоря, многим им совсем не нужен наш язык’.

Иногда в речи употребляется вариант этого сочетания *мецак верало* ‘откровенно скажу, прямо скажу’, что также передает модальное значение уверенности говорящего в сказанных словах: *Татын председательмы, мецак верало, ляб сямзэ возьматэ* (Воронцов: 67). ‘Здесь (наш) председатель, откровенно скажу, демонстрирует слабый (свой) характер’.

Говорить о преобразовании сочетания *мецак верало* в модальное сочетание, наверно, еще рано, поскольку оно может выступать в прямом значении, являясь частью сложного предложения: *Мецак шуо: калыкез лутканы вордскемын милям сомы* (Воронцов: 65). ‘Прямо скажу: он у нас рожден, чтобы людей поднимать’ (здесь *шуо* и *верало* слова-синонимы).

Сочетание *вакчияк вераса* состоит из связи деепричастия с наречием *вакчияк* ‘короче, вкратце, коротко, сжато, сокращенно, кратко’, в высказывание вносит значение подытоживания, утверждения через итог, а иногда и подведения итога, не пускаясь в подробные объяснения: *Вакчияк вераса, пересь, солэн пиез гуртады ужаны бертэ* (Воронцов: 65). ‘Короче, дед, его сын в вашу деревню работать возвращается’. *Смотри, тёзка, тынад озьы медаз луы. Лытлы быдэ, кклыны выдыкуд, аслэсьтыд ачид юа: мар лэсьтћ мон туннэ? Сюлэмад каньыл ке, значит,*

нуналдэ ткля-бурья пазьгымтэед. **Вакцияк вераса**, тезка, та дунне вылын астэ ачид кузё кадь возыны тыршы, улон шоры чырмыт кузё синмын учкы. Валад-а? (Красильников: 325). ‘Смотри, тезка, чтобы у тебя так не получилось. Каждый вечер, ложась спать, самого себя спрашивай: что сделал я сегодня? Если на душе спокойно, значит, день не прошел попусту. Короче, тезка, в этой жизни учись быть хозяином, на жизнь смотри глазами хозяина. Понял ли?’

Слова *огкылын*, *оглом*, *огсямен* по происхождению сложные. Первая часть всех слов является усеченной формой числительного *одһз* ‘один’ – *ог* [ГСУЯ 1962: 160]. Слово *огкылын* представляет соединение числительного *ог* с существительным в творительном падеже *кылын* ‘словом’ – *огкылын* ‘одним словом’: *Тани воргорон пыж лэсьтыны зкк беризез погыртһз. Вандһз сое, ма кузьда кулэ, собере вылтуссэ лэсьтыны кутскиз. Собере гыркяз. Нош тыл шорын шунтыса но вуэн коттыса паськытатыны кутскиз но, огнал пумыз пилиськиз, со пал пумыз умойтэм шыгырскиз. **Огкылын вераса**, пыж кз пормы: пилиськемын но, кырыж но* (Гаврилов, 1: 134). ‘Вот мужик для лодки толстую липу срубил. Спилел ее нужной длины, потом снаружи стал обделывать. Потом выдолбил. А когда начал сушить на огне и в воде вымачивать, чтобы стала пошире, один конец треснул, другой скривился. Словом, лодка не получилась: и лопнутая, и кривая’. *Котьма ке но, умойтэм! Туж умойтэм! **Огкылын вераса**: шакишы* (Гаврилов, 1: 179). ‘Что ни говори, нехорошо! Очень плохо! Одним словом: дурно!’ *Воронин егит, суд, баблес йырсиё, ымнырыз ткдьы, чиед, ымдурьёсыз бызьыны вуэм ныллэн кадь ыжж- ыжжесь. Мугорын но Баранов сярэсь быдэс йырлы лужыт. **Огкылын вераса**, йкно егит ни, баритон куараез но кыдёке кылһське* (Гаврилов, 1: 131). ‘Воронин молод, с русыми, выющимися волосами, лицо (у него) белое, узкое, губы, как у девушки на выданье, красные. И ростом он на целую голову выше Баранова. В общем, молодой красавец, и баритон его далеко слышен’.

Сложное слово *огсямен* произошло от соединения слов *ог-* и послелога *сямен* ‘по, подобно’ – *огсямен* букв. ‘по одному подобию’, то есть ‘как один, одинаково’; а значение всего сочетания воспринимается в целом как ‘одним словом, попросту говоря’: *Тһляд гуртты мыным кельше. Кызошурен Лыз Яглэн кусыпсы кыдёкын кккл*

ке но, кылем арозь татчы вуылэме кй вал. **Огсямен вераса**, Лыз Яг мыным кельше (Чернов: 44). ‘Ваша деревня мне нравится. Хотя расстояние между деревнями Кызошур и Лыз Яг небольшое, до прошлого года я здесь не бывал. Одним словом, Лыз Яг мне нравится’.

Вторая часть сложного слова *оглом* сегодня не воспринимается самостоятельным словом, ни с каким словом не соотносится, значение его воспринимается в целом – *оглом вераса* ‘вообще, в целом говоря’: **Оглом вераса**, колхоз-совхозъёслы но, арендаторъёсын фермеръёслы но огкадь луонлыкъёс кылдытоно (Перевощиков, 2: 294). ‘В общем, и колхозам, и совхозам, и арендаторам с фермерами одинаковые условия надо создавать’. **Оглом вераса**, ваньмыз умой кошкиз кадь (Перевощиков, 2: 307). ‘В целом, все, кажется, хорошо прошло’.

Слово *огъя* тоже является усеченной формой соответственного падежа имени числительного *одһгъя* ‘как один’, то есть, ‘совместно, согласованно, сообща, вместе’. Модальное значение *огъя вераса* ‘одним словом, таким образом’ соотносится со значением ‘все свести к одному’: *Собере туж секытэн Һазыртһз*:

– Правлениын...маке луиз...Собере мынам...**Огъя вераса**, табере мынам татын ужаме уг лу ни...И вообще, котьма медло, котьма каре... (Перевощиков, 1: 235).

‘Потом с большим трудом проговорил:

– На правлении...что-то стало...Потом у меня...Одним словом, теперь я здесь работать не смогу уже... И вообще...будь что будет, делайте, что хотите...’ *Паймоно кадь характерез асьмелэн главврачмылэн! Висисез али гинэ ваизы, анализъёс дась кёкл, огъя вераса, номыр тодмо кёкл на, нош Алексей Петрович асьмемыз диагнозэн ёртэ* (Красильников: 18). ‘Удивительный характер у нашего главврача! Больную только что привезли, анализы еще не готовы, одним словом, ничего еще не понятно, а наш Алексей Петрович к нам с диагнозом пристаёт’.

Употребление модальных словосочетаний наблюдается и в русском языке: “в сферу выразителей модальных отношений все шире вовлекаются глаголы действия и глаголы отношения в составе фразеологических оборотов. Например, глагол действия *говорить* вошел в состав деепричастных модальных словосочетаний: *соб-*

ственно говоря, короче говоря, откровенно говоря, вообще говоря, иначе говоря, честно говоря и др.” [Немец 1989: 45].

3.3. Модальные словосочетания с наречной формой в качестве стержневого слова

Третью группу модальных словосочетаний составляют сочетания с главным словом наречием: *сойз тодмо* ‘это понятно’, *сойз валамон* ‘само собой разумеется, это понятно’, *озьыез озьы* ‘так- то оно так, естественно’.

Сочетания *сойз тодмо* и *сойз валамон* сходны между собой. По происхождению восходят к двусоставному предложению, состоят из связи наречия с местоимением.

Словосочетание *сойз валамон* в речи все чаще выступает в модальном значении выражения подтверждения, согласия. Состоит это сочетание из выделительно-указательного местоимения и наречия (*сойз валамон* букв. ‘это понятно’): «*Мон гинэ, гажано Нуриддин, мон гинэ янгыш...*» – «*Тон янгыш, соиз валамон...Нош мар сыце луиз?*» (Леонтьев: 105). “Один я, уважаемый Нуриддин, один я виноват...” – “Разумеется, ты виноват...Но что такое произошло?”

К этой же группе модальных сочетаний можно отнести и сочетание *сойз шонер* ‘верно, действительно’ (букв.: ‘это правильно’), которое тоже употребляется для выражения согласия, подтверждения: *Конечно, адымиез шестерняен цошатыны у луы, нош улонын котькуд шестернялэн но, котькуд адымилэн но аслаз интыез луыны кулэ. Сойз шонер!* (Красильников: 332). ‘Конечно, человека с шестеренкой сравнивать нельзя, но в жизни у каждой шестеренки, у каждого человека свое место должно быть. Это верно!’

Сочетание *озьыез озьы* состоит из двух наречий, первое из них употребляется с выделительным суффиксом. Данное наречное выражение служит для подтверждения высказываемой мысли, согласия с уступительным оттенком. Обычно в предложении имеется еще и противительный союз *но*: *Озьыез, ма, озьы, номыр лэсь-тымтэ ай, ваньмыз валантэм, но азьпал вамышьёсыд син азяд пуксё ке, сюлмад кыце ке оскон кылдэ ини* (Перевошиков, 1: 379). ‘Действительно, ничего еще не сде-

лано, все непонятно, но если будущие шаги хорошо себе представляешь, в душе какая-то вера появляется'. *Милям Арки шуэ: тодһсь-валась мурт доры коньдон ачиз лыктэ, пе. Ма, озьыез но озьы угось!* 'Наш Аркадий говорит: к знающему человеку деньги, мол, сами идут. Да так оно и есть ведь'.

Рассмотрим предложение, где слова *озьыез озьы* выступают в прямом значении: *Озьыез но озьы вылэм: ужзы соослэн, мар веранэз, секыт, но басьтонзэс трос басьто* (Красильников: 280). 'Это действительно так: работа у них, чего таить, тяжелая, но получать они много получают'.

3.4. Модальные словосочетания и вводные конструкции с отглагольно-именной формой в качестве стержневого слова

В группу модальных словосочетаний именного происхождения входят: *шуэм сямен* 'как говорится', *ма веранэз* 'что и говорить', *мон сямен* 'по-моему', *калык ма-демъя* 'по словам людей', *калык чакламъя* 'по наблюдениям людей', *мынам малпамея* 'по моему мнению', *асьтэос шуэмзэ* 'по-вашему'. Это наиболее устойчивые и часто употребляемые словосочетания и вводные конструкции из именных модальных сочетаний. К этому же ряду можно отнести и свободные сочетания с модальным значением, такие как, например, *Ермил шуэмзэ* 'по словам Ермила', *Роман Петровичлэн шодэмезъя* 'по чувствам Романа Петровича', *Сергейлэн чакламежъя* 'по наблюдениям Сергея' и др. В данных сочетаниях в зависимости от содержания высказывания первый элемент свободно может быть заменен другим именем, на кого ссылается говорящий. Но очевидно, что в предложениях с такими вводными сочетаниями содержится указание на модальность: говорящий утверждает, ссылаясь на чье-либо мнение, чувства. Используя подобные вводные слова и предложения, "говорящий подчеркивает отказ нести персональную ответственность за сообщаемый факт" [Проблемы функциональной грамматики 2000: 234].

Рассмотрим значение каждого словосочетания в отдельности.

Вводная конструкция *шуэм сямен* (букв. по сказанному) образовалось от -м-ового отглагольного существительного с послелогом, высказыванию придает значение обобщения, утверждения: *Табере со тылэ но, вуэ но пырыны, шуэм сямен, дась*

вал уни – маке луод лу (Перевощиков, 1: 245). ‘Теперь он и в огонь, и в воду, как говорится, готов был уже – будь что будет’.

Словосочетание *ма веранэз* представляет из себя связь отглагольного существительного с выделительным суффиксом -эз и местоимения. Данное словосочетание выражает уверенность говорящего, а также указывает на порядок оформления мыслей: Э, *ма веранэз, котьмаиз вал, котьмаиз* (Перевощиков, 1: 138). ‘Э, что и говорить, всякое бывало, всякое’.

Полную уверенность в высказываемой мысли можно выразить сочетанием местоимения *мон* с послелогом *сямен*: *Мон сямен, колхозэ пырон ужен дыртонэз ќвкл, нырысь эскероно, учконо, тодоно, берло йыртышмес кормано медам луэ* (Гаврилов, 3: 205). ‘По-моему, с вступлением в колхоз торопиться не нужно, сначала проверить, посмотреть, узнать надо, чтобы потом не чесать затылки’.

Иногда это сочетание выражает предположение говорящего: *Мон сямен, дас укмыс я кызь вань, дыр* (Гаврилов, 3: 151). ‘По-моему, девятнадцать или двадцать есть, наверно’.

Выражению предположения в данном примере способствует еще модальная частица *дыр* ‘наверно’.

К словосочетанию *мон сямен* близки по значению сочетания *мынам малпамея, асьтэос шуэмзэ* и подобные. Данные выражения представляют собой формы сочетаний притяжательных местоимений первого, второго и третьего лица единственного и множественного числа с именем в соответственном падеже, и служат для выражения субъективной оценки, характеристики, квалификации действия. Данные сочетания также придают высказыванию говорящего значение уверенности, его ссылку на свое мнение, мнение собеседника (собеседников) или третьего лица (третьих лиц). Первое сочетание состоит из сочетания отглагольного существительного *малпамея*, выраженного в форме падежа соответствия, с собственным местоимением, оформленным в родительном падеже: *Соин ик, мынам малпамея, литературной геройесты но «чылк-чылк положительной» либо «чылк-чылк отрицательнойлы» гинэ люкыны уг луы* (Перевощиков, 1: 97). ‘Поэтому, по моему мнению, ли-

тературных героев невозможно разделить на “чисто положительных” либо “чисто отрицательных”.

Сочетание *асътэос шуэмзэ* состоит из отглагольного существительного, выраженного в сочетании с усилительно-личным местоимением второго лица множественного числа именительного падежа: *Огъя вераса, асътэос шуэмзэ, пумаз вут-тһллям* (Перевошиков, 1: 474). ‘Одним словом, как вы говорите, вконец довели’.

В данный же ряд можно включить свободные словосочетания с модальным значением, которые указывают на ссылку на чье-то мнение, на чьи-то слова: *Ярам, папаез шуэмзэ, улыса-вылыса соин но кызьы ке огъя кыл шедьтод, дыр, ай* (Перевошиков, 1). ‘Ладно, как говорит папа, проживем, да и найдем еще, наверно, с ним общий язык’. *Сергей Демидович шуэмзэ, ккня ке ар талэсь азьло премитэк кылемысьтыз весь вожез потэ на?* (Перевошиков, 1: 373). ‘Как говорит Сергей Демидович, все еще сердится на то, что несколько лет тому назад его оставили без премии?’ *Ермил шуэмзэ, асэныз ёрмем...марым?* (Перевошиков, 1: 260). ‘По словам Ермила, это... сам от себя устал?’

По образцу *мынам малпаменя* образованы словосочетания *пересьёс шуэмъя* ‘по словам стариков’, *калык мадемъя* ‘по словам людей, как говорят в народе’, *солэн шодэмезъя* ‘по его чувствам, как он чувствует’ и т.д. Из приведенных примеров свободных словосочетаний видно, что через них говорящий передает субъективное мнение, чувства, ощущения, наблюдения и степень своей уверенности. Примеры: *Роман Петровичлэн чакламежъя, тужгес но озьы даурто котькуд ласянь пкрмостэмгес, олексыгес, котькинлы вожсяськись, лек, аксым, кыдёке учкыны быгатһсьтэм адямиос* (Перевошиков, 1: 189). ‘По наблюдениям Романа Петровича, так действуют недалёковидные люди, которые во всех отношениях неполноценные: бестолковые, завистливые, калеки, злые, жадные’. *Пересьёс шуэмъя, адһонлэсь уд пегһы* (Валишин: 33). ‘Как говорят старики, от судьбы не убежишь’. *Бен солэн Викторез туслы но, визьмын но, калык шуэмъя, инмар обидьымтэ* (Валишин: 18). ‘Да ее Виктора и лицом, и умом, как говорится в народе, бог не обидел’.

Убежденность, полную уверенность в высказываемой мысли можно выразить восклицательными вводными конструкциями типа *инмар понна* ‘богом клянусь, ей-

богу' (букв. 'ради бога'), *тыл понна* 'огнем клянусь' (букв. 'огня ради'), *шунды понна* 'солнцем клянусь' (букв. 'солнца ради'), *тани та шундые* 'солнцем клянусь' (букв. 'вот мое солнце') и др. В «Грамматическом учении о слове» академик В. В. Виноградов в числе других разрядов модальных слов выделяет "переходные или гибридные типы слов и выражений, совмещающих модальные значения со значениями других категорий. Повидимому, в силу яркой субъективной окраски большей части модальных слов, с ними легко сближаются междометия: *слава Богу, ей-богу, чорт возьми, шут знает и т.п.*» [Виноградов 1947: 741]. Эту же мысль выражает и Г. П. Немец: "Глагол отношения *знает* вошел в лично-глагольные модальные словосочетания: *бог знает, кто его знает, черт его знает и др.*" [Немец 1989: 45]. Этими восклицаниями говорящий пытается уверить собеседников, поэтому произносятся они с особой интонацией убеждения. Примеры: *Шунды понна, ужото быдэс редколлегиез мыжыказ кырем ук!* (Перевошиков, 1: 352). 'Честное слово, уже всю редколлегию в кулаках держит ведь'. *Тыл понна, тодһзы ке, куд-огез ккӧтсэс посыса серекъялозы* (Перевошиков, 1: 370). 'Ей-богу, если узнают, некоторые от смеха за животы будут держаться'. *Инмар понна, колхозэ но ведь быдэс арзэ умой-умой кз поталля ни* – «*висько*» (Перевошиков, 1: 138). 'Ей-богу, и в колхоз ведь целый год по нормальному не выходила – 'болею'. *Инмар понна, тани та шундые, пал кыл но кӧй поттылы* (Валишин: 46). 'Ей-богу, солнцем клянусь, ни слова не говорила'.

Мы рассмотрели наиболее часто встречающиеся устойчивые модальные словосочетания и вводные конструкции с модальным значением.

Суммируя все вышеизложенное, мы пришли к следующему:

1. Различаются устойчивые модальные словосочетания и вводные конструкции и свободные вводные сочетания с модальным значением. Признаком модальных словосочетаний и вводных конструкций является устойчивость лексического состава, воспроизводимость их в готовом виде, частота их употребления. А вводные сочетания с модальным значением отличаются свободным употреблением лексем, выборочностью и индивидуальностью употребления.

2. По стержневому слову различаются модальные словосочетания глагольного, именного, наречного, деепричастного происхождения.

3. Большинство модальных словосочетаний с глагольной формой в качестве стержневого слова по происхождению восходят к главной части сложноподчиненного предложения и являются их «остатками», грамматикализовавшимся в результате частого употребления.

4. Модальные словосочетания, как показывают наблюдения, наряду с модальными словами, в удмуртском языке являются одним из продуктивных способов выражения модальности высказывания.

Заключение

Рассмотренные в предыдущих главах способы языкового выражения модальности приводят к выводу, что модальность – явление сложное, всеобъемлющее. В данной монографии впервые находит своё воплощение всестороннее изучение вопроса о модальных словах и в целом о категории модальности в удмуртском языке. В удмуртском языке, как и в других языках, она выражается с помощью различных средств: лексико-грамматических и лексических.

Одним из средств выражения модальности является глагольное наклонение. В удмуртском языке все три типа наклонения могут выражать модальность. Особенно ярко окрашены модальными значениями условное и повелительное наклонения. Но, кроме условного и повелительного наклонений, в удмуртском языке некоторые формы изъявительного наклонения тоже способствуют выражению говорящим своего отношения к высказываемому. Это такие формы, как:

а) форма неочевидного прошедшего времени с грамматическим показателем суффиксом *-м*, передающим значение неочевидности действия (*ветлһськем* ‘(я) ходил, оказывается’, *лыдһемед* ‘(ты) читал, оказывается’);

б) форма понудительного залога с показателем суффиксом *-т-* (*-ты-*), передающим значение понуждения другого совершить действие (*лыдһытыны* ‘заставить читать’, *лутытыны* ‘заставить, попросить поднять’, *вератытыны* ‘попросить заставить сказать’);

в) глаголы притворного действия с показателем суффиксом *-(э)мьяськ-*, *-(э)мьяськы-*, *-мтэськ-*, *-мтэськы-* (*кылэмьяськыны* ‘притвориться, сделать вид, будто слышал’, *бкрдэмьяськыны* ‘притвориться плачущим, сделать вид, будто плачешь’, *адһымтэськыны* ‘притвориться невидящим; сделать вид, будто не видишь’).

Данные регулярные грамматические показатели модальности, сочетаясь с множеством глагольных основ, сохраняют одно и то же модальное значение, не обусловленное значением глагольной основы. От лексических средств выражения мо-

дальности они отличаются тем, что входят в ткань предложения и являются сказуемыми.

Модальные значения необходимости, долженствования, намерения передаются безличными глаголами с суффиксами *-но*, *-оно* (*-ёно*) (*ваёно* ‘нужно принести’, *верано* ‘необходимо сказать’, *кутсконо* ‘нужно взяться’) : *Оло нош, кинлэн ке мукет муртлэн сюанэз? Пинальёслэсь умойгес юано* (Гаврилов 3: 15:). ‘Может быть, у кого-то другого свадьба? У ребятешек получше расспросить надо’.

Модальные значения также передаются в предложениях со сказуемым, выраженным глаголом в неопределенной форме. С помощью неопределенной формы могут выражаться значение намерения, желания выполнить действие. Однако в таких высказываниях большую роль играет интонация: *Эх, ккжсы вылэ сое пыдесъяськы-тыны* (Валишин: 20). ‘Эх, поставить бы его на колени’.

Модальность высказывания в удмуртском языке передается также и аналитическим способом: соединением инфинитива с спрягаемыми вспомогательными глаголами с модальным значением желания, намерения, чувствования, возможности, необходимости, кажимости и другими: *турттыны* ‘пытаться, намереваться’, *малпаны* ‘задумать, намереваться’, *кдъяны* ‘пытаться’ и т. д. Как и в индоевропейских языках, в удмуртском языке такие глаголы, передавая модальные значения, имеют спрягаемые формы, являются членами предложения – выступают в качестве грамматического показателя составного глагольного сказуемого.

Но наиболее конкретно модальные значения в удмуртском языке передаются с помощью модальных слов и частиц. В данной монографии модальные частицы подробно не рассматривались, поскольку это отдельная тема для исследования.

Выявление круга модальных слов, анализ их особенностей в сравнении и сопоставлении со служебными и знаменательными частями речи показывают, что в современном удмуртском языке модальные слова по своим семантическим, морфологическим и синтаксическим признакам вполне оформились в отдельную часть речи, занимающую свое место в ряду знаменательных и служебных частей речи.

Категориальное значение модальных слов – “значение уверенности или неуверенности говорящего в его соответствии с действительностью, о чем он говорит”

[СРЯ 2001: 182] – отличается от категориальных значений и знаменательных, и служебных слов.

Со знаменательными словами модальные слова сближает их происхождение: модальные слова соотносятся со знаменательными словами – глаголами, существительными, наречиями. Однако от знаменательных слов модальные отличаются рядом признаков.

Во-первых, модальные слова не имеют номинативной функции, понятий не выражают. Модальное значение некогда полновесного знаменательного слова развилось в результате постепенной потери последним номинативного значения и грамматикализации – утраты словом лексического значения в связи с употреблением его в служебной функции. Модальные слова в настоящее время являются функциональными омонимами знаменательных слов.

Во-вторых, с утратой лексического значения слово теряет и присущие ему грамматические признаки, и грамматические показатели в слове являются уже формальными – в модальных словах не выделяются морфемы; они нечленимы, неизменяемы и не служат для образования новых лексических единиц.

В-третьих, в предложении модальные слова не вступают в какие-либо грамматические отношения с другими словами, им нельзя поставить вопрос, и они не являются членами предложения. В предложении модальные слова логически не выделяются, т. е. на них логическое ударение “не падает”; в предложении они занимают более автономную позицию и выступают в функции вводных слов.

В связи с этим возникает проблема разграничения вводно-модальных слов от других групп вводных слов, не передающих модальные значения. Модальными являются те из вводных слов, которые обладают присущим модальным словам категориальным значением выражения различных оттенков уверенности/неуверенности. К модальным словам не относятся вводные слова со значением “эмоциональной оценки (чувства радости, сожаления, надежды, опасения)”, слова, выражающие “оценку меры или степени того, о чем сообщается” [ГСУЯ 1970: 237].

В диалогической речи модальные слова и словосочетания нередко выступают в качестве слова-предложения, выражая уверенность, убеждение говорящего, его рассудочную оценку или сомнение, раздумье:

– *Я, кызьы, Климов эш, мыномы-а гуртэ?*

– *Кйткд, – шуиз Сергей, уллань учкыса. – Берлогес шат?* (Гаврилов 3: 182).

– Ну как, товарищ Климов, поедem в деревню?

– Не знаю, – сказал Сергей, глядя вниз. – Может, попозже? (Здесь *кйткд* – модальное слово).

Со служебными словами модальные сближает отсутствие лексического значения и функция в предложении – модальные слова служат для выражения отношения говорящего к высказываемой мысли с точки зрения уверенности/неуверенности, достоверности/недостоверности, утверждения/отрицания и т. д. Из служебных слов модальные слова по функциям в предложении и по вносимым в высказывание значениям наиболее близки с модальными частицами. Как и частицы, модальные слова несамостоятельны, т. е. они не могут выступать в качестве члена предложения. Но отличаются от последних происхождением – модальные слова, как об этом было отмечено выше, соотносятся с лексически полновесными словами, тогда как происхождение большинства модальных частиц сегодня трудно установить.

По происхождению большинство модальных слов удмуртского языка восходит к различным застывшим грамматическим формам глаголов: *шуо*, ‘говорят’, *шуом* ‘скажем’, *шуод* ‘скажешь’, *адске (адньиське)* ‘видимо, кажется’, *верало* ‘говорят’, *валамон* ‘понятно’, *шкдске (шкдһське)* ‘кажется вероятно’, *луоз* ‘наверно, может быть, вероятно’, *вылды* ‘по-видимому, наверно, скорее всего’, *яралоз* ‘ладно, хорошо’, *ярам* ‘ладно, хорошо’, *кожалод* ‘кажется, как будто’ *кйткд* ‘не знаю’. Лишь несколько модальных слов отдифференцировались от существительных (*кылсярысь* ‘например, к примеру, к слову’) и от наречий (*зэм* ‘правда, вправду, верно, действительно’, *озьыен* ‘значит’, *озьытэк-а* ‘не так ли’, *тодмо* ‘верно’, *тодмо ини* ‘понятно уж, шонер ‘верно, действительно, правильно’).

С помощью модальных слов говорящий может передавать значения различной степени уверенности/неуверенности. В том случае, если говорящий сообщает о си-

туации, которую он сам наблюдал, его сообщение квалифицируется как достоверное, и говорящий подбирает те из модальных слов, которые передают значения уверенности, утверждения, подтверждения: *валамон, валамон ини, зэм, зэмзэ, зэмзэ но, зэмзэ ик, зэмзэ ява, зэмен, шонер*.

Если говорящий строит свое высказывание на восприятии, в результате логического вывода, сообщение его квалифицируется как предположительное, и в высказывании употребляются модальные слова, передающие значения предположения, неуверенности, вероятности, возможности: *адске (адһиське), вылды, луоз, кожалод, шкдске (шкдһське), кйткд*.

Передачу чужой речи, чужого утверждения говорящий осуществляет с помощью модальных слов *шуо, верало*.

Свое отношение к высказыванию говорящий может основывать на установлении причинно-следственных связей. При этом информация может носить как предположительный, так и утвердительный характер. К таким относятся модальные слова *кылсярьсь, нырысетһез (кыкетһез... и т.д), озьыен, озьы бере, шуом, шуод, ярам, яралоз*.

Лексика удмуртского языка, как и лексика любого другого языка, пополняется за счет заимствований. В результате различных контактов (культурных, бытовых, торговых и др.) в удмуртский язык проникли и прочно утвердились в нем заимствованные из русского языка модальные слова – всего около двадцати слов. Заимствованные из русского языка модальные слова в разговорной речи довольно часто употребляются, хотя специальных исследований по этому вопросу не проводилось. Попадая в лексику удмуртского языка, некоторые русские заимствования в разговорной речи нередко подвергаются фонетическому упрощению, например, может быть – *можот*, поди – *буди*, не знаю – *незнай*, согласен – *соглаш*, значит – *значитсы*, видно – *винно ке*. Пополнение состава модальных слов в удмуртском языке заимствованными модальными словами способствует обогащению удмуртской речи в плане способов выражения субъективного отношения высказывания к действительности.

Для выражения модальности высказывания, наряду с модальными словами, в удмуртском языке используются и модальные словосочетания и вводные конструкции. По утверждению О. В. Агуца, “модальные словосочетания по своим функциям сближаются с модальными словами” [Агуца 1998: 8]. В связи с этим в разряд модальных слов включаются устойчивые словосочетания, которые, по словам В. В. Виноградова, “могут превратиться в частицы и грамматикализироваться, т.е. становятся простыми грамматическими выразителями модальности предложения, лишенными лексической самостоятельности и раздельности” [Виноградов 1947: 725]. В ходе исследований за выражением модальности в произведениях удмуртских писателей, а также в ходе наблюдений за живой разговорной речью выявлены следующие модальные словосочетания:

а) словосочетания с глагольной формой в качестве стержневого слова: *зэмзэ ке верано* / *зэмзэ верано ке* ‘по правде; если правду сказать’, *шонерак верано ке* ‘если прямо сказать’, *мецак верано ке* ‘если откровенно сказать’, *мар шуод/ма шуод* ‘что скажешь’, *тод вылэм* ‘кабы знать, знать бы’, *шуг вераны* ‘трудно сказать’, *кин тодэ* ‘как знать; кто знает’, *асьтэос тодӱськоды* ‘сами знаете’, *асьтэос валаськоды* ‘сами понимаете’, *шуо вал ук* ‘говорили ведь было’, *потэ мыным* ‘мне кажется’, *шуыны луоз* ‘можно сказать’, *номыр уд шуы* ‘нечего сказать, безусловно, ничего не поделаешь’. Большинство глагольных модальных словосочетаний по происхождению восходят к главной части сложноподчиненного предложения и являются их остатками, грамматикализовавшимися вследствие частого употребления;

б) модальные словосочетания с деепричастной формой в качестве стержневого слова (все связаны словом *вераса* ‘говоря’): *шонерзэ вераса* ‘по правде говоря’, *зэмзэ вераса* ‘по правде говоря’, *кжытсэ вераса* ‘самое малое; самое меньшее; немногим более’, *шонергес вераса* ‘точнее говоря’, *шонерак вераса* ‘прямо говоря’, *мецак вераса* ‘откровенно говоря; говоря напрямик; прямо говоря’, *вакчияк вераса* ‘короче; короче говоря’, *кжытсэ вераса* ‘самое малое’, *огкылын вераса* ‘одним словом; словом’, *огсямен вераса* ‘одним словом; попросту говоря’, *оглом вераса* ‘вообще говоря; в целом; вообще; в общем’, *огъя вераса* ‘одним словом; таким образом’;

в) модальные словосочетания с наречной формой в качестве стержневого слова: *соиз тодмо* ‘это понятно; понятно’, *соиз валамон* ‘само собой разумеется; само собой; понятно’, *озьыез озьы* ‘так-то оно так; естественно; конечно’;

г) модальные словосочетания и вводные конструкции с отглагольно-именной формой в качестве стержневого слова: *шуэм сямен* ‘как говорится’, *ма веранэз* ‘что и говорить’, *мон сямен* ‘по-моему’, *мынам малпамея* ‘по моему мнению’, *калык мадемья* ‘по словам людей’, *калык чакламья* ‘по наблюдениям людей’, *асьтэос шуэмзэ* ‘по-вашему’. Это наиболее устойчивые и часто употребляемые словосочетания из именных модальных сочетаний. Но в разговорной и письменной речи часто используются свободные словосочетания с модальным значением ссылки на чье-то мнение, например: *Ермил шуэмзэ* ‘по словам Ермила’, *Роман Петровичлэн шкдэмезья* ‘по чувствам Романа Петровича’, *Сергейлэн чакламеэзья* ‘по наблюдениям Сергея’ и др.

Модальные словосочетания от других словосочетаний с модальным значением отличаются устойчивостью лексического состава, воспроизводимостью в готовом виде. Свободные словосочетания с модальным значением от первых отличаются тем, что каждое слово в них свободно и может быть заменено в других предложениях соответствующими высказыванию другими словами, например: *дышетһсьлэн верамезья* ‘по словам учителя’, *анайлэн верамезья* ‘по словам матери’, *пересьлэн верамезья* ‘по словам старика’ и т.д.

Модальные словосочетания, наряду с модальными словами, в удмуртском языке являются одним из продуктивных способов выражения модальности высказывания.

Проблема категории модальности и способов ее выражения в удмуртском языке подробно рассматриваются впервые. Модальные слова, которые мы выделяем и рассматриваем как особую часть речи, в школьных грамматиках таким образом не изучаются, и термин “модальные слова” в школьных учебниках по удмуртскому языку вообще отсутствует. Поэтому исследование модальных слов в удмуртском языке имеет значение в общетеоретическом и прикладном аспектах. В первую очередь это касается вопросов постановки пунктуационных знаков в предложениях с

модальными словами: на данный момент в письменной речи наблюдается разноречие в пунктуации; особенно в этом затрудняются школьники. Трудность в обособлении модальных слов обуславливается тем, что модальные слова являются функциональными омонимами знаменательных слов. Поэтому в данной работе большое внимание уделено вопросам разграничения модальных слов и исходных знаменательных слов, модальных слов и вводных слов, вопросам употребления модальных слов в речи.

Практическая значимость работы, на наш взгляд, заключается также и в том, что у каждого модального слова раскрываются семантические оттенки, что могло бы найти отражение при составлении толковых, этимологических и двуязычных словарей. Кроме того, автор надеется, что монография станет полезным пособием всем тем, кто интересуется категорией модальности не только в удмуртском или финно-угорских языках, но и в языках других групп, а также исследователям удмуртского языка.

Источники

Абрамов – Абрамов А. Н. Дас модельёс. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1937. 79 с.

Белоногов – Белоногов А. Е. Яратон со: Кылбуръёс. Ижевск, 1993. 227 с.

Ванюшев – Ванюшев В. М. Трос пкртэм синъёсын учкыса // Красильников Г. Д. Тонэн кылисько. Ижевск: Удмуртия, 1991. 400 с.

Валишин – Валишин Р. Г. Тодметъёс: Веросьёс, дневник, статьяос но рецензиос. Ижевск: Удмуртия, 1990. 312 с.

ВК – Вордскем кыл. Научно-методической журнал. Ижевск, № 1–2, № 4, 2001.

Воронцов – Воронцов М. С. Гуртэ тулыс вуиз. Ижевск: Удмуртской книжной издательство, 1959. 118 с.

Гаврилов 1 – Гаврилов И. Г. Люкам сочинениос. Куинь томен. Т. 1. Устинов: Удмуртия, 1986. 495 с.

Гаврилов 2 – Гаврилов И. Г. Люкам сочинениос. Куинь томен. Т. 2. Ижевск: Удмуртия, 1987. 579 с.

Гаврилов 3 – Гаврилов И. Г. Люкам сочинениос. Куинь томен. Т. 3. Ижевск: Удмуртия, 1988. 744 с.

КМ – Кедра Митрей Секыт зһбет: Роман, повесть, веросьёс, кылбуръёс, поэма, тодэ ваён. Ижевск: Удмуртия, 1988. 392 с.

Кельмаков 1981 – Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи. Северное наречие и срединные говоры. Ижевск: Удмуртия, 1981. 300 с.

Кельмаков 1998 – Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 386 с.

Красильников – Красильников Г. Д. Тонэн кылисько: Роман, повесть но веросьёс. Ижевск: Удмуртия, 1991. 400 с.

Кубашев – Кубашев П. Н. Удалтэм арьёс: Документально-художественной повесть. Ижевск: Удмуртия, 1988. 184 с.

Кузедбай Герд Зарни кыл чуръёсы: Кылбуръёс, поэмаос. Ижевск: Удмуртия, 1997. 360 с.

Куликов – Куликов П. Пилиськем музъем // Кенеш. 2002. № 2, № 3.

Леонтьев – Леонтьев А. К. Сюрес усьтһське мынһсьлы: Исторической повесть-легенда. Ижевск: Удмуртия, 1995. 192 с.

Леонтьев 1992 – Леонтьев А. К. Нунал ке вордһське: Кылбурьёс. Ижевск: Удмуртия, 1992. 136 с.

Матвеев – Матвеев С. В. Шузи: Роман, повесть, веросьёс. Ижевск: Удмуртия, 1995. 288 с.

Нянькина – Нянькина Л. С. Ваёбыж кар: Веросьёс, повесть. Ижевск: Удмуртия, 1996. 176 с.

Перевозицков 1 – Перевозицков Г. К. Ё́квалег: Роман-дилогия. Ижевск: Удмуртия, 1988. 504 с.

Перевозицков 2 – Перевозицков Г. К. Т́кды куака: Роман. Ижевск: Удмуртия, 1994. 328 с.

Перевозицков 3 – Перевозицков Г. К. Сюлэмтэм дунне: Романьёс, повестьёс. Ижевск: Удмуртия, 1997. 776 с.

Петров – Петров М. П. Италмас: Поэма. Ижевск: Удмуртия, 2000. 56 с.

Романова – Романова Г. В. Выль кен: Веросьёс, выжыкыльёс, кырһаньёс, кылбурьёс. Ижевск: Удмуртия, 1991. 218 с.

Садовников – Садовников В. Е. Кошкизы но – ќз берытске: Повесть, очерк, веросьёс. Ижевск: Удмуртия, 1995. 144 с.

Тихонова – Тихонова Л. Лул-сюлэм: Кылбурьёс // Кенеш № 3, 2002. С. 14.

УКВ – Удмурт калык выжыкыльёс. Ижевск: Удмуртия, 2000. 208 с.

УФ – Удмуртский фольклор: Пословицы, афоризмы и поговорки. Устинов: Удмуртия, 1987. 276 с.

УВ – Улһллям-вылһллям: Выжыкыльёс. Ижевск: Удмуртия, 1983. 160 с.

Шкляев – Шкляев А. Г. Улонэз, кылмес яратыны дышетһсь // Красильников Г. Д. Тонэн кылисько. Ижевск: Удмуртия, 1991. 400 с.

Чернов 1970 – Чернов П. К. Кион кар: Повесть. Ижевск: Удмуртия, 1970. 72 с.

Чернов 1991 – Чернов П. К. Лыз Яг: Повестьёс, веросьёс. Ижевск: Удмуртия, 1991. 272 с.

Яшин – Яшин Д. А. Удмурт фольклор. Устинов: Удмуртия, 1987. 152 с.

Bernhard Munkácsi. Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Aus dem Nachlasse von Bernhard Munkácsi. Herausgegeben von D. R. Fuchs. Helsinki: Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia, 1952. XXXVII + 715 S.

Литература

Абакумов С. И. Современный русский литературный язык. Москва: Советская наука, 1942. 183 с.

Агуца О. В. Вербальные функции модальных средств в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1998. 24 с.

Алатырев В. И. Глаголы притворного действия в удмуртском языке // Вопросы удмуртского языкознания: Сб. статей. Т. 1. Ижевск, 1959. С. 73–139.

Алатырев В. И. Введение // Первая научная грамматика удмуртского языка / Удм. НИИ ист, экон., лит., и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск: Удмуртия, 1975. С. 3–15.

Алатырев В. И. Этимологический словарь удмуртского языка: Буквы А, Б / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1988. 240 с.

Аникин А. И. Вводные слова и словосочетания в современном русском языке: Дис. ...канд. филол. наук. М., 1953.

Анисимова О.В. Модальные слова и словосочетания в современном марийском языке: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2007. 21 с. 188 с.

Анисимова О.В., Кибардина Т.М. Модальные слова гипотетической достоверности в удмуртском и марийском языках//Пермистика XII: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Материалы XII Международного симпозиума (212 – 22 октября 2008 г., Ижевск) / Отв. Ред. А.Ф. Шутов; Удм. Гос. Ун-т / Удм. Ин-т ИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2008. с. 53–57.

Аскоченская В. Ф. Семантико-синтаксические функции и синонимика модальных и фазовых конструкций с зависимым инфинитивом (на материале польского, русского и украинского языков): Автореф. дис. ...докт. филол. наук 10. 02. 02, 10. 02. 01 / В. Ф. Аскоченская. Воронеж, 1998. 47 с.

Атаманов М. Г. Удмуртская ономастика / Науч. ред. И. В. Тараканов. Ижевск: Удмуртия, 1988. 168 с.

Атаманов М. Г. История Удмуртии в географических названиях. Ижевск: Удмуртия, 1997. 248 с.

Ахунзянова Р. Р. Эпистемическая модальность и средства ее выражения в английском и татарском языках. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Набережные Челны, 2012.–23 с.

Бабакова И. А. Явления вводности в русском литературном языке: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Харьков, 1955. 23 с.

Березин Ф. М. Теория грамматики: Лексико-грамматические классы и разряды слов. М., 1990. 201 с.

Бордович А. М. Модальные слова в современном русском литературном языке: Дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1956. 318 с.

Борисов Т. К. Удмурт кыллюкам. Толковый удмуртско-русский словарь. Ижевск: Удм. ин-т ИЯЛ УрО АН СССР, 1991. XXXII + 384 с.

Булычева Е. А. К вопросу о желательном наклонении в удмуртском языке // Пермистика 6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов: Сб. статей / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. Ижевск, 2000. С. 19–25.

Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. 623 с.

Бутылов Н. В. Иноязычная лексика в мордовских языках: Автореф. дис. ...докт. филол. наук. Йошкар-Ола, 2006. 47 с..

Василенко Л. И. Когда мы говорим *конечно, может быть*... Минск: Вышэйш. шк., 1990. 109 с.

Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.; Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.

Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды Ин-та русского языка АН СССР. Т. 2. Изд. АН СССР. М.; Л., 1950. С. 38–79.

Виноградов В. В. Современный русский язык. М., 1952. 520 с.

Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 53–87.

Виноградов В. В. Модальные слова и частицы. Их разряды. М.: Высшая школа, 1986.

Востоков А. Х. Русская грамматика. Изд. 12-е. СПб, 1831. 187 с.

Галкина-Федорук Е. М. Модальные слова // Современный русский язык: Морфология. Изд. МГУ, 1952. С. 405-411.

Ганич Д. И. Модальные функции вводных слов в современном русском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1953а. 361 с.

Ганич Д. И. Модальные функции вводных слов в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1953б. 17 с.

Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. Изд. 2-е. М.: Учпедгиз, 1955. 463 с.

Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. Ч. 2: Синтаксис. Изд. 3-е. М.: Просвещение, 1968. 344 с.

Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. Ч. 1: Фонетика и морфология. Изд. 4-е. М.: Просвещение, 1973. 432 с.

Глезденев П. Краткая грамматика языка народа удмурт. Вятка, 1921. 55 с.

Горбушина Г. В. Textoобразующая роль вводных слов (на материале удмуртского языка) // Первой удмуртской грамматике 225 лет. Сб. статей УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2002. С. 129–138.

ГРЯ – Грамматика русского языка. Т. 1: Фонетика и морфология. М.: Изд.-во АН СССР, 1953. 720 с.

ГСРЛЯ – Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. 767 с.

Греч Н. Н. Практическая русская грамматика. Изд. 2-е, 1827. 578 с.

Гухман М. М. Лингвистические универсалии и типологические исследования // Вопросы языкознания М.: Наука, 1973. № 4. С. 3–15.

ГСУЯ 1962 – Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология / Удм. НИИ ист., экон., языка и лит.; Отв. Ред. П. Н. Перевощиков. Ижевск: Удм. книж. изд-во, 1962. 376 с.

ГСУЯ 1970 – Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР; Под ред. В. И. Алатырева. Ижевск: Удмуртия, 1970. 246 с.

ГСУЯ 1974 – Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис сложного предложения / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР; Под ред. В. М. Вахрушева и др. Ижевск: Удмуртия, 1974. 167 с.

Давыдов И. И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка. Изд. 3-е. СПб, 1854. 462 с.

Емельянов А. И. Грамматика вотяцкого языка. ЦИК СССР. Ленинградский восточный ин-т им. А. С. Енукидзе. Л.: Изд.-во Ленинградского восточного института им. А. С. Енукидзе, 1927. 160 с.

Ерина О. В. Частицы в мордовских языках / Науч. рук.: Кюннап А., Алвре П. Тарту: Tartu Ulikooli Kirjastus, 1997. 149 с.

Жанпеисов Е. Н. Модальные слова в современном казахском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1958. 18 с.

Жуйков С. П. Основы грамматики удмуртского языка. Ижевск, 1937. 47 с.

Золотова Р. А. О модальности предложения в русском языке // Филологические науки, 1962. № 4. С. 65–79.

Каксин А.Д. Категория наклонения в хантыйском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1994, 17 с.

Каксин А.Д. Выражение модальности в хантыйском языке // Народы западной Сибири. Выпуск 3. Изд-во Томского университета. Томск, 1996. С. 41–49.

Каракулова М. К., Каракулов Б. И. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков. Ижевск: Изд. дом “Удм. ун-т”, 2001. 214 с.

Каримова Р. А. Вводные слова и сочетания слов в русском литературном языке второй половины XVIII – начала XIX в. Дис. ... канд. филол. наук, Казань, 1965. 216 с.

Карпова Л. Л. Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи. Ижевск, 2005. 581 с.

Кельмаков В. К. Удмуртско-русские языковые контакты и развитие фонетической системы удмуртского языка // Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка: Сб. статей / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. Устинов, 1986. С. 32–45.

Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии. Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. Ижевск: Изд.-во Удм. ун-та, 1998. 386 с.

Кибардина Т.М. Средства выражения модальности в удмуртском языке: Дисс. ...канд. филол. наук. Ижевск, 2003. 212 с.

Кибардина Т. М. Понятие о модальности в удмуртском языке // Пермистика VII: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Сб.ст./ УрО РАН Коми НЦ, Институт языка, литературы и истории. Сыктывкар, 1999. С. 97–100.

Кибардина Т. М. Грамматическое значение модальных слов в удмуртском языке // Первой удмуртской грамматике 225 лет. Сб.ст. / УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2002. С. 164–171.

Кибардина Т. М. Модальные словосочетания в удмуртском языке // Пермистика IX: Вопросы пермской и финно-угорской филологии. Межвузов. Сб.науч. тр. Удм. ун-т. Каф. удм. языка и методики его преподавания. Ижевск: Изд. Дом «Удм. ун-т», 2002. С. 223–234.

Кибардина Т. М. Глаголы с модальным значением в удмуртском языке// Материалы X Международного конгресса финноугроведов: Лингвистика, Йошкар-Ола, 2005. С. 371–375.

Кибардина Т. М. Заимствованные русские модальные глаголы в удмуртском языке// Материалы X Международного конгресса финноугроведов: Лингвистика, Йошкар-Ола, 2005. С. 375–380.

Кибардина Т. М. Языковое взаимодействие: заимствование русских модальных слов в удмуртском языке//Проблемы и перспективы функционирования родных языков. К 85-летию государственности Удмуртской Республики: материалы Международной научно-практической конференции. – Ижевск: Удмуртия, 2006. С. 245–250.

Кибардина Т. М. Модальное значение безличных глаголов в удмуртском языке // Пермистика XI: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: материалы XI Международного симпозиума. Перм.гос.пед.ун-т. С. 216–220.

Кибардина Т. М. Отношение модальных слов к модальным частицам в удмуртском языке // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Материалы III международной научно-практической конференции «Коми-пермяки и финно-угорский мир: будущее края – ответственность молодёжи». Т. 2 – Кудымкар: Алекс-Принт, 2007. С. 86–89.

Кибардина Т. М. (Анисимова О. В., Кибардина Т. М.) Модальные слова гипотетической достоверности в удмуртском и марийском языках // Пермистика XII: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: материалы XII Международного симпозиума. Удм. гос. ун-т / Удм. ин-т ИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2008. С. 53–57).

Кибардина Т. М. Заимствованные русские модальные слова в удмуртском языке // Пермистика X: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: материалы X Международного симпозиума: «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. С. 195–201.

КПРС – Коми-пермяцко-русской, русско-коми-пермяцкой словарь. Общеобразовательной школаэзын велотчиссез понда. Кудымкар: Коми-Пермяцкой книжной издательство, 1993. 288 с.

Крашенинникова Е. А. Модальные глаголы в немецком языке. М.: Учпедгиз, 1954. 127 с.

Кротов 1785 – Кротов З. Удмуртско-русский словарь / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 1995. XX + 308 с.

Конюхова А. В. Удмурт кыл грамматика. Кыкети люкетэз. Синтаксис. Удмуртской книжной издательство. Ижевск – 1962.

Кузнецова А. И. Категория неочевидности и возможности передачи ее в удмуртском и марийском языках // Пермистика IX: Вопросы пермской и финно-

угорской филологии. Межвузов. сб. науч. тр. Удм. ун-т. Каф. удм. языка и методики его преподавания. Ижевск: Изд. Дом «Удм. ун-т», 2002. С. 261 – 271.

КЭСЛЯ – Лыткин В. И., Гуляев Е. И. Краткий этимологический словарь коми языка / АН СССР. Ин-т языкозн. Коми филиал. М.: Наука, 1970. 386 с.

Лыткин В. И. Понудительный залог в пермских языках // Записки / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов Мин. Удм. АССР, Ижевск: Удм. книж. изд-во, 1957. Выпуск 18-й. С. 93–113.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 683 с.

Майтинская К. Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков / АН СССР. Ин-т языкозн., М.: Наука, 1979. 263 с.

Майтинская К. Е. Служебные слова в финно-угорских языках / АН СССР, Ин-т языкозн. М.: Наука, 1982. 185 с.

Майтинская К. Е. Заимствованные служебные слова в финно-угорских языках. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, Helsinki, 1983. 185 с.

Малышев С. Т. Взаимодействие классов глагола в современном русском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1967. 18 с.

Мигренин В. Н. Очерки по теории процессов переходности в русском языке. Бельцы, 1971. 215 с.

Могиллин 1786 – Могиллин М. Краткой отяцкія грамматики опыт = Опыт краткой удмуртской грамматики / Отв. Ред. Л. Е. Кириллова; Слово к читателям – Л. Е. Кириллова; Предисл. – К. И. Куликова; Прил. – Т. И. Тепляшиной. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 203 с.

Насибуллин Р. Ш. Русские заимствования в удмуртском языке (дооктябрьский период). Дис. ... докт. филол. наук. Ижевск, 1999 Т. 1. 350 с.

Немец Г. П. Семантико-синтаксические средства выражения модальности в русском языке / Ростов-на-Дону: Изд. Ростовск. ун-та, 1989. 144 с.

Никитевич В. М. Модальные функции глаголов изъявительного наклонения в современном русском языке. Дис. ... канд. филолог. наук, М., 1953. 415 с.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2000. 944 с.

Пенгитов Н. Т. Сопоставительная грамматика русского и марийского языков. Ч. 1. Введение. Фонетика. Морфология, Йошкар-Ола: Марийское книж. изд-во, 1958. 175 с.

Перевоицков П. Н. Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке. Удм. книж. изд-во. Ижевск, 1959. 326 с.

Петров Н. Е. Модальные слова в якутском языке / АН СССР. Сибирское отделение. Якутский филиал Ин-т языка, лит. и ист. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1984. 207 с.

Пешиковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Учпедгиз, М., 1956. 511 с.

Подорова А. И. Частицы в коми языке. Дис. ... канд. филол. наук. 1954. 384 с.

Поздеев В. В. Синтаксические средства выражения побудительной модальности в удмуртском языке // Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Debrecen, 1990. 3C: Sessiones sectionum: Dissertationes: Linguistika. С. 264–269.

Поздеев В. В. Категория фиктивности действия в современном удмуртском языке // Вестник Удмуртского университета. 1994. № 7. С. 11–15.

Поздеева А. А. Удмурт кыл грамматика. Нырысетӥ люкетӥз. Фонетика но морфология. Семилетней но средней школаослэн 5 но 6 классъёслы учебник. 4-тӥ изданиез. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1940. 207 б.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 1-2, М.: Учпедгиз, 1958. 536 с.

Проблемы функциональной грамматики: Категории морфологии и синтаксиса в высказывании / Андреева Е. В., Бондарко А. В., Воейкова М. Д. и др.; Российская академия наук, Ин-т лингвистических исследований. СПб: Наука, 2000. 346 с.

Русско-марийский словарь. Йошкар-Ола: Марийское книжн. изд-во, 1999. 480 с.

Рудковская М. Н. Вводно-модальные элементы в публицистических текстах. М., 1982. 227 с.

Руднев А. Г. Синтаксис современного русского языка: Уч. пособие для ун-тов и пед. ин-тов. М.: Высшая школа, 1963. 364 с.

Русская грамматика А. Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики. Изд. 12-е. СПб, 1874. 216 с.

РУС 1956 – Русско-удмуртский словарь: Около 40 000 слов; С приложением краткого очерка грамматики удмуртского языка / Удм. НИИ ист., языка и лит. М.: ГИИНС, 1956. 1360 с.

Саидов С. К. Модальные слова в немецком и узбекском языках. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент: Наука, 1964. 20 с.

Сергеева Н. А. К вопросу о некоторых средствах выражения модальности в удмуртском языке // Вестник Удмуртского университета. 1991. №2. С. 41–42.

Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 392 с.

Серебренников Б. А. О некоторых результатах контактирования финно-угорских и тюркских языков // СФУ II, 1983. С. 112–114.

Сибатрова С. С. Частицы горного наречия марийского языка // Материалы и исследования по марийской диалектологии. Йошкар-Ола, 1987. С. 120–129.

Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М., 1959. 440 с.

Современный коми язык. Учебник для высших учебных заведений. Часть первая. Фонетика, лексика, морфология // Сыктывкар: Коми книж. изд-во, 1955. 312 с.

Современный марийский язык. Морфология. Йошкар-Ола: Марийское книж. изд-во, 1961. 324 с.

Современный марийский язык. Лексикология. Йошкар-Ола. 1972.

СРЯ 1952 – Современный русский язык. Морфология (курс лекций); Под ред. В. В. Виноградова. М.: Изд-во МГУ, 1952. 519 с.

СРЯ 2001 – Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц. В двух частях. Ч. 2. Морфология. Синтаксис; Под ред. Е. И. Дибровой. М.: Академия, 2001. 704 с.

СРЛЯ – Современный русский литературный язык / Под ред. П. А. Леканта. М.: Высшая школа, 1999. 462 с.

Сочинения 1775 – Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка. Въ Санктпетербургѣ При Императорской Академии наукъ 1775 года. 113 с. [В кн. : Первая научная грамматика удмуртского языка / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск: Удмуртия, 1975. С. 3–15 + 113 + 17].

ССЛТ 1985 – Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1985. 399 с.

Тараканов И. В. Служебные слова тюркского происхождения в диалектах удмуртского языка // Вопросы удмуртского языкознания: Сб. статей. Вып. 3 / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1975. С. 169–190.

Тараканов И. В. Иноязычная лексика в современном удмуртском языке. Учебное пособие по лексикологии удмуртского языка для студентов высших учебных заведений / Удм. гос. Ун-т. Каф. удм. языка и лит. Ижевск, 1981. 105 с.

Тараканов И. В. Повелительное наклонение, формы его выражения и значения в удмуртском языке // Вопросы грамматики удмуртского языка. Сб. ст. Ижевск, 1984. С. 25–38.

Тараканов И. В. Туала удмурт кыл: Лексикология. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. 140 с.

Тараканов И. В. Удмуртско-русские языковые взаимосвязи. Ижевск, Изд-во Удм. гос. ун-та, 1993. 171 с.

Тараканов И. В. Условное наклонение, его значения и происхождение суффикса *-сал* в удмуртском языке // Исследования и размышления об удмуртском языке: Сб. статей: Пособие для высших учебных заведений. Ижевск: Удмуртия. 1998а. С. 168–180.

Тараканов И. В. Употребление и значения аналитических форм глагола с *потыны* в удмуртском языке // Исследования и размышления об удмуртском языке: Сб. статей: Пособие для высших учебных заведений. Ижевск: Удмуртия. 1998б. С. 181–187.

Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность // АН СССР, Ин-т языкозн. Л.: Наука, 1990. 262 с.

Тимофеев К. А. Морфемный статус служебных слов // Служебные слова. Межвуз. сб. науч. трудов. Новосибирск, 1987. 135 с.

Тираспольский Г. И. Коми-зырянские и удмуртские стативы как часть речи // Пермистика 6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов. Сб. статей. Ижевск: Изд. дом “Удм. ун-т”, 2000. С. 175–179.

Удмурт кылын шонер гождъяськонъя кыллюкам. (Шонер гождъяськон но пусъёс пуктылон правилоосын). Под ред. И. В. Тараканова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2002. 416 с.

Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез): тодослыко-дышетскон издание / А.А. Алашеева, Д.А. Ефремов, Т.М. Кибардина, Н.В. Кондратьева, С.В. Соколов, О.Б. Стрелкова, И.В. Тараканов, Н.Н. Тимерханова, А.Ф. Шутов; Кылкутись ред. Н.Н. Тимерханова. – Ижевск: «Удмурт университет» книгапоттонни, 2011. – 408 б. (Морфология удмуртского языка: научно-учебное издание / А.А. Алашеева, Д.А. Ефремов, Т.М. Кибардина, Н.В. Кондратьева, С.В. Соколов, О.Б. Стрелкова, И.В. Тараканов, Н.Н. Тимерханова, А.Ф. Шутов; Отв. ред. Н.Н. Тимерханова. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011. – 408 с.)

Ушаков Г. А. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков. Ижевск: Удмуртия, 1982. 144 с.

Ушаков Г. А. К вопросу о залоговых значениях глаголов // Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка: Сб. статей / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. Устинов, 1986. С. 112–116.

УРС 1983 – Удмуртско-русский словарь / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. Под ред. В. М. Вахрушева. М.: Русский язык, 1983. 591 с.

Феер Денешне Саламин Эдит. Модальность достоверности/недостоверности в современном русском литературном языке в сопоставлении с венгерским. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1980. 228 с.

Федотов М.Р. Средства выражения модальности в чувашском языке; Под ред. проф. В. Г. Егорова. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1963. 122 с.

Фразеологический словарь русского языка; Под ред. А. И. Молоткова. М.: Советская энциклопедия, 1967. 543 с.

Черемисова М. И., Тыбыкова А. Т. О модальных формах сказуемых алтайского языка // Компоненты предложения (на материале языков разных систем). Сб. науч. трудов. Новосибирск, 1988. С. 140–148.

Шати́ро Б. А. Модальность и предикативность как признаки предложения в современном русском языке // Вопросы составления описательных грамматик языков народов СССР. Уфа, 1958. С. 57–62.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. 2-е изд. Л., 1941. 620 с.

Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 63–84.

Шигуров В. В. Переходные явления в области частей речи в синхронном освещении: Учебное пособие. Саранск: Изд-во Саратов. ун-та. Саранский филиал, 1988. 87 с.

Школьный этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми книжн. изд-во, 1996. 233 с.

Шутов А. Ф. Некоторые переходные случаи выражения гипотаксиса в удмуртском языке // Пермистика 6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов. Сб. статей / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. Ижевск: Изд. дом “Удм. ун-т”, 2000. С. 194–202.

Яковлев И. В. Удмурт кылрадъян: Элементарная грамматика удмуртского языка. Ижевск: Удкнига, 1927. 87б.

Kel'makov V., Saarinen S. Udmurtin murteet (Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 47) / Удмурт диалектъёс (Удмурт кун университет. Огъя но финн-угор кылтодонъя кафедра. «Удмурт вераськетъёс» 2). Turku; Izevsk / Турку; Ижевск, 1994. 368 с.

Munkácsi B. Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Aus dem Nachlasse von Bernhard Munkácsi. Herausgegeben von D. R. Fuchs. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seuran Toimituksia, 1952. XXXVII + 715 S.

Schendels E. Das Modalwort // Deutsche Grammatik. Morphologie, Syntax, Text. M: Vyssaja skola, 1988. S. 243-245.

Wichmann Y. Wotjakische Chrestomathie mit Glossar von Yrjo Wichmann. Anhang: Grammatikalischer Abriss von D. R. Fuchs. Zweite, Erganzte Auflage. Suomalis-Ugrilainen Seura. Helsinki. / Turku, 1954. 166 s.

Wichmann Y. Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yurjo Wichmann/ Bearbeitet von E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. Helsinki, 1987 (LSFU). XXIII + 421 s.

Научное издание

Татьяна Михайловна Кибардина

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

Монография

Авторская редакция

Подписанов печать 24.09.2012. Формат 60х84 1/16

Усл. печ. л. 9,6 Уч.-изд. 10

Тираж 300 экз. Заказ № 452.

Издательство «Удмуртский университет»

426034, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4

Тел./факс: +7 (3412) 500-295, e-mail: editorial@udsu.ru